

Сперджен: биографический очерк

Оглавление

ГОДЫ ПОДГОТОВКИ (1834 — 1854)

Мальчик и его книги

От мучительного сознания греховности к славному обращению

Первые радостные попытки служения Господу

Юный проповедник в Уотербич

ПЕРВЫЕ ГОДЫ СЛУЖЕНИЯ В ЛОНДОНЕ 1855-1864

"Ибо для меня отверста великая и широкая дверь..."

Брак Сперджена истинно заключен на небе

Конфликт

Пробуждение в Лондоне

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД ЗРЕЛОГО СЛУЖЕНИЯ 1861-1886

Метрополитен Табернакл (Метропольская скиния)

Подготовка молодых проповедников

Расширение поля деятельности

Дома милосердия и приюты

Свет и тени

Сюзанна Сперджен и ее труд

Будни большой церкви

Десять лет грандиозного служения

Личные качества

Сперджен — литератор

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ (1887 – 1892)

Бескомпромиссная борьба за веру

Последние труды

Быть со Христом несравненно лучше

Приложение. Дальнейшая история Метрополитен Табернакл

Предисловие

Надо ли писать еще одну биографию Сперджена? Разве о нем уже не сказано все, что только можно было сказать, и притом сотню раз? Подобные вопросы не раз вставали предо мной, когда я писал книгу о жизни Сперджена.

Дело в том, что хотя о Сперджене много говорят в наши дни в христианских кругах, все же лишь немногие вполне понимают, каким он был, как личность и в чем состоит секрет успеха его служения. Доктор Вильбур Смит писал в 1955 году: "Я постарался прочесть еще раз большую часть автобиографий и биографий Ч.Х.Сперджена, в результате чего пришел к твердому убеждению, что христианская церковь до сих пор не имеет такого жизнеописания, которое отвечало бы всем желаемым требованиям и во всей полноте раскрыло бы нам характер этого великого проповедника благодати Божьей".

Причина такой ситуации вполне очевидна. После смерти Сперджена в 1892 году, примерно в течение последующих двух лет, новые его биографии выходили в свет почти каждый месяц. Конечно же, в ту пору все еще царил дух глубокой скорби об его уходе, и память о нем хранилась с глубочайшим почтением. Поэтому ранние биографии Сперджена мало что выражали кроме именно такого почтения. Некоторые стороны его жизни, — например, его богословские способности или методы приведения душ ко Христу, — почти полностью упускались из виду. Точно так же не был достаточно ясно описан и его крепкий, непреклонный характер, и его личность в целом изображена слабее, чем в действительности представлял из себя Сперджен.

В какой-то мере эти пробелы были восполнены когда Г.Холден выпустил в свет в 1894 году шеститомный труд под названием "Жизнь и труды Чарльза Хаддона Сперджена", а также когда его жена, бывшая заодно и его секретарем, начала публиковать "Автобиографию Сперджена". Однако оба эти труда оказались слишком громоздкими, и не получили широкого распространения, хотя в них и содержится масса полезной информации. Они не были написаны в форме живого рассказа, благодаря чему Сперджен мог бы перед читателями живой личностью. Более того, многие биографии Сперджена достаточно поверхностны, и не раскрывают глубину сущности Сперджена, как личности.

Из-за этого многие в наши дни думают о нем, просто как о высокоодаренном ораторе, заставлявшем своих слушателей смеяться и плакать, для которого стоять за кафедрой было необыкновенно приятным времяпровождением. И поскольку его пламенная ревность и твердые богословские убеждения мало известны, многие

полагают, что он похож на некоего среднего проповедника наших дней. А некоторые даже считают, что Сперджен был своего рода "дедушкой" популярных в двадцатом веке евангелизационных кампаний.

Я убежден, что эта книга, по крайней мере, хотя бы немного, обеспечивает более полное описание жизни и личности великого проповедника. В частности, мне пришлось вывести на свет некоторые стороны его жизни, о которых долгое время не говорилось подробно. Так, например, читатель получит более определенное представление о его богословских взглядах и методах проповеди. Я попытался также понять и описать некоторые стороны духовной жизни Сперджена, — его молитву, его страдания и депрессию, его слабые и сильные стороны, его победы, его юмор, его радости, а также замечательные черты его характера.

Нам предстоит раскрыть образ великого мужа Божьего, одного из величайших проповедников в христианской истории. Должен признаться, что мне пришлось встретиться с немалыми трудностями, описывая столь выдающуюся личность. И все же мои труды будут успешными уже в том случае, если многие мои читатели лучше познакомятся с ним и получат наставление и вдохновение благодаря яркому примеру его жизни.

Искренняя благодарность

Я выражаю сердечную благодарность за помощь в работе следующим друзьям:

— Пастору Лерою Коул из Оттсвиля, штат Мичиган, предоставившему в мое

распоряжение свою огромную библиотеку с трудами о Сперджене. Я воспользовался более чем сорока томами из его библиотеки, большей частью биографиями Сперджена, и должен сказать, что без книг из библиотеки Коула я не рискнул бы издать эту книгу.

— Бобу Россу, сотруднику издательства Пилигрим Пресс из Пасадены, штат Техас. Он подарил мне несколько книг о Сперджене, напечатанных этим издательством. Особенно полезными оказались книги автора Эрика Хейдена.

— Доктору Питеру Мастерсу, пастору Метрополитен Табернакл. Доктор Мастерс предоставил мне возможность воспользоваться книгой записей Метрополитен Табернакл, где ведутся записи еще с времен Сперджена. Кроме того, в личной беседе он ознакомил меня с некоторыми важными деталями жизни Сперджена.

— Пастору Джеральду Примму из Гринсборо, штат Северная Каролина, за ценные советы и фотокопии работ Сперджена.

— Филиппу Борре и Кейт Лозон из Виндзора, штат Онтарио, которые любезно предоставили мне разные тома проповедей Сперджена, а также издававшийся им журнал *The Sword and the Trowel*.

Условия жизни в Англии во времена Сперджена

Сперджен родился в 1834 и умер в 1892 году. Обстоятельства жизни того времени в некоторых отношениях отличались от нашей современности, и беглый их обзор

поможет нам лучше понять его жизнь.

Это были годы правления королевы Виктории. Она оказывала сильное влияние на парламент и на повседневную жизнь в утверждении пуританских моральных принципов.

Во времена ее правления Британия еще шире распространила свои имперские владения, и в экономике страны наблюдался заметный рост.

В Лондоне было так много лошадей, карет и телег, что движение по улицам без всяких дорожных правил часто приводило к заторам. Заметно расширилась и сфера железнодорожного сообщения, но хотя Англия и была ведущей страной в этом отношении, все же поезда ходили медленно и поездка в грязных от копоти вагонах была для пассажиров довольно неудобной.

Туалеты с проточной водой в то время могли позволить себе только богачи и кое-кто из среднего класса, среди бедных слоев общества таких туалетов вообще не существовало. Дома отапливались тогда, в основном, углем, освещение же обеспечивалось с помощью керосиновых или газовых ламп, хотя самые бедные все еще пользовались свечами.

В период жизни Сперджена заметно продвинулась вперед медицина. Были открыты бактерии и антисептики, и ученые обнаружили, что питьевая вода может быть зараженной холерой и другими болезнями, если источники находятся вблизи от сливных ям. До изобретения хлороформа в 1847 году хирургические операции проводились без наркоза, а в 1860 году, под влиянием г-жи Флоренс Найтингейл, были заложены основы современного ухода за больными.

Английское общество все еще разделялось на классы. Высший класс был не только богатым, но также пользовался привилегиями, которых лишались все остальные. Однако средний класс тоже набирал силу, поскольку у людей появлялось все больше возможностей для приобретения собственности. Но в то же время все еще было много бедняков с присущими этому классу безграмотностью, болезнями и нищетой. Те, кто оказывался в крайней нужде, могли найти себе приют в работном доме, однако условия в этих заведениях были такими плохими, что их обитатели всеми силами стремились найти какую-нибудь работу и таким образом избежать столь ужасных условий жизни. По улицам бродили толпы бездомных детей и детская преступность была для них единственным способом выживания. Эти обстоятельства следует иметь в виду, читая о том, как Сперджен создавал приюты для престарелых и сирот, а также обеспечивал бесплатное образование для детей и юношей из бедноты.

Государственной религией в Англии была Англиканская церковь. Она поддерживалась государством и пользовалась привилегиями, которых были лишены все, кто не принадлежал к этой церкви. Такие протестантские церкви, как методисты, конгрегационалисты, баптисты и пресвитериане особенно бурно процвели столетием раньше, во времена духовного пробуждения под предводительством Уайтфильда и братьев Уэсли, однако во времена Сперджена они утратили свой былой пыл, и их церковная жизнь носила довольно формальный характер. Наиболее видными деятелями среди конгрегационалистов были Томас Бинни и Джозеф Паркер, среди баптистов — Джон Клиффорд и Александр Макларен. В 1830 году началось движение Плимутских братьев, а с 1870 года началась деятельность Армии спасения под руководством Вильяма Бута.

Одним из наиболее заметных явлений в религиозной жизни прошлого столетия было Оксфордское (Трактарианское) движение. Под руководством Джона Генри Ньюмена (впоследствии католического кардинала) многие люди покинули Англиканскую церковь и примкнули к католикам, и это движение оказывало заметное влияние на повседневную жизнь Англии.

В данной книге стоимость на дома и другие предметы указаны в английских деньгах того времени. Для того, чтобы перевести их стоимость на валюту других стран и времен, читатель может взять за основу среднюю зарплату рабочего. В те времена квалифицированный рабочий получал примерно 100 фунтов в год.

Сперджен был во многих отношениях типичным англичанином Викторианской эпохи. В окружающем его обществе было много хорошего, но также и много плохого. Он посвятил себя всепоглощающей цели – провозглашению Евангелия Иисуса Христа, преображающего жизнь. И он видел проявление силы этого Евангелия в жизни тысяч обращенных к Богу людей.

ГОДЫ ПОДГОТОВКИ (1834 — 1854)

Мальчик и его книги

Раннее развитие Чарльза обращало на себя всеобщее внимание. Он удивлял и

седовласых диаконов и почтенных матрон, собиравшихся по воскресным вечерам в доме деда своими серьезными вопросами, которые предлагал для обсуждения, а также глубокомысленными высказываниями по этим вопросам. Именно в этот ранний период жизни столь ощутимо проявились такие его качества, как решительность характера и смелость высказываний, которые впоследствии сделали его известным человеком.

Роберт Шиндлер,

From the Usher's desk to the Tabernacle Pulpit, 1892

"Я предпочитаю быть потомком тех, кто страдал за веру, чем чтобы в моих жилах текла кровь всех императоров мира". Сперджен, таким образом, подчеркивал, что хотя его родословная восходила к древнему скандинавскому роду, главной ценностью в ней он считал тот факт, что его предки принадлежали к протестантам семнадцатого века, которые убежали в Англию от католических гонений в Европе.

Один из его предков, Джоб Сперджен, претерпел финансовые лишения и личные преследования за благочестивую жизнь и за свои убеждения. Джоб вместе с тремя другими братьями по вере был посажен в тюрьму за посещение собраний неконформистов — то есть тех, кто не соглашался с учением и церковной практикой англиканской церкви. Особенные страдания претерпели они в тюрьме зимой, которая выдалась на редкость холодной. В это время им приходилось спать на полу, застланном соломой. Джоб Сперджен был настолько слаб физически, что не мог даже прилечь и все время стоял на ногах.

Чарльз писал: "Я оглядываюсь назад через четыре поколения и вижу, как Бог

благоволил услышать молитвы отца моего прадеда, который умолял Бога о том, чтобы его потомки жили для Него вплоть до последнего поколения. И Бог благоволил обратиться к Себе сначала его детей, а затем и внуков, для того чтобы они любили Бога и боялись Его имени".

Таким образом, Сперджен вырос в атмосфере, где высоко ценилась верность своим принципам — любой ценой.

Он родился в июне 1834 года в городке Келведоне, что в графстве Эссекс. Однако когда ему было четырнадцать месяцев от роду, его взяли в дом к родителям отца, жившим в захолустной деревне Стамборн, где он провел последующие пять лет своей жизни. Когда он родился, матери Сперджена было всего лишь девятнадцать лет, а на следующий год они ожидали следующего ребенка и, наверное, поэтому переменили место жительства.

Его дед, Джеймс Сперджен, на то время уже двадцать пять лет служил пастором Стамборнской конгрегациональной (независимой) церкви. Он закончил Хокстонский колледж в Лондоне и обладал глубокими познаниями в Писаниях и в трудах пуритан. Его голос был сильным, но очень приятным и глубоко выразительным, а проповеди отличались искренностью и силой. Как в проповедях, так и в обычных разговорах в его речь часто вкрапливались нотки юмора. Его церковь была многолюдной, особенно учитывая тот факт, что это была деревенская церковь. Один из слушателей вспоминал: "Я мог парить на орлиных крыльях после такой духовной пищи!" Нет сомнения в том, что подобные же чувства испытывали и многие другие после его проповедей. Его любили не только собственные прихожане, но также и из местного

англиканского прихода, и у него не было ни малейшего желания перейти на служение в более крупный приход.

Бабушка Сперджена, Сара, была достойной спутницей своему мужу. Их дом был счастливым и свободным от раздоров. К нам дошло единственное записанное свидетельство о ней, что "она была дорогим человеком с доброй и любящей душой".

Младшая дочь Джеймса и Сары, восемнадцатилетняя Анна, жила в это время у родителей. Ей нравилось, что маленький Чарльз находится в их доме, где он стал предметом ее особой любви и заботы. Она ухаживала за ним, когда он был малышом, помогала ему учиться ходить и говорить. Будучи еще совсем юной, она обладала жизнерадостным характером и занималась воспитанием племянника с большим удовольствием. В то же время она была ревностной христианкой и старалась содействовать духовному росту своего воспитанника собственным благочестием и примером в повседневной жизни.

Дом, в котором жил Сперджен, был домом церковного пастора, хотя первоначально строился как дворянский дом. Этому дому было уже около двух сотен лет, но все же стоял крепко, несмотря на наклонившиеся стены и перекосившиеся полы.

Входная дверь вела в широкую переднюю комнату, где одну из стен занимал камин и огромная картина с изображением Давида и Голиафа. Здесь же находился игрушечный конь-качалка — "единственный конь, — как говорил Чарльз, уже будучи взрослым, — на котором я не любил ездить". Витая лестница вела в спальни, расположенные на верхнем этаже. У мальчика была уютная комната, где стояла старинная кровать с

ситцевым пологом. Лежа на ней, он мог слушать пение птиц, прилетающих на карниз за окном.

За домом находился хорошо ухоженный сад. В нем было много цветов и фруктов, а вокруг сада пролегла тенистая зеленая тропинка. Дедушка Чарльза часто приходил сюда, чтобы поразмышлять и подготовиться для служения в воскресный день. Позже Чарльз и сам очень любил сад и с удовольствием употреблял в своих проповедях иллюстрации из жизни растений.

Рядом с домом находилось здание церкви. Согласно пуританским традициям, внутри помещения не было никаких украшений, зато стояла высокая кафедра, похожая на ящик, над которой висел массивный резонатор. Он напоминал маленькому Чарльзу его игрушечного попрыгунчика, и, глядя на него во время собраний, Чарльз представлял себе, как резонатор отвязывается и падает дедушке прямо на голову.

В церковном здании была одна уникальная особенность — две большие наружные двери по обе стороны от кафедры. Если кто-то привозил на повозке больного человека, эти двери открывались и повозку (без лошадей) закатывали в зал, что давало инвалиду возможность с удобством слушать проповедь. В наши дни многие церкви практикуют богослужения для больных в автомобилях и в креслах на колесах, а здесь было сочетание того и другого, но только полтора столетия тому назад.

Маленький Чарльз имел прекрасную возможность проводить много времени со своим дедушкой. Джеймс Сперджен был прост в обращении, и, хотя ему было около шестидесяти, он был все еще молод душой. Может быть, именно по этой причине он

был столь привязан к своему внуку, а может, он распознал в нем необыкновенные дарования и желал их развить. Даже когда к нему обращались прихожане за советом или с просьбами о молитве, он часто брал с собой мальчика, и когда собирались служители для обсуждения богословских вопросов, мальчик был с ним, внимательно слушая и стараясь понять, о чем они говорят. Знакомство Чарльза с богословскими вопросами началось, таким образом, очень рано.

Вся жизнь в доме, где рос Сперджен, вращалась вокруг Библии. Библию здесь не только читали, но и твердо верили в ее непогрешимость. Точно так же и молитвы возносились с полной уверенностью, что Бог слышит и отвечает на них в согласии со Своей верховной волей. В семье с радостью практиковались Библейские правила жизни, а нечестность и всякого рода зло были вообще неведомы. Их образ жизни был строгим, однако они любили юмор и веселье. В работе или в отдыхе, для всех домочадцев семьи Спердженев, старых и малых, было характерно правило: "Великое приобретение – быть благочестивым и довольным".

Чарльз начал читать книги еще будучи ребенком.

В одной из спален была дверь, ведущая в маленькую темную комнату — темную потому, что окна были заштукатурены, чтобы не платить печально известный "налог на окна". Зато в этой комнате находилась старая пуританская библиотека, и когда Чарльзу было не более трех лет, он начал выносить оттуда книги на свет и разглядывать иллюстрации. Еще не научившись как следует говорить, он мог часами сидеть, разглядывая книги с рисунками. Именно в те ранние дни детства он нашел иллюстрации на "Путешествие Пилигрима" Джона Буньяна. "Когда я впервые увидел

гравюру с изображением христианина, несущего груз на своей спине, я почувствовал такое сильное желание помочь этому бедняге, что чуть ли не подпрыгнул от радости, когда увидел, как он, наконец, избавился от него". Тогда же он познакомился и с другими персонажами из "Пилигрима" — такими, как Сговорчивый, Верный и Краснобай, — и изучил главные особенности их характера.

Много читал он и "Книгу мучеников" Фокса. Он подолгу сидел, разглядывая рисунки, где было изображено сожжение протестантов во время правления кровожадной королевы Мэри, и претерпеваемые ими страдания оставили неизгладимый след в его душе.

Но Чарльз умел не только глядеть на картинки, — он очень рано научился читать. Тетя Анна учила его дома, кроме того, он ходил в школу для самых маленьких. В возрасте пяти или шести лет он уже читал Библию на семейных молитвенных собраниях. Один из очевидцев писал: "Уже в шестилетнем возрасте, когда другие дети всего лишь умели читать по слогам, он мог читать с правильной интонацией и ударениями, что было удивительно для такого возраста".

В ранние годы детства Чарльз узнал также и многое из окружающей жизни. Поэтому впоследствии он смог написать книгу с главным героем, которого он назвал "Иван Пахарь". Этот вымышленный герой рассказывает много историй, каждая из которых содержит определенное поучение. Прототипами "Ивана Пахаря" были его дед и некий фермер Уил Ричардсон, с которым он познакомился в годы проживания в Стамборне.

Будучи еще ребенком, Чарльз проявил твердость и смелость в отстаивании моральных

принципов. Например, он однажды узнал, что его дедушка недоволен поведением одного из своих прихожан, участвовавшим в таверну, и не побоялся пойти прямо в пивной зал, чтобы там встретиться с ним. Вот как Томас Роудз, — так звали этого человека, — описывает это событие.

Можно было бы еще понять, если бы за это дело взялся кто-нибудь постарше, вроде меня, но увидеть здесь такого ребенка!.. Короче говоря, он показал на меня пальцем, вот так, и сказал: "Что ты здесь, Илия? Ты сидишь тут среди нечестивцев, а ведь ты член церкви! Ты же ранишь сердце своего пастора. Мне стыдно за тебя! Я не стал бы ранишь сердце моего пастора, я в этом уверен". Сказав это, он ушел...

Я знал, что все это совершенная правда и что я виновен, поэтому я со стыдом опустил голову, не притронулся к пиву, а затем выбежал в пустынное место, упал перед Господом и стал исповедовать свой грех и умолять о прощении.

Том Роудз покался искренне и больше никогда не возвращался к этому греху. Он стал ревностным помощником пастора в деле Господнем. Так в совсем еще детском возрасте Чарльз проявил понятие о праведности и решительную готовность противостоять тому, что он считал несправедным, и это качество сопровождало его во всей последующей жизни.

После пятилетнего пребывания в Стамборне родители взяли Чарльза в свой дом. Годы детства, проведенные у бабушки с дедушкой, были очень приятными для него, и в течение последующих нескольких лет он проводил у них летнее время.

Родители Чарльза, Джон и Элиза Сперджен, к этому времени переехали в Колчестер, где Джон был служащим в фирме по продаже угля. Заодно он был пастором конгрегациональной церкви в деревне Толсбери, куда он каждое воскресенье добирался на конной повозке, так как церковь находилась в девяти милях от их дома. Работа и служение отнимали у него много времени и лишали возможности проводить время с женой и детьми, чего он так желал. Он был хорошим проповедником с необыкновенно сильным голосом, но все же уступал своему отцу в умении проповедовать.

Между тем в семье появились еще три ребенка: мальчик по имени Джеймс Арчер Сперджен (почти на три года моложе Чарльза) и за ним две сестренки, Элиза и Эмилия.

Чарльз немедленно стал среди них лидером. И не только потому, что был старшим по возрасту, но и в силу своих необыкновенных лидерских способностей. Например, однажды отец застал его за игрой в церковное собрание, на котором он руководил остальными детьми. Он стоял на кормушке и проповедовал, а остальные слушали его проповедь, усевшись перед ним на сене. В другой раз они с братом играли в кораблики на ручейке, и Чарльз назвал свой кораблик "Громовержцем", потому что, как он объяснил, ему хотелось, чтобы название корабля было смелым и победоносным.

В те времена еще не было бесплатного образования, и многие дети были неграмотными. Школы были частными, и родителям приходилось платить за обучение

своих детей.

Джон Сперджен хотел дать своим сыновьям лучшее образование, какое мог позволить его достаток, и потому отдал Чарльза в школу сразу же по его прибытию в Колчестер. Это была маленькая школа, которой руководила г-жа Кук, и он проявил себя как отличный ученик. А спустя некоторое время стало очевидно, что учеба ему нравится еще больше, чем детские игры, так что его отец говорил о нем следующее:

Чарльз рос здоровым, крепким мальчиком, с правильным телосложением, мягким характером и был очень прилежным в учебе. Он все время читал книги, в то время как другие мальчики копошились в саду или занимались с голубями. У него все время были книги да книги. Если мать хотела взять его с собой на прогулку, то она могла быть уверенной, что найдет его сидящим за чтением книг. Да, он был умным, притом умным во всех изучаемых науках. К тому же он умел хорошо рисовать.

Безусловно, родители были заинтересованы в том, чтобы их дети преуспевали в учебе, но еще больше они были заинтересованы в их правильном духовном развитии.

Поскольку отец был очень занят работой и служением, обязанности по воспитанию детей в основном выпали на долю матери. Она была очень богобоязненной и добросердечной женщиной, и ее сын Джеймс говорил: "Всем, что по милости Божьей было у нас достойного и прекрасного, мы обязаны, прежде всего, ей". Чарльз вспоминал о ней с глубокой любовью и благодарностью. Он рассказывал о том, как она читала своим детям Писание и убеждала их позаботиться о своих душах.

"Невозможно выразить словами, сколь многим я обязан своей хорошей матери, —

писал он. — Я иногда вспоминаю, как она молила Бога, говоря: "И ныне, Господи, если мои дети будут продолжать грешить, то они погибнут не из-за неведения, и моя душа должна будет свидетельствовать против них в день суда, если они не уверуют во Христа". Мысль о том, что моя мать будет свидетельствовать против меня, пронзила мое сердце... Я никогда не забуду, как она, преклонив колени и обняв меня за шею, молилась: "О, Господи, дай же, чтобы мой сын жил для Тебя!"

Он вспоминает также случай, когда отец по дороге в церковь стал сокрушаться о том, что пренебрегает воспитанием своей семьи и тут же вернулся домой. Не увидев никого на нижнем этаже, он поднялся наверх и там услышал звуки молитвы. "Он узнал, — говорил Чарльз, — что это моя мать с горячим усердием молилась о спасении всех своих детей, и особенно за Чарльза, своего первого и своевольного сына. Отец понял, что он теперь может спокойно отправляться на служение Господу, потому что его жена лучшим образом печется о духовных потребностях сыновей и дочерей в семье".

Читательский кругозор Чарльза, основанный на чтении в доме дедушки таких авторов, как Фокс и Буньян, теперь значительно расширился благодаря чтению многих других книг в отцовском доме. Он прочел нескольких известных пуританских авторов и ознакомился с их богословскими убеждениями. Кроме того, у него была возможность присутствовать вместе с отцом на библейских беседах для проповедников в Колчестере. Позже он вспоминал: "Я могу засвидетельствовать, что дети могут понимать Писания, и я уверен в этом, потому что когда я был еще ребенком, то участвовал в обсуждении многих запутанных богословских вопросов, выслушивая аргументы обеих сторон, которые в непринужденной обстановке

высказывали друзья моего отца".

Кроме множества богословских книг, которые Чарльз читал в родительском доме, он читал много книг и в дедушкином доме в Стамборне, куда навещался летними месяцами. Эту библиотеку в комнате без окон он вспоминал такими словами: "Я познакомился в этой темной комнате со многими прекрасными старыми авторами... и я никогда не чувствовал себя таким счастливым, как при чтении их книг". Нет сомнения в том, что еще в девяти- или десятилетнем возрасте он читал и кое-что понимал из трудов таких великих людей, как Джон Оуэн, Ричард Сиббс, Джон Флейвл и Мэтью Генри. Он начинал постигать значение их богословских взглядов и взвешивал в своем уме возникающие "за" и "против".

Однажды летом, когда Чарльз был еще ребенком и находился у дедушки в Стамборне, в его адрес было высказано удивительное пророчество.

Дедушка Чарльза пригласил к себе в церковь одного бывшего миссионера по имени Ричард Нилл. Нилл провел много лет в Индии и в России, а теперь нес служение в Англии. Он очень заинтересовался маленьким Чарльзом и быстро распознал в нем необычные умственные способности и редкую ясность речи. Так, например, Чарльз каждый день читал из Библии во время семейной молитвы, о чем Нилл вспоминал так: "Мне приходилось слышать прекрасное чтение как старых, так и молодых проповедников, но я еще ни разу не слышал, чтобы маленький мальчик читал так правильно".

Каждый день миссионер разговаривал с Чарльзом о его душе и горячо молился вместе

с ним. Он был убежден, что мальчик непременно станет проповедником, и перед тем, как покинуть дом, он посадил его к себе на колени и сказал следующее: "Этот ребенок когда-нибудь будет проповедовать Евангелие великому множеству людей, и я убежден, что он будет проповедовать в церкви Роланда Хила".

В те времена церковь Роланда Хила была одной из наибольших во всей Англии, и в последующие годы Чарльз действительно проповедовал в этой церкви. Эти вещи слова возымели свое действие на Чарльза, и он говорил: "Я с нетерпением ждал времени, когда буду проповедовать Слово Божье, но я совершенно ясно понимал, что необращенный человек не смеет начинать это служение. Это заставляло меня еще более целенаправленно искать спасения своей души".

В десятилетнем возрасте Чарльза перевели в другую школу в Колчестере, которая называлась Стокуэлл Хаус Скул. Академические стандарты здесь были намного выше, чем в большинстве других подобных школ. Один из одноклассников Сперджена так вспоминал об этой школе: "Господин Лидинг был нашим учителем по классическим предметам и по математике. Он преподавал очень основательно, и в лице Чарльза он нашел себе ученика с очень восприимчивым умом, особенно в изучении латыни и Евклида... По этим предметам он добился замечательных успехов".

Чарльз учился в этой школе четыре года. Это были годы серьезной умственной работы и успешного продвижения в познании наук. Он неизменно был лучшим учеником в своем классе, за исключением случая, когда однажды зимой он стал учиться хуже умышленно, потому что плохих учеников сажали ближе к печке. Учитель разгадал его хитрость и изменил порядок наказания: теперь ближе всех к печке усаживали того,

кто учится лучше всех. Чарльз тут же исправился, стал учиться хорошо и снова занял свое любимое место у печки.

Когда Чарльзу исполнилось четырнадцать лет, родители определили его на учебу в сельскохозяйственный колледж имени Святого Августина, что в городке Мэйдстоне, несколькими милями на юго-восток от Лондона. Тоска по родному дому смягчалась тем, что он был не одиноким, так как его родной брат Джеймс поступил учиться в этот же колледж. Кроме того, дядя Чарльза был директором колледжа, и мальчики столовались в его доме.

За год учебы в колледже Чарльз дважды продемонстрировал свою природную смелость. Первый случай произошел при разговоре с англиканским священником, который преподавал основы религии. Этот священник навязал ему спор о крещении младенцев, и Чарльз возражал ему с твердым убеждением, утверждая прямо противоположное мнение. Второй случай произошел, когда он исправлял математическую ошибку, сделанную его дядей-директором. За это дядя выставил Чарльза за дверь (хорошо еще, что погода была теплой) и заставил его повнимательнее читать книги. Тем не менее, дядя все же вынужден был признать его математические способности и позволил ему написать формулы вычисления для одной из Лондонских страховых компаний. Впоследствии эта компания пользовалась его формулами в течение лет пятидесяти, если не больше.

Между тем Чарльзу уже исполнилось пятнадцать лет. Он имел очень чуткий характер, был открытым и смелым. Юноша был добрым, вел правильный и честный образ жизни, обладал живым воображением и феноменальной памятью. В своем возрасте он успел

прочесть необычайно большое количество книг, причем наиболее сведущим был в своих любимых пуританских авторах.

Джеймс, младший брат Чарльза, знал о нем, может быть, лучше, чем кто-либо другой, и вот что он писал:

Чарльз не занимался ничем другим, кроме учебы. У меня были и кролики, и цыплята, и поросята, и лошади, а у него — одни только книги. Я увлекался всем тем, чем обычно увлекаются ребята, а он в это время просиживал за книгами, от которых его невозможно было оторвать.

И все же, несмотря на то, что он не увлекался ничем другим, он знал обо всем, потому что читал об этом в книгах и все складывал в свою память, которая была у него цепкой, как тиски, и вместительной, как амбар.

От мучительного сознания греховности к славному обращению

Духовные переживания, обильно смешанные с глубоким и горьким чувством греховности, очень ценны для тех, кто ими переполнен. Они весьма горьки для питья, зато безмерно благотворны для внутренностей и для всей последующей жизни.

Наверное, большая часть поверхностного благочестия, характерного для наших дней,

происходит от той легкости, с которой люди получают душевный мир и радость, слушая современную проповедь Евангелия. Не хотелось бы осуждать современных новообращенных, но я, конечно же, предпочел бы такие духовные переживания, которые повели бы плачущую душу ко Кресту и заставили бы ее увидеть всю свою черноту, прежде чем заверить в полном очищении.

Слишком многие люди думают о грехе легкомысленно, и из-за этого они думают легкомысленно о своем Спасителе. Но тот, кто однажды стоял перед Богом, чувствуя себя виновным, приговоренным и как будто с петлей на шее, — тот человек будет плакать от радости, получив прощение, он будет ненавидеть то зло, которое ему было прощено и станет жить во славу своему Искупителю, Чьей кровью он очищен.

Сперджен, 1890. Автобиография.

Летом 1849 года Чарльз еще раз перешел учиться в другую школу, на этот раз в городе Ньюмаркете. Хотя ему было только пятнадцать лет, он был к этому времени не только студентом, но и младшим учителем в школе.

Вскоре ему предстояло пережить великое событие, преобразующее жизнь, то есть свое обращение. Об этом событии евангельские верующие хорошо осведомлены, о нем часто проповедуют в церкви и пишут в духовных книгах и журналах.

Но этому событию предшествовал длительный период горького сознания греховности и поисков спасения, о чем, как правило, никто не упоминает. Сам же Сперджен считал

эти свои переживания столь важными, что он не только часто упоминал о них в проповедях, но даже посвятил их описанию целую главу в своей автобиографии.

И надо сказать, что он, будучи мастером слова, кажется, едва мог подобрать достаточно сильные выражения для описания переживаемой им внутренней борьбы. Он писал: "Я был бы рад лучше провести семь лет в мучительной болезни, чем еще раз пережить весь тот ужас зла и греха, которые я увидел в самом себе".

Эти горькие переживания начались у него в довольно раннем возрасте. Мы уже говорили, что еще в трехлетнем возрасте он с интересом разглядывал рисунки из "Путешествия Пилигрима", где Христианин был изображен с тяжелой ношей на спине, и вскоре он узнал значение этой ноши — это было бремя греха. А научившись читать, он большей частью читал Библию и труды пуританских классиков. Он с особым вниманием прислушивался к богословским беседам, и уже приблизительно в десятилетнем возрасте имел недюжинные познания в христианском вероучении. И хотя он рос честным и благонаравным мальчиком, все же ему становилось все более понятным то, каким ужасным является грех в глазах Бога. Он понимал, что, подобно Пилигриму, он тоже несет на себе это ужасное бремя, и сам не сможет от него освободиться.

Однажды летом, во время пребывания в доме у дедушки, произошел такой случай. Они читали из Библии место, где говорилось о "бездне". Чарльз прервал чтение и спросил, где находится такое место, в котором "нет дна". Дедушка попытался что-то ответить, но это не удовлетворило мальчика, и с тех пор в его сердце засела мысль, что спасенный человек может уходить все дальше и дальше от Бога

и от всего праведного и доброго и, наконец, оказаться в вечности без Бога.

И хотя он знал не хуже других, что "Христос умер за грехи наши", он не знал, как применить эту истину к самому себе. Он пытался молиться, но, как он позже вспоминал, у него получалось только "Боже, будь милостив ко мне, грешнику!" "Ошеломляющее великолепие Его могущества, величие Его силы, строгость Его правосудия, непорочная святость Его характера — все это повергало мою душу во прах, и я падал ниц перед Богом в глубоком сокрушении духа".

Чувство греховности возрастало, несмотря на многие попытки избавиться от него. Сперджен рассказывает, как в течение нескольких лет своего детства он постепенно пришел к осознанию того, что требования Божьего Закона относятся ко всем без исключения. "Куда бы я ни пошел, — говорил он, — я чувствовал требования Закона и к моим мыслям, и к словам, и к тому, как я иду или отдыхаю". Пытаясь преодолеть это ужасное состояние, он пришел к пониманию еще одной истины, взаимосвязанной с Законом Божьим, — что Закон носит духовный характер. Хотя он ни разу не совершил грехов, оскверняющих тело, он чувствовал себя виновным в грехах духа и сокрушенно признавался: "Нет никакой надежды избавиться от этого Закона; он окутывает меня своим дыханием так, что я никак не могу вырваться".

Часто случалось, что, просыпаясь после бессонной ночи, он брался за чтение таких книг, как "Увещание необращенному грешнику" Аллейна и "Призыв к необращенным" Бакстера, но эти труды, столь полезные для других, лишь бередили в нем наболевшее, напоминая, что он сам погибал и нуждался в спасении. Эти книги пробуждали в нем еще большую жажду узнать, как можно получить это великое

спасение и оставляли его один на один со своими исканиями и страданиями души.

Во время всех этих переживаний его стали посещать всевозможные богохульные мысли, и это несмотря на то, что сам он редко слышал богохульство и вряд ли когда-либо произносил его своими устами. За этим последовало сильное искушение отрицать существование Бога вообще, а далее последовала попытка внушить себе, что он — вольнодумец и, в конечном счете, атеист. Он даже пробовал сомневаться в своем собственном существовании, но все эти попытки заканчивались провалом.

В конце концов, он сказал сам себе: "Я должен что-то почувствовать, и для этого надо предпринять какие-то действия". Он был готов подставить свою спину под бичевание или совершить паломничество, если бы можно было получить таким образом спасение души. Но впоследствии он признался, что "никак не мог понять простейшую истину, что надо всего лишь верить во Христа распятого, принять совершенное Им спасение и не делать ничего самому, но довериться тому, что сделал Он".

Эти мучительные поиски спасения продолжались также и в годы учебы в Колчестере и Мейдстоне, а когда он перешел учиться в Ньюмаркет, эти поиски стали еще более старательными. Как мы уже говорили раньше, он всегда добивался замечательных успехов в учебе, но в его душе все время царила острая тоска. Впоследствии он вспоминал, оглядываясь на это ужасное время: "Мне казалось, что лучше было бы быть какой-нибудь лягушкой или рептилией, чем человеком. Я полагал, что самое безобразное создание все же лучше, чем человек, потому что я согрешил против Всемогущего Бога".

После учебы в школе он стал посещать богослужения в разных церквях, надеясь услышать что-нибудь такое, что помогло бы ему сбросить с себя бремя. "Один проповедовал о Божьем всевластии, — вспоминал он, — но эта истина была слишком высокой для бедного грешника, желающего знать, как можно спастись. Другой уважаемый проповедник всегда говорил о Законе, но что пользы было распахивать почву, которую надо уже засеивать? Еще один проповедник говорил о практической жизни христианина, но это очень сильно походило на офицера, пытающегося учить военным маневрам безногих солдат.... Все, что я желал знать, это то, как я могу получить прощение грехов, но ни один из них не сказал мне об этом".

В декабре 1849 года в школе Ньюмаркета случилась эпидемия гриппа. Школу временно закрыли, и Чарльз вернулся домой в Колчестер на Рождество.

Бог употребил эту перемену обстоятельств для того, чтобы привести юношу к спасению. История обращения Сперджена хорошо известна, но ее полезно повторить, и никто другой не сможет рассказать об этом так, как рассказывал он сам.

Мне иногда кажется, что я оставался бы во тьме отчаяния до сих пор, если бы однажды в воскресное утро, когда я шел в молитвенный дом, Господь, по Своей милости, не послал метель. Я свернул в переулок и набрел на маленькую методистскую церковь. В этой церкви находилось человек двенадцать или пятнадцать. Я слышал раньше о методистах, что они поют так громко, что режет в ушах, но теперь это не имело для меня никакого значения. Я желал знать, как можно получить спасение...

В то утро проповедник не пришел в церковь, я думаю, из-за того, что дорогу засыпало снегом. Наконец, какой-то тощий человек, похожий то ли на сапожника, то ли на портного, то ли на кого-то еще в этом роде, вышел за кафедру и начал проповедовать. Он не уходил слишком далеко от своего текста по той простой причине, что вряд ли мог что-либо добавить от себя. Текстом его проповеди были следующие слова: "Ко Мне обратитесь, и будете спасены, все концы земли, ибо Я Бог, и нет иного" (Ис.45:22).

Проповедник не мог даже произносить правильно слова, но для меня это не имело никакого значения. Мне показалось, что в этом тексте для меня засветился лучик надежды.

Он начал свою проповедь так: "Этот текст очень прост. Он говорит, "Взгляни[1]!" Для того чтобы взглянуть, не требуется много труда. Не надо поднимать ни ногу, ни даже палец, надо просто "взглянуть". К тому же, чтобы научиться глядеть, не надо ходить в колледж. Ты можешь быть последним глупцом, но все же — глядеть. И не надо быть каким-то особым человеком, чтобы взглянуть. Всякий может взглянуть, даже ребенок.

"Но дальше в тексте сказано: "Взгляните на Меня". Да, — продолжал проповедник, — многие глядят на себя, но от глядения на себя нет никакой пользы. Вы не найдете в самих себе никакого утешения. Некоторые говорят, что надо глядеть на Бога Отца. Но нет, взгляните на Него через Иисуса Христа. Это Сам Иисус Христос говорит: "Взгляните на Меня". Некоторые могут вам сказать: "Надо подождать, пока Дух Святой начнет Свою работу". Но в данный момент оставьте такие мысли. Наш

текст говорит: "Взгляните на Меня".

Затем этот милый человек продолжил толкование своего текста следующим образом:

"Взгляните на Меня, — это Я роняю крупные капли пота с кровью. Взгляните на Меня, — это Я повис на кресте. Взгляните на Меня, — это Я умер и был погребен. Взгляните на Меня, — это Я воскрес из мертвых. Взгляните на Меня, — это Я вознесся на небо. Взгляните на Меня, — это Я сижу по правую руку Отца. О, бедный грешник, взгляни на Меня! Взгляни на Меня!"

Проповедник продержался за кафедрой где-то минут десять и уже почти исчерпал свой запас. Потом он посмотрел на меня, сидящего под балконом, и я осмелюсь сказать, что ввиду малочисленного собрания он знал, что я здесь посторонний посетитель.

Посмотрев на меня пристальным взглядом и словно зная, что творится в моем сердце, он сказал: "Молодой человек, у тебя очень несчастный вид". Я и вправду был несчастным, но все же мне было как-то непривычно слышать в свой адрес замечание с кафедры о том, как я выгляжу. Тем не менее, я получил хороший удар, и он пришелся как раз к месту. Проповедник продолжал: "И ты будешь несчастным все время: несчастным в жизни и несчастным в смерти, — если не послушаешься того, что говорит мой текст, а если послушаешься прямо сейчас, в данный момент, то будешь спасен". Затем он поднял руки и закричал так громко, как это могут делать только методисты: "Молодой человек, взгляни на Христа! Взгляни! Взгляни! Взгляни! Не делай ничего другого, но только взгляни и живи!"

Я сразу же увидел дорогу к спасенью. Не помню, что там еще говорил проповедник, — эта единственная мысль овладела мною до такой степени, что я уже ничего не замечал... До сих пор я думал, что для спасения мне надо выполнить с полсотни разных правил, но когда услышал это слово "взгляни!", то каким же пленительным оно мне показалось! О, я стал глядеть и глядеть, так что, кажется, уже проглядел все свои глаза.

В одно мгновение передо мной рассеялась туча, мрак убежал, и я увидел солнце.

Моя душа мгновенно ожила и стала с ликованием воспевать драгоценную кровь Христа и ту простую веру, которая только и способна глядеть на Него. Ах, как жаль, что никто не сказал мне до сих пор эти простые слова: "Веруй во Христа, и будешь спасен"! Однако я не сомневаюсь, что все эти события произошли в моей жизни в мудрой последовательности, так что теперь я могу вполне законно сказать:

Я плакал в день, как увидал,

Как за вину мою

Христос в страданье умирал!

Теперь же я пою.

Я никогда не забуду тот счастливый день, когда я нашел Спасителя и научился лгнуть к Его драгоценным ногам... Я слушал Слово Божие, и этот бесценный текст привел меня ко кресту Христа. Могу засвидетельствовать, что в тот день радость моя была неопиcуемой. Мне хотелось прыгать, мне хотелось плясать; это может

показаться чем-то из ряда вон выходящим, но я не могу подобрать слова, чтобы описать радость, которая охватила меня в тот момент. С тех пор прошло много дней, и я много пережил, уже будучи христианином, но ничто не приносило мне такого радостного настроения и такого искрящегося восторга, какие я испытал в тот первый день.

Мне казалось, что я вот-вот выпрыгну из кресла, в котором сидел, и закричу вместе с самыми громкими братьями из методистов: "Я прощен! Я прощен! Еще один памятник благодати воздвигнут сегодня — еще один грешник, спасенный кровью Христа!"

Мой дух увидел собственные цепи, разбитые вдребезги. Я почувствовал, что теперь моя душа свободна, я — наследник неба, я прощен, Христос принял меня, извлек меня из страшного рва, из тинистого болота и поставил на камне ноги мои, и утвердил стопы мои...

Какая огромная перемена произошла во мне за то короткое время, когда я в половине одиннадцатого вошел в церковь и в половине первого вернулся домой! Простой взгляд на Иисуса избавил меня от отчаяния и привел мою душу в такой восторг, что по возвращении домой родные сказали мне: "С тобой произошло что-то удивительное!" — и я был рад рассказать им всем о том, что со мной произошло. Какая же радость была в нашем доме, когда все узнали, что их старший сын нашел Спасителя и познал прощение грехов!..

Обращение было для Сперджена великим поворотным пунктом всей его жизни. Теперь

он стал поистине новым творением. Долгое и мучительное чувство собственной греховности ушло, и теперь перед ним простирались новые горизонты.

Однако пережитые за этот период внутренние страдания оказали глубокое влияние на всю его последующую жизнь. Осознание ужасной порочности греха глубоко проникло в его душу, заставляя ненавидеть беззаконие и любить все то, что свято.

Неспособность слышанных им проповедников донести слушателям Евангелие просто и прямо, побуждала его впоследствии обращаться к грешникам в каждой проповеди и как можно более ясно и понятно объяснять путь спасения.

Но пережитые им тогда уроки были полезны не только для будущего служения. Он так сильно полюбил Христа, что, несмотря на пятнадцатилетний возраст, ему не терпелось сделать что-нибудь для Него сразу же. Поэтому он искал любую возможность служить Ему, притом служить наилучшим образом.

Первые радостные попытки служения Господу

С тех пор, как тяжкое бремя свалилось с моих плеч, я получил настоящее прощение грехов... В тот же день я сказал: "Иисус, Ты — мой", и это было чувство истинного обладания Христом. И всякий раз, когда я приходил в дом Божий в те дни моего благочестивого юношеского рвения, каждый гимн был для меня настоящим псалмопением, а когда я слышал звуки молитвы — о, как я прислушивался к каждому ее слову!

То же самое можно сказать и о времени, когда я приближался к Богу в тихом уединении: для меня это занятие было не бесплодным времяпровождением, не рутинной, не исполнением обязанностей, — это была настоящая живая беседа с моим Отцом, сущим на небесах.

О, как я любил моего Спасителя Христа в то время! Я готов был отдать для Него все, что я имел! Какое сильное желание спасти грешников было у меня в ту пору! Хотя я был еще совсем юным, мне хотелось проповедовать Евангелие и рассказать всем грешникам о дорогом Спасителе, Которого я нашел.

Сперджен. Автобиография.

Через несколько дней после своего обращения, Сперджен вернулся в Ньюмаркет и возобновил занятия в школе.

Но теперь все было другим. Его дух дышал радостью, страницы Библии пылали для него огнем откровения славы Божьей, молитва открывала для его ищущей души двери самого неба. Превыше всего он желал быть всецело преданным Богу, и поэтому он составил и подписал завет между самим собой и Господом, в котором торжественно провозглашалось следующее:

О Великий и непостижимый Боже, знающий мое сердце и испытывающий все мои пути!
Смиренно полагаясь на помощь Твоего Святого Духа, я отдаю себя Тебе в жертву живую, возвращаю Тебе Твое. Я решаюсь навсегда, безоговорочно, вечно быть Твоим; пока я жив на этой земле, я буду служить Тебе; да радуется моя душа о Тебе и да славит Тебя вовеки! Аминь.

1 февраля 1850 г. Чарльз Гаддон Сперджен.

Выразив таким образом свое решение, он тут же начал его выполнять. Одна женщина, каждую неделю разносившая трактаты в тридцать два дома, не могла в дальнейшем выполнять эту обязанность, и Чарльз с радостью принял ее на себя. Вдобавок он писал тексты из Евангелия на кусочках бумаги и либо раздавал их встречным, либо оставлял в тех местах, где кто-нибудь, как он рассчитывал, найдет их и прочтет. "Я не могу быть счастлив, — говорил он, — если не делаю что-либо для Бога".

Но ему предстояло усвоить некоторые важные жизненные уроки, и один из них не заставил себя долго ждать.

В первые дни после своего обращения он думал, что дьявол больше никогда не будет его беспокоить.

Но сатана предпринял яростную атаку. В его памяти с новой силой стали всплывать те сомнения, которые были еще до обращения, а заодно и многие прежние злые мысли и богохульства. Он очень встревожился и удивился этому явлению.

Однако на этот раз борьба была уже с другой расстановкой сил. Теперь он ощущал укрепляющую его силу. Через короткое время сомнения и злые мысли были побеждены, и Христос снова полновластно воцарился в его жизни. Это был горький, но весьма полезный опыт, поскольку он научил Чарльза уже в начале его пути, что христианская жизнь отнюдь не является ложем для отдыха, покрытым цветами, но часто представляет собой поле битвы. Размышляя над пережитым искушением, в котором он устоял, он говорил: "Это один из способов, которым сатана мучит тех, кого Бог избавил из его рук".

В последующих главах мы увидим, как Сперджен отверг богословскую концепцию "победоносной жизни", ставшую популярной в те дни. Хотя он постоянно испытывал в определенном отношении духовную победу, о которой знает большинство верующих, все же он ясно осознавал и реальность ежедневной борьбы в жизни христианина. Часто вместе с Павлом он взывал: "Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти?" Зато он мог с тем же апостолом утверждать и последующие слова: "Благодарю Бога моего за ежедневное избавление Иисусом Христом, Господом нашим".

Стремясь служить Господу, Сперджен желал публично присоединиться к народу Божьему, поэтому он присоединился к конгрегациональной церкви в Ньюмаркете.

Большинство служителей, конечно же, сочли бы за счастье иметь в своей церкви такого молодого брата, но пастор этой церкви был ему не рад. Сперджен пришел к нему домой, но пастор не захотел с ним разговаривать. Он пришел во второй раз, но с тем же результатом. Сперджен приходил еще дважды, но каждый раз находилась

какая-то причина, чтобы беседа не состоялась. Но Сперджен не мог позволить, чтобы его таким образом оттолкнули, и написал пастору записку о том, что на следующей неделе он придет на собрание, станет у его ног и попросит о членстве в церкви. На этот раз служитель сдался, и Чарльз был принят в члены церкви.

Для такой сдержанности со стороны пастора была веская причина: Чарльз по своим убеждениям не был конгрегационалистом.

Правда, он и вырос в этой деноминации, и, как мы уже говорили, его дед и отец были служителями конгрегациональных церквей. Но, хотя Чарльз был рад тому, что у них проповедовалось Евангелие, он был не согласен в вопросе крещения, потому что они крестили младенцев. Правда, и самого Сперджена дедушка окрестил в младенчестве. Но теперь он пришел к убеждению, что библейское крещение было каким-то совершенно другим, что оно значило "погребение со Христом" и должно совершаться через погружение в воду того, кто уверовал во Христа для получения спасения.

Желание разобраться в этом вопросе возникало у Чарльза еще в детстве, но более ясное понимание пришло к нему только в четырнадцатилетнем возрасте, когда дискуссию на эту тему ему навязал англиканский священник, посетивший школу в Мейдстоне. Священник утверждал, что "вера и покаяние" необходимы для крещения, но, поскольку младенцы их не имеют, отсутствующие качества должны обеспечивать крестные, пока ребенок не вырастет. Далее священник сказал, что, поскольку дедушка Чарльза не приглашал крестных, его крещение не было истинным и что Библия говорит обо всех крещенных как о верующих. Священник дал Чарльзу неделю

на размышление и исследование Писания, чтобы он сам мог разобраться в этой истине.

К концу недели Чарльз был абсолютно убежден в том, что "вера и покаяние" действительно необходимы для крещения, но он также пришел к выводу, что эти качества должны быть в сердце самого крещаемого, а не у крестных. Применяя эту истину к самому себе, он сказал: "С этого момента я решил, что если Божья благодать когда-нибудь сделает меня другим человеком, я обязательно крещусь".

И вот, теперь, когда эта перемена в нем действительно произошла, он приступил к выполнению своего решения.

Он узнал, что ближайший к нему баптистский служитель пастор В.В. Кантлоу жил в деревне Айлхем, что в восьми милях от Ньюмаркета. Он написал пастору Кантлоу письмо с просьбой о крещении, и мы можем хорошо представить себе тот пыл, с которым Чарльз рассказывал о своем обращении и о желании креститься. Пастор Кантлоу был очень рад слышать свидетельство от столь пылкого молодого человека и с радостью согласился крестить его.

Чарльз написал о своих убеждениях и о своем желании также и родителям с просьбой разрешить ему креститься. Отец не спешил с ответом, но, в конце концов, хотя и с нежеланием, дал свое согласие. В своем ответе отец написал такие слова, которые могли огорчить сына, — он предупреждал его удостовериться, что принимает крещение не для получения спасения, а как знак полной веры во Христа.

Мать Сперджена тоже дала свое согласие, но не от всего сердца. Она писала: "Ах, Чарльз, я часто молила Господа, чтобы Он сделал тебя христианином, но я не просила Его о том, чтобы ты стал баптистом!" Сын не без нотки удовольствия ответил: "Ах, мама, Господь, как всегда, ответил на твою молитву со свойственной Ему щедростью и дал тебе несравненно больше того, о чем ты просила и помышляла!"

Наступил назначенный пастором Кантлоу день крещения. Вот как сам Сперджен описывает это радостное и торжественное событие.

Я никогда не забуду 3-е мая 1850 года. Это был день рождения моей матери, а мне самому скоро должно было исполниться шестнадцать.

Я поднялся рано, чтобы пару часов побыть в тихой молитве и общении с Богом.

Потом мне пришлось идти пешком примерно восемь миль к тому месту, где я должен быть погружен в воду... И какая это была дорога! Какие мысли и молитвы переполняли мою душу в то утро, пока я шел! День был совсем не теплый. Но вид улыбающегося лица пастора Кантлоу вполне компенсировал все издержки моего долгого пути. Мы стояли вместе с этим добросердечным человеком у костра, где горел торф, и разговаривали о предстоящем торжественном событии.

Мы пошли на речку к переправе, поскольку верующие в Айлхеме пока что не опустились до того, чтобы употреблять баптистерии внутри помещения и крестили в проточной воде на речке. Место у переправы на речке Ларк было очень тихим и находилось в полумиле от деревни.

Мне показалось, что народу собралось довольно много, хотя был будний день (пятница). Я был одет, как мне помнится, в жакет с завернутым вниз воротником, какие обычно носили молодые люди. Перед крещением я был в церкви на богослужении, но оно совсем стерлось в моей памяти, поскольку мысли мои были привязаны к воде, перемешиваясь с радостью о Господе и с трепетным ожиданием предстоящего публичного исповедания моей веры.

Первыми крестились две женщины, и меня попросили помочь провести их в воде к служителю, но я совсем оробел и отказался. Для меня все происходящее было новым, и я боялся, чтобы не сделать какой-нибудь ошибки.

Когда настал мой черед войти в реку, подул пронизывающий ветер. Но когда я сделал несколько шагов, я заметил людей на пароме, в лодках и на другом берегу, и мне показалось, что в этот момент небо, земля и ад глядели на меня, потому что я не постыдился объявить себя последователем Агнца. Моя робость ушла. Я никогда не переживал с той поры ничего подобного. Крещение развязало мой язык... В этой речке Ларк я избавился от тысячи страхов и узнал, что "в соблюдении заповедей Его — великая награда".

После крещения несколько человек вместе с пастором Кантлоу собрались в молитвенном доме. Сперджену еще до этого поручали вести публичную молитву, и на вечернем собрании за день до крещения "он был вдохновлен, — как сам вспоминал позже, — больше, чем обычно, излить в молитве свое сердце". И теперь, на молитвенном собрании после крещения, испытывая еще большее святое вдохновение, он руководил молитвенным служением. "Люди, — как позже вспоминали об этом, —

удивлялись и плакали от радости, слушая этого юношу".

После возвращения в Ньюмаркет он принял участие в Вечере Господней. До этого он не участвовал в ней, чувствуя, что по Писанию не имел на это права до тех пор, пока не крестится.

С момента обращения прошло почти четыре месяца, и за это время он расширил свой труд для Господа. "Каждое воскресенье я регулярно посещаю 70 человек, — писал он. — Я не просто раздаю трактаты и ухожу прочь, но останавливаюсь и стараюсь привлечь внимание людей к духовным вещам. Мне так хотелось бы побудить таким образом прийти к Иисусу хотя бы одного грешника".

После крещения Чарльзу предложили стать учителем воскресной школы. Он проявил такое умение, что вскоре ему предложили выступить перед всей школой. И здесь успех был настолько очевиден, что он стал проповедовать в воскресной школе каждое воскресенье. Его ревность выражалась в следующих словах: "Я старался говорить так, как умирающий говорил бы умирающим". Не только дети, но и несколько взрослых стали приходить послушать его проповеди, что привело впоследствии к недовольству со стороны служителя.

В это время Чарльз начал вести дневник, в котором записывал свои духовные достижения и заветные желания. Он вел дневник на протяжении трех месяцев. Позже (после женитьбы) он передал этот дневник своей жене. Она хранила его, как сокровище, на протяжении всей их совместной жизни, а после смерти Сперджена опубликовала дневник в его Автобиографии. Вот что говорила она об этом дорогом

для нее дневнике:

Как замечательно его смирение! А ведь он, должно быть, уже тогда чувствовал в себе порывы тех удивительных способностей, которые проявились впоследствии более полно. "Прости мне, Господи, — писал он в дневнике, — если я когда-нибудь высоко подумал о самом себе!.." Еще с тех пор Господь вложил в него драгоценные семена такой столь редкой добродетели, как скромность, которая украшала его всю последующую жизнь. После каждого своего публичного выступления в те молодые годы, была ли это молитва в церкви или проповедь в воскресной школе, он, казалось, был удивлен собственным успехом и озабочен тем, чтобы не возгордиться и не хвалить самого себя...

Будучи еще совсем юным во время ведения своего дневника, он был в то же время необыкновенно зрелым в благодати, и его духовный опыт был богаче и шире, чем большинство христиан достигают только в преклонном возрасте!

Самое, может быть, драгоценное сокровище, содержащееся в этой маленькой записной книжечке, — это личная пламенная любовь дорогого мне человека к Господу Иисусу. Он жил в Его объятиях... Эти прекрасные слова по отношению к Господу, записанные в дневнике (и которые он продолжал произносить постоянно), были не пустыми фразами. Они были переполнены любовью Божьей, излитой в его сердце Духом Святым.

Во время своего служения в воскресной школе Сперджен понял, что его жизнь предназначена для духовного труда. Среди его записей в дневнике можно найти такие знаменательные слова: "Сделай меня Твоим верным слугой, о мой Боже; я

желаю чтить Тебя в дни моей жизни среди моих современников и быть навсегда посвященным для Твоего служения". Это желание было выражено также и в его письмах родителям, как, например: "Я жду, не дождусь того времени, когда, если Богу будет угодно, я стану, как и ты, мой отец, благословенным проповедником Евангелия". И еще: "Я надеюсь, что в один прекрасный день у тебя будет причина для радости, когда ты увидишь, как я, недостойный раб Божий, проповедую другим людям".

Его проповеди в воскресной школе раскрыли в нем замечательные ораторские способности. Из его высказываний по поводу проповеднического служения можно было сделать безошибочный вывод о том, что он чувствовал призвание к этому служению. Человек с такими великими дарованиями, с сердцем, движимым любовью к людям, неизбежно должен был стать проповедником.

Юный проповедник в Уотербич

Если человек действительно чувствует в себе вдохновение Святого Духа, призывающего к проповеди, то он должен проповедовать во что бы то ни стало. Это внутреннее побуждение, как огонь в костях, все равно когда-нибудь вырвется наружу. Такому человеку могут препятствовать собственные друзья, его могут критиковать враги, над ним могут глумиться насмешники, но если у него есть небесное призвание, он все равно будет проповедовать.

По-моему, попытка остановить такого человека похожа на попытку остановить могущественный водопад с помощью детской чашечки для питья. Кто может воспрепятствовать человеку, если им движет само небо? Кто может помешать ему, если к его сердцу прикоснулся Бог?

И еще скажу, что если человек говорит так, как Дух Святой дает ему говорить, он испытывает священную радость, близкую к радости небесной; когда же проповедь закончена, он желает снова делать этот же труд, ему страстно хочется проповедовать снова.

Сперджен. Автобиография.

Летом 1850 года Сперджен переехал в Кембридж. В это время его бывший учитель г-н Лидинг, помогавший ему добиться замечательных успехов в Колчестере, работал учителем в Кембридже, и отец Сперджена, желая обеспечить сыну наилучшее образование, устроил его к г-ну Лидингу в качестве студента-преподавателя. "Я с удовольствием постараюсь, — писал Лидинг отцу Сперджена, — всеми силами помочь ему в учебе и бытовых нуждах, чтобы он мог больше помогать мне в преподавании".

Желая иметь общение с народом Божиим в Кембридже, Сперджен присоединился к баптистской церкви на улице Св.Андрея.

После первого посещения собрания никто не заговорил с ним. Поэтому после

богослужения, когда люди выходили из церкви, он решил заговорить с сидящим рядом с ним человеком: "Надеюсь, у вас все в порядке, сэр?" Далее последовал такой разговор:

— Ты имеешь преимущество в сравнении со мной, — сказал человек.

— Я не считаю, что у меня есть преимущество, ведь мы оба — братья.

— Я не вполне понимаю, о чем ты говоришь!

— Ну, вот, когда я только что вкушал хлеб и вино, это как раз и был знак того, что мы одно во Христе. Именно это я имел в виду. А разве вы думаете иначе?

Между тем, они вышли на улицу и собеседник, положив обе руки на плечи молодого человека, сказал: "О, блаженная простота! Ты совершенно прав, мой дорогой брат, совершенно прав. Заходи ко мне в гости на чай!" Собеседник Сперджена вскоре убедился, что пригласил к себе весьма необычного человека и предложил ему прийти на чай также и в следующее воскресенье. Впоследствии он приглашал его каждое воскресенье, и между ними завязалась долгая дружба.

Прошло несколько недель, и Сперджен быстро возрастал в духовной жизни. Он обогатился познаниями и проявил духовную зрелость, намного превосходившую его физический возраст. В своих словах и делах он был похож больше на зрелого мужа, чем на юношу, каким он был по своим годам. Так, в письме матери, которая на тот момент находилась в депрессии, он написал следующие слова:

Минуты восторженной радости, священные часы духовного общения, благословенные дни сияния от Его присутствия являются верным и твердым залогом неувядающей славы. Обрати внимание на то, как Божье Провидение направляло нашу жизнь в этом году, — и ты ясно увидишь Его руку во всем том, что другие люди называют простой случайностью. Бог, дающий движение всему миру, в Своем широком сердце и разуме находит место также и для тебя... Тот, Кто знает число волос на нашей голове и хранит нас, как зеницу ока Своего, не позабыл тебя, Он продолжает любить тебя вечной любовью. Пока не сдвинулись горы и не поколебались холмы, мы, Его народ, можем быть уверены в своей безопасности.

Мы не знаем, какие чувства были на сердце у матери Сперджена, но она, конечно же, была рада получить от сына такое письмо и, наверное, радовалась о его духовной зрелости в столь раннем возрасте.

Среди разнообразных служений при церкви Св.Андрея была и Ассоциация нерукоположенных проповедников. Эта Ассоциация посылала братьев с проповедью Слова Божьего в окружающие деревни. Руководителем ее был Джеймс Винтер, которого называли "епископом" за его мудрый подход к делу.

После того, как Сперджен примкнул к церкви в Кембридже, ему предложили проповедовать в воскресной школе. Винтер тут же распознал в нем необыкновенные ораторские данные и решил послать его на проповедь. Понимая, что прямое предложение может быть отвергнуто, он пошел на хитрую уловку. Он предложил Сперджену пойти на следующее воскресенье вечером в деревню Тверсхем под

предлогом, что там должен проповедовать некий малоопытный молодой человек, который будет очень рад, если Сперджен составит ему компанию.

Сперджен согласился, и на следующее воскресенье отправился вместе с тем самым молодым человеком в деревню Тверсхем. По дороге он сказал своему компаньону, что он надеется, что его проповедь будет благословенна Богом. Компаньон очень удивился и вскричал: "Я никогда в жизни не проповедовал! Это ты будешь проповедовать, а я просто составляю тебе компанию!" Сперджен не меньше его удивился и сказал, что он не имеет опыта и не готов на такое дело. Но напарник возразил, что Сперджен уже проповедовал в воскресной школе, и легко может вспомнить одну из тех проповедей.

Сперджен был удивлен случившимся, но в то же время его привлекала новая возможность проповедовать. Позже он вспоминал: "Я шел молча, возносясь душой к Богу, и мне показалось, что я действительно смогу рассказать нескольким бедным крестьянам о красоте и любви Иисуса, наполнявшими мою собственную душу".

Собрание проходило в избе с соломенной крышей, а слушателями были, по словам Сперджена, "несколько простодушных деревенских тружеников и их жены". Сперджен взял за основу текст "Итак Он для вас, верующих, драгоценность", и стал проповедовать о славе и благодати Христа, которые он принял сам и которые Христос предлагает всем, приходящим к Нему.

Когда он закончил проповедь, одна пожилая женщина громко спросила: "Господь с тобою, — да сколько же тебе лет?" Сперджен ответил, что нельзя перебивать

богослужение. Но как только пропели последний гимн, у нее снова вырвался тот же вопрос, и на этот раз Сперджен ответил: "Мне еще нет шестидесяти".

"Да тебе нет и шестнадцати!" — воскликнула женщина. Ее воодушевление было подхвачено всеми собравшимися, которые просили, чтобы он снова пришел проповедовать к ним как можно скорее.

Такова была первая проповедь Сперджена в церкви. Для него это был очень радостный момент, но в то же время наводивший на мысль, что он начал такую деятельность, которая, с Божьей помощью, станет великим делом всей его жизни.

Несколько недель после этого Сперджен был занят своей работой в школе. Он учил нескольких мальчиков и заодно продолжал свои собственные занятия под руководством г-на Лидинга. Его брат Джеймс писал: "Он так преуспевал в учебе, что, по моему твердому убеждению, равных ему было мало".

Вскоре Чарльз снова проповедовал. Ассоциация нерукоположенных проповедников регулярно обслуживала тринадцать деревень, и он вместе с другими братьями участвовал в этом служении. Но выходило так, что где бы он ни появлялся в первый раз, люди неизменно просили его как можно скорее прийти к ним снова. Винтер был этому рад, другие братья — тоже. В результате Сперджену приходилось проповедовать Слово Божье каждый воскресный вечер.

Его радость была глубокой и неизменной. У него была привычка петь по дороге на эти вечерние собрания. Особенно часто он пел в такие моменты известный гимн

"Возлюблен вечной любовью".

Наверное, я выглядел странно в эти дождливые вечера, вышагивая три, пять, а то и восемь миль туда и обратно от места, где проповедовал. Когда шел дождь, я надевал непромокаемые гамаши, плащ и шляпу с водостойким верхом, а также брал с собой фонарь, чтобы освещать дорогу среди полей.

Как часто я радовался, проповедуя Евангелие на крестьянской кухне, в избе или в сарае! Может быть, многие приходили слушать меня только потому, что по годам я был еще мальчишкой. Я понимаю, что в те молодые годы говорил много нелепостей и допустил много грубых ошибок, но мои слушатели не слишком придирались ко мне, и за мной еще не гонялись по пятам газетные репортеры. Зато я прошел прекрасную подготовительную школу, в которой, благодаря непрерывной практике, научился той свободе речи, которой обладаю и по сей день.

Кто-нибудь может удивиться, каким образом ему удавалось, при всей занятости в школе, еще и готовиться к вечерней проповеди. Но в его повседневные занятия входило тщательное изучение богословских трудов. "Тихие размышления во время пешей ходьбы помогали мне пережевывать то, что я читал днем... Я обдумывал прочитанное на ходу, и таким образом, оно западало мне прямо в душу. Могу засвидетельствовать, что я никогда не изучал так много и основательно, чем тогда, когда просто и искренне передавал другим то, что перед этим запало в мою собственную душу".

В одно из воскресений в октябре 1851 года Сперджен проповедовал в баптистской

церкви, что в деревне Уотербич.

Здесь его не просто попросили прийти к ним еще раз, но в следующее же воскресенье предложили стать пастором их церкви. Будучи уверен в Божьем призвании к служению, а также зная великую нужду деревни в проповеди Евангелия, он принял это служение, хотя ему было всего семнадцать лет.

Спустя несколько недель он оставил работу школьного учителя. Все еще продолжая жить в Кембридже и посещая воскресными вечерами деревни, он посвятил себя пасторскому служению в Уотербич. Из-за своей молодости он был известен, как "юный проповедник", но надо заметить, что он сам никогда не называл себя таким именем и не употреблял его в качестве приманки для собирания толпы.

И все же ему в скором времени пришлось проповедовать множеству людей, причем каждое воскресенье. Когда он начал служение в Уотербич, церковь насчитывала сорок человек, но затем она стала очень быстро умножаться. Люди стали приходить не только из самой деревни, но также и из окрестностей, так что на собрании присутствовало около четырехсот человек и более. Конечно же, все они не могли втиснуться в маленьком помещении, но двери и окна были открыты и люди стояли снаружи, слушая проповедника, которого они еще никогда не слышали.

Во время служения в Уотербич Сперджен проявил дарование, которое было столь характерно для него в последующем служении, — это способность понимать людей и оказывать на них влияние. Он разговаривал с мужчинами и женщинами на улице, он посещал их дома, он знал по имени их самих, а также их детей и подростков. Он

замечал проявления греха округ себя, он видел, какой образ жизни ведут люди, он молился за больных, утешал страждущих, сидел у постели умирающих.

Принародно и в личных беседах он неизменно провозглашал Евангелие, и какова же была его радость, когда он увидел своего первого новообращенного! Это была женщина, которая пришла к нему и рассказала, как во время его проповеди Дух Святой сильно обличал ее во грехе, но затем она приняла Спасителя и теперь радуется. За ней последовало много других, так что со временем эта деревня совершенно преобразилась.

Приходилось ли вам когда-нибудь проходить по деревне, где процветали пьянство и невежество? Приходилось ли вам видеть эти бедные, жалкие создания, которые были когда-то нормальными людьми, а теперь стоят, прислонившись к столбам вокруг пивнушки или бредут, шатаясь по улице? Приходилось ли вам когда-нибудь видеть нищету, упадок и убожество населения и вздыхать об этом? Может быть, вы скажете "Да".

Но выпадало ли вам счастье проходить по этой же деревне снова спустя годы, после того, как там было проповедано Евангелие? Мне выпало такое счастье. В свое время я был хорошо знаком с такой деревней, как описывал выше, — может быть, в некотором отношении это была худшая деревня во всей Англии, — где многие жители все еще употребляют пагубные спиртные напитки и из-за этого зла всевозможные беспорядки и беззаконие стали там обычным явлением.

И вот в такую деревню пришел юноша, не имевший особой образованности, но зато

горячо желавший спасения человеческих душ. Он начал проповедовать, и Богу было угодно перевернуть там все вверх дном. За короткое время маленькая церковь под соломенной крышей была набита людьми, самые отъявленные деревенские негодяи рыдали, обливаясь слезами, и те, кто был проклятием для всей округи, стали благословением. Во всех окрестностях совершенно прекратились грабежи и всякие злодеяния, потому что те, кто все это делал, стали ходить в дом Божий и радовались, слушая проповедь о Христе распятом.

Я ничего не преувеличиваю и не говорю о том, чего не знаю, потому что это именно я имел удовольствие потрудиться для Господа в той деревне. Как приятно было ходить по этим местам после того, как пьянство здесь практически полностью прекратилось. Многие оставили распутство, люди выходили на работу с радостным сердцем, воспевая хвалу Вечноживущему Богу, а вечерами эти скромные деревенские труженики собирали своих детей, читали им из Книги Истины, и затем вместе склоняли колени в молитве перед Богом. С большой радостью и удовольствием я могу сказать, что в часы заката можно было слышать звуки песнопения от края до края деревни почти под каждой крышей.

Восхваляя Божью благодать, я могу засвидетельствовать, что Господу было благоугодно творить чудеса в нашей среде. Он показал силу имени Иисуса и сделал меня свидетелем того Евангелия, которое может спасти души, привлечь упрямые сердца и перестраивать жизнь и поведение людей.

Сперджен совершал пасторское служение в Уотербич, пока ему не исполнилось девятнадцать лет. За это время, несмотря на проявленную им редкую зрелость, ему

пришлось многому поучиться, исполняя повседневные пасторские обязанности.

Так было, в частности, с подготовкой к проповеди. Он искал Божьего руководства в выборе места Писания, затем прилежно молился и тщательно изучал предмет своей проповеди. Он определял главные и второстепенные мысли в выбранном тексте Писания, затем делал конспект на двух или трех листах и брал его с собой на кафедру.

К нам дошло приблизительно две сотни конспектов его проповедей из Уотербич. Они раскрывают характер его ранних проповедей. В отличие от большинства других проповедников, он в первые годы служения не просто поверхностно затрагивал евангельские истины. Наоборот, та величественная система богословия, которую он впитал в себя еще с детства и затем продолжал интенсивно изучать, лежала в основе всего того, о чем он говорил, и придавала силу его служению.

Годы служения в Уотербич помогли Сперджену набраться опыта также и в обращении с людьми.

Однажды местная сплетница распустила на него своей язык, но он сделал вид, что то ли не расслышал, то ли неправильно понял ее слова. После двух или трех словесных атак она поспешила уйти со словами: "Этот человек глух, как пень!"

Один служитель пригласил его в свою церковь проповедовать, но когда увидел, что он выглядел несколько по-мальчишечьи, стал над ним подтрунивать. Сперджен в своей проповеди обличил служителя за неуважительное обращение местом из Притчей,

и стал проповедовать с такой силой, что после служения тот похлопал Сперджена по плечу и сказал: "Такого озорного проповедника, как ты, еще не бывало за этой кафедрой!" Этот случай положил начало сердечной дружбе между ними.

Одна христианка все время жаловалась, что ей недостает уверенности в спасении, хотя она была настоящей верующей. Она сказала Сперджену, что чувствует себя большой лицемеркой, что ей не следует вообще ходить в церковь и что у нее нет никакой христианской надежды. Зная ее искренность и желая ей помочь, Сперджен предложил ей, чтобы она продала ему оставшуюся у нее надежду за пять фунтов. Она в сердцах воскликнула: "Да я не продам мою надежду на Христа и за тысячу миров!"

За годы служения в Уотербич в значительной мере раскрылся характер Сперджена, которым он так ярко отличался в дальнейшем. По общему признанию, он был смелым, отважным и, если обращать внимание только на эти качества, его можно было считать даже дерзким. Однако он был в то же время очень непосредственным, без малейшей тени притворства, а самое главное — он относился ко всем с неизменной искренностью как принародно, так и в личных отношениях. Для всех были очевидны также и его необыкновенные ораторские способности: мощный голос в сочетании с самыми нежными, волнующими оттенками, которыми он превосходно владел.

Сперджен отличался также и строгой самодисциплиной. Он считал, что христианская жизнь должна быть абсолютно управляемой, и старался воплотить эту идею в повседневную практику. Он вставал рано и заполнял свой день трудом, учебой, посещениями, молитвами и проповедью. Он не увлекался спортом и не искал дружбы с женщинами, но все свое время и все свое сердце всецело посвятил Господу.

Несмотря на свою молодость, он во многих отношениях опережал других служителей, старше его по возрасту. Его брат Джеймс выразил это так: "Он был удивительным примером проповедника, сделавшего прыжок к зрелости и совершенству в своем мастерстве".

Однако необыкновенные успехи Чарльза в служении не радовали его отца.

Джон Сперджен, желая дать сыну лучшее образование, хотел устроить его в баптистский Степни колледж, где готовили проповедников. (В то время двери университетов были закрыты для тех, кто не принадлежал к Англиканской церкви). Чарльзу не очень-то нравилась затея отца, но все же он кое-как согласился с ней и даже был готов встретиться с директором колледжа доктором Джозефом Ангусом. Собеседование должно было состояться в Кембридже, в доме известного книгоиздателя Даниэля Макмиллана. Чарльз прибыл в назначенное время, и служанка повела его в прихожую, где он должен был ждать прихода доктора Ангуса. Прождав почти два часа, он позвал служанку и спросил, в чем дело, и тут оказалось, что она повела доктора в прихожую в другом конце дома. Он тоже сидел и ждал все это время, и только несколько мгновений назад был вынужден уйти, чтобы успеть на поезд.

Вечером того же дня Сперджен шел полем в деревню на служение. Пока он так размышлял о странном событии, приключившемся днем, им вдруг овладела одна отчетливая мысль, ему даже показалось, что он слышал, как чей-то голос произнес ее вслух: "А ты просишь себе великого? Не проси!" Он обрадовался этому

неожиданному внутреннему совету и тут же решил, что не будет поступать в колледж. Он знал, что Бог уже поставил его на служение, и его желанием было продолжать тот образ жизни, который он вел вот уже два года. Это решение не оставляло места для мирских амбиций. Оно ознаменовало собой еще один шаг на пути умерщвления своего "я" и посвящения самого себя Богу.

В последующие годы Сперджен, вспоминая о несостоявшейся встрече с доктором Ангусом, говорил, что "за ошибкой служанки скрывалась Господня рука". Колледж действительно давал студентам хорошее знание Библии и основных богословских дисциплин. Там учили также готовить и произносить проповеди, а также тренировали молодых людей вести хорошо организованный и дисциплинированный образ жизни. Но все это вряд ли было необходимо для Сперджена.

В то время он и так опережал не только студентов колледжа, но, — вне всякого сомнения, — также и большинство из преподавательского состава, поскольку он имел лучшую богословскую подготовку и проповеднический талант, к тому же он уже имел и богатый пастырский опыт. Более того, будучи последователем самых строгих правил благочестия, он обладал в то же время определенной свободой духа. Он был свободен от боязни людей и не связывал себя человеческими условностями. Ему от природы была дана необыкновенная гениальность духа, которая только пострадала бы, если бы он попал туда, где его заставляли бы быть похожим на рядовых людей. Бог готовил его для того служения, которое предусмотрел Сам, и потому он не нуждался в обычной обработке с помощью рук человеческих.

После двух лет служения Сперджена в Уотербич произошло событие, благодаря

которому Бог судил, чтобы это служение закончилось.

В ноябре 1853 года он проповедовал в Кембридже на собрании Союза воскресных школ. За ним проповедовали два других служителя, причем оба насмеялись над его юностью. Один из них дошел даже до того, что заявил: "Очень жаль, что некоторые мальчишки не берут пример из Библии и не ожидают в Иерихоне, пока у них отрастут бороды, прежде чем поучать старших братьев!"

После того, как этот оратор закончил свою речь, Сперджен попросил у председательствующего разрешения дать ему ответ. "Хочу напомнить слушателям, — сказал он, — что те, кто был вынужден оставаться в Иерихоне, были не мальчишками, а взрослыми мужчинами, бороды же им сбрили враги, чтобы нанести как можно большее бесчестие, вот потому они и стыдились возвращаться домой, пока у них снова не отрастут бороды. Хочу добавить, что по-настоящему этот случай можно применить к тому служителю, который впал в явный грех и этим обесчестил свое служение и потому должен быть от него отстранен, пока в какой-то мере восстановится его репутация".

Сперджен ничего не знал о проповеднике, допустившем против него выпады, но получилось так, что он невольно описал его состояние. Несчастный проповедник действительно совершил грех, о котором все знали, поэтому нетрудно себе представить, каково было его смущение.

Это собрание, само по себе незначительное, сыграло в жизни Сперджена ключевую роль. Оно косвенным образом раскрыло перед ним "великую и широкую дверь" — он

получил предложение быть пастором в лондонской баптистской церкви на Нью-Парк Стрит.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ СЛУЖЕНИЯ В ЛОНДОНЕ 1855-1864

Чем можно объяснить столь стремительный и очевидный взлет Сперджена? Мы полагаем, что у него просто не было никаких причин оставаться на прежнем месте. Он мог занять более почетное место, потому что имел для этого все духовные предпосылки. Он был в состоянии выполнить поставленную перед ним задачу, потому что основы для ее выполнения уже были заложены в его сердце.

Свеча уже горела, и ей нужен был только такой подсвечник, который соответствовал бы силе излучаемого света.

Но особенно надо подчеркнуть то, что у него была истинно христианская обертка для почета и уважения, а именно — смирение. Как мы уже видели, он отказался от искания для себя великого. А разве это не предшественник возвышения по благодати? Великие амбиции не закрадывались в его душу, и роль деревенского пастора его вполне устраивала. Лондон мог сделать его более великим, но он не мог сделать его более счастливым.

Джеймс Дуглас. "Король проповедников".

"Ибо для меня отверста великая и широкая дверь..."

Некий человек по имени Джордж Гоулд присутствовал на том собрании в Кембридже. Служение Сперджена произвело на него глубокое впечатление, и он с большим энтузиазмом рассказал о юном проповеднике из Уотербич своему лондонскому другу Вильяму Олни. Олни был диаконом в баптистской церкви на Нью-Парк Стрит, в которой в то время как раз не было пастора, и Гоулд убедительно предлагал, чтобы они серьезно рассмотрели кандидатуру этого необыкновенного молодого человека.

Церковь на Нью-Парк Стрит пригласила Сперджена проповедовать у них в воскресенье. Он был удивлен этим приглашением и в ответе на их письмо сказал, что они, наверное, перепутали его с каким-то другим Спердженом, ведь ему самому было только девятнадцать лет. Но те ответили, что пригласили именно его, так что он согласился провести у них воскресенье 18 декабря 1853 года.

В субботу он прибыл в Лондон и пошел на ночлег в приготовленную для него квартиру, находившуюся в районе Блумсбери. В этом доме жили еще несколько молодых людей, и когда они оглядели гостя в далеко не модной одежде, с взъерошенными волосами, выглядевшего совсем по-деревенски, им стало забавно. За ужином они рассказали ему о необыкновенных способностях многих лондонских проповедников с хорошим образованием и редкими ораторскими данными, намекая на то, что уж не Сперджена быть проповедником в одной из самых выдающихся

нонконформистских церквей Лондона.

Сперджен понял, что от него здесь потребуется очень многое, учитывая выдающиеся личные заслуги и длительное служение троих его предшественников.

Первым из них был Бенджамин Кич, выдающийся проповедник и писатель, который к тому же пострадал за свою веру в семнадцатом столетии, будучи привязан к позорному столбу. Вторым был Джон Гилл, человек с превосходным образованием, написавший массивные тома богословских трудов и библейских комментариев, он был пастором в этой церкви тридцать один год. Третий, Джон Риппон, проявил себя как талантливый проповедник и создал популярный песенник, его служение здесь продлилось удивительно долго, — шестьдесят три года.

Эти мужи были высоко почитаемы во всей Англии, особенно среди баптистов, и их величие еще больше обескураживало Сперджена, приехавшего провести воскресный день в этой церкви.

После ужина с молодыми людьми Сперджен пошел в свою комнату. Строго говоря, это была даже и не комната, а нечто вроде чуланчика над лестницей и таких маленьких размеров, что он с трудом мог преклонить колени возле своей кровати. Всю ночь внизу на улице слышался шум от лошадей и повозок, так что он едва мог уснуть.

Проснувшись утром, он почувствовал себя одиноким и лишенным друзей. Большой город выглядел неприветливо, и его потянуло к своим прихожанам в Уотербич, которые сегодня будут собраны без него.

Настроение не улучшилось и тогда, когда он пришел в церковь. Церковное здание выглядело величественно. Оно было сделано из камня и кирпича, хотя городские окрестности накладывали на него свой мрачный отпечаток. Тем не менее, это была одна из крупнейших баптистских церковных построек в Британии, и вот как Сперджен описывает свое первое впечатление при виде этого здания: "На мгновение я удивился собственной опрометчивости, потому что здание показалось мне большим, богато украшенным и внушительным и, наверное, публика здесь должна собираться богатая и придирчивая, совсем не похожая на тот простой деревенский народ, которому я служил с такой светлой радостью".

Хотя строение и было внушительным, но находилось оно в довольно неудачном месте. Этот район располагался к югу от Темзы, и добраться туда с другого берега можно было только через высокий мост. Место было низкое, и его часто заливало, везде были видны дым и копоть. Вокруг церкви располагались пивзавод, разные пакгаузы и фабрики, а единственными домами здесь были жалкие лачуги.

Тем не менее, среди членов церкви были некоторые весьма ревностные христиане. Некоторые из них имели хорошую профессию, кое-кто занимался бизнесом, в целом же церковь состояла из довольно уважаемых людей среднего сословия.

За время, пока здесь не было пастора, церковь приглашала на служение нескольких, как считалось, талантливых проповедников. Однако их ни разу не приглашали во второй раз, потому что их проповеди были настолько философскими и сухими, что слышать их достаточно было и одного раза. В результате посещаемость упала, дела шли не лучшим образом, люди были в расхоленном состоянии духа.

Когда Сперджен в то утро вышел за кафедру, он увидел приблизительно от восьмидесяти до ста человек собравшихся, хотя в церкви было тысяча двести сидячих мест.

Всякое уныние улетучилось из его сердца, когда он почувствовал свою главную ответственность — проповедь Слова Божьего. Люди увидели в нем человека, имеющего твердую веру в Бога, и услышали в его голосе нечто такое, чего они раньше никогда не слышали. Его текстом были слова: "Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов". Он говорил о Боге как об Отце светов, остановился на объяснении божественных атрибутов, особенно на Его неизменности, и завершил описанием Его даров, особенно дара Его Сына, Господа Иисуса Христа.

Своей проповедью Сперджен не пытался произвести глубокое впечатление на слушателей, чтобы завоевать сердца лондонских обитателей. Это была такая же обыкновенная проповедь, какую он произнес бы для своей деревенской паствы в Уотербич.

Но реакция слушателей была необыкновенной. Некоторые слушатели просто не знали, что сказать, потому что он был таким юным и в то же время столь зрелым и отличным от всех других проповедников, которых им приходилось слышать. Однако большинство собравшихся были в восторге и не находили слов, чтобы выразить свое восхищение.

В обеденные часы некоторые из пришедших на собрание позвали тех, кто отсутствовал на утреннем собрании, а также соседей и друзей, рассказывая им об удивительном молодом человеке из деревни и приглашая послушать его вечером.

И действительно, вечером народу собралось намного больше, чем утром. Сперджен чувствовал себя уже смелее, и когда он проповедовал на текст: "Они непорочны пред престолом Божиим", люди возносились душой к новым высотам познания истины и новым взлетам чувств.

Когда служение закончилось, большинство собравшихся не хотели уходить из церкви. Они стояли, сбившись в группы, взволнованные, переполненные славой того, о чем они слышали, и затем стали просить диаконов, чтобы те постарались пригласить этого удивительного проповедника снова.

Диаконы были взволнованы не менее всех остальных. Они попросили Сперджена назначить дату очередного посещения и сказали, что если он будет проповедовать у них три воскресенья подряд, то дом будет полон народа. Глубоко взволнованный их нуждой и уверенный в том, что Бог открывает ему эту дверь, Сперджен согласился прийти снова и служить у них три воскресенья подряд в следующем месяце, то есть в январе 1854 года.

Во время беседы он признался диаконам, что у него нет формального богословского образования. Но они уже слышали многих выпускников богословских колледжей и их проповеди им порядком надоели, поэтому они ответили ему так: "Для нас это звучит, как особая похвала в твой адрес, потому что если бы у тебя был колледж,

то в твоих проповедях не было бы такого прекрасного вкуса и помазания от Святого Духа".

На ночлег Сперджен возвращался совсем другим человеком. "Теперь я не нуждался ни в чьем сочувствии. Меня абсолютно не волновали ни рассказы этих молодых людей о своих замечательных служителях, ни скрип колес под окном, ни вообще что бы то ни было на белом свете". Бог благословил его служение, люди остались довольны, и он вернется сюда снова!

Через две недели он снова провел воскресенье в церкви на Нью-Парк Стрит. После первого визита он сразу же вернулся в Уотербич, но лондонская церковь не стала ждать назначенного срока. Дიაконы написали ему срочное письмо, в котором выражали бесконечное удовлетворение прихожан его служением и просили стать их пастором немедленно. Директор воскресной школы написал ему отдельное письмо, в котором говорилось: "Я никогда еще не видел у людей такого сильного желания, чтобы кто-то был у них проповедником, как хотят они в настоящее время, чтобы был ты. Ты найдешь себе много верных друзей, и пусть Дух Святой поможет тебе принять решение о служении в церкви на Нью-Парк Стрит. Я надеюсь и молюсь о том, чтобы ты послужил благословением для многих тысяч людей".

Сперджен, несомненно, осознавал огромную духовную ответственность, которая ожидала его на этом поприще. В письме диакона предлагалось, что он может, если желает, сначала пройти испытательный срок на шесть месяцев, и в конце этого срока изменить свое решение, если возникнет необходимость. Однако он ответил, что согласен на три месяца испытательного срока и в конце письма убедительно

просил, чтобы вся церковь молилась о нем. "Одно лишь необходимо, — писал он, — а именно: все обязаны лично и на собрании усиленно молиться, чтобы поддержать меня для выполнения этого великого дела".

Расставание с прихожанами в Уотербич было грустным как для него, так и для них. Некоторые из них понимали, что не могут удерживать такого человека в столь незаметном месте, но поскольку его отъезд был неожиданным, то они, с одной стороны, радовались новой перспективе, которая для него открывалась, но в то же время и проливали много слез, думая о разлуке. Он любил их, и они его любили, и эти узы любви невозможно было разорвать так скоро. На всю жизнь в этой церкви у него оставались самые искренние друзья.

В феврале 1854 года Сперджен принял пастырское служение в Лондоне, будучи девятнадцати лет. Он согласился на трехмесячный испытательный срок, однако ему предстояло трудиться на этом месте до самой своей смерти, которая наступила спустя почти сорок лет.

Как и ожидалось, численность посетителей в церкви на Нью-Парк Стрит возросла молниеносно. В течение месяца церковь была заполнена, проходы забиты, люди сидели на подоконниках и стояли, тесно прижавшись друг к другу в помещении воскресной школы. Вести о его служении разнеслись по всему Лондону.

Во время этого столь успешного служения диаконы вдруг подняли вопрос о его рукоположении. Во время служения в Уотербич Сперджен не был рукоположен, однако он верил, что Сам Бог рукоположил его и, по его мнению, только это и имело

значение. Однако среди баптистов практиковалось рукоположение через людей, и среди членов церкви на Нью-Парк Стрит были те, кто считал, что надо совершить такое служение рукоположения и у них.

Сперджен сказал, что он не считает эту практику библейски обоснованной и что ему не нужно таким образом утверждать законность своего служения. Благословение Божье, говорил он, как раз и было божественной печатью на его служении. Человек не может к этому добавить ровно ничего. Тем не менее, он готов был пройти этот обряд, если церковь сочтет это необходимым. От этого не будет никакого вреда, но и никакой пользы. На том дело и остановилось.

Подобным же образом Сперджен отверг титул "преподобного". Он сказал, что это — остатки католической традиции, которую протестанты должны были бы давно оставить. Однако издатели его проповедей ставили этот титул перед его именем, и в продолжение нескольких лет он не запрещал им это делать, возможно, из чувства снисхождения к тем, кто таким образом желал проявить к нему уважение. Наконец в 1865 году он прекратил такую практику. Вместо звания "преподобный" он попросил своих студентов употреблять библейское слово "пастор".

Отсутствие титула, однако, не мешало, а даже помогало Сперджену, чтобы его лучше воспринимали простые люди. Всякий раз, когда он проповедовал, собиралась большая толпа, и поэтому о нем стали говорить как о "втором Уитфилде".

Но Сперджен, как и Уитфилд, не ставил своей целью сбор толпы. Понимая сущность духовной борьбы, в которую вовлечены христиане, он в первую очередь был озабочен

тем, чтобы научить своих людей по-настоящему молиться.

Конечно же, люди из церкви на Нью-Парк Стрит молились и до этого. Но их молитвы были не более чем красивые слова, их просьбы были без духовной силы и произносились в довольно формальной манере.

Для Сперджена молитва была чем-то гораздо большим, чем просто некая поверхностная деятельность. Он разговаривал с Богом благоговейно, но свободно и доверчиво. В его молитвах не было тех избитых выражений, которые употребляют многие служители, но он выражался, как дитя, пришедшее к любящим родителям. Знавший его служитель говорил: "Молитва была инстинктом его души и атмосферой, в которой он жил. Она была "дыханием его жизни" и "воздухом его родины". Молясь, он улетал на орлиных крыльях в небеса к Богу".

Молитва была для Сперджена настолько реальной, что всякие формальные попытки молиться смотрелись на этом фоне, как нечто совсем противоположное. "Я могу сразу же определить, — говорил он, — действительно ли брат молится, или же он только воображает, что молится, или играет роль молящегося... Дай Бог нам всем живое молитвенное вздыхание! Один искренний вздох души имеет большую силу, чем полчаса цитирования красивых религиозных слов. Пусть рыдания вырываются из души и слезы льются из сердца!" Но он в равной степени был противником и восклицаний типа "Аллилуйя!" или "Слава Господу!", если они были формальными и не исходили из сердца.

Сперджен реально ожидал от Бога ответа на молитву, произносилась ли она наедине

или в церкви. Он признавал, что некоторые молитвы могут оставаться не отвеченными, и мы не можем знать истинную причину этого, но он также знал много случаев, когда Бог начинал действовать, отвечая на его вопль. Он знал, что сила Божья в служении проявляется в прямой зависимости от истинной молитвы народа Божьего и что души приходят к покаянию и вере во Христа в той же пропорции.

Личная молитва Сперджена оказывала на церковь большое влияние. Глубоко затронутые реальностью его просьб, многие из них стыдились своих собственных "красивых религиозных слов". Некоторым пришлось пройти через серьезную ломку, чтобы победить сложившуюся за годы привычку молиться формально, и мало-помалу им все же удалось научиться бороться с Богом в истинной молитве.

Я никогда не смогу забыть то, как усердно эти люди молились. Иногда они молились так усердно, что казалось, будто среди них находится Ангел Завета, которого они видят своими глазами...

Не раз случалось, что мы были настолько ошеломлены серьезностью молитвенного собрания, что на какое-то время все замолкали и казалось, будто сила Господня осеняла нас... Молитвенные собрания на Нью-Парк Стрит затрагивали нас до глубины души. Каждый присутствующий был похож на крестоносца, окружающего Новый Иерусалим, каждый был решительно настроен взять Небесный град штурмом молитв, — и вскоре на нас ниспадало столь обильное благословение, что у нас не хватало места, чтобы его принять.

Продолжая рассматривать дальнейшую биографию Сперджена, мы должны иметь в виду

силу молитвы его церкви. Благодаря ей, многие люди обратились к Богу, было основано несколько институтов, построено много различных зданий, и их труд имел влияние во всех концах земли. Все это время к Богу возносилась истинная молитва. Когда кто-либо спрашивал Сперджена, в чем секрет его успеха, он отвечал: "Мои люди молятся обо мне". При этом он имел в виду не обыкновенную формальную и ни к чему не обязывающую молитву, но борьбу с Богом с живой верой в то, что Он пошлет ответ.

Условия служения, на которых Сперджен прибыл в Лондон, были вскоре аннулированы членами церкви. Задолго до конца испытательного срока состоялось членское собрание, и люди просили его стать их постоянным пастором. Он ответил: "На такое любовное и сердечное предложение может быть только один ответ, — я принимаю его. Но только прошу вас помнить обо мне в молитвах, чтобы я мог осуществить столь великое дело и оправдать ваше доверие. Очень надеюсь, что ваша молитвенная поддержка поможет вам также простить мои возможные ошибки в делах или в неосторожных словах. Я всей душой хотел бы ни в коем случае не причинять вам боль, но как можно дольше послужить к вашей пользе".

В апреле 1854 года, когда Сперджена было девятнадцать лет, он принял на себя всю полноту пасторского служения в Лондоне.

Вскоре в церкви возникли проблемы в связи с очень большим наплывом людей. Каждое воскресенье на утреннем и вечернем служении все свободное пространство в молитвенном доме было заполнено до предела. Из-за этого в помещении становилось нестерпимо жарко, не хватало кислорода, не было доступа свежего воздуха,

поскольку окна не открывались. Сперджен все время напоминал диаконам, что надо вынуть верхние стекла на окнах, но они ничего не делали в этом отношении.

На одном из воскресных утренних служений вдруг оказалось, что верхние стекла отсутствуют. Сперджен выразил удовольствие по поводу случившегося и предложил награду в пять фунтов тому, кто найдет злоумышленника. Разумеется, он сам вынул стекла на окнах. "Я прошелся вокруг дома с палкой и впустил кислород в это душное помещение". Таким образом, он как бы слегка разыграл своих диаконов, чтобы они быстрее сделали то, что давно должны были сделать.

Свежий воздух был очень кстати, но оказалось, что не хватало очень многих сидячих мест. В течение нескольких месяцев церковь кое-как терпела трудности, связанные с переполнением дома, но потом начались работы по расширению здания.

Пока велись строительные работы, собрания проводились в Экзетер Холл. Это было большой зал, находившийся в центре города, но, несмотря на 4000 сидячих и 1000 стоячих мест, он оказался слишком маленьким, чтобы вместить всех желающих, и сотни людей не могли попасть внутрь.

По завершении работ на Нью-Парк Стрит, здесь снова стали проводить собрания. Теперь здесь было 1500 сидячих мест, а вместе с залом для воскресной школы и другими помещениями сюда могло втиснуться примерно 2000 человек. Но многие из тех, кто слышал Сперджена в Экзетер Холл, стали приходить в молитвенный дом, и народу набивалось еще больше, чем прежде. Единственным выходом из положения было перенесение вечерних служений снова в Экзетер Холл и попытка как-то упорядочить

утренние служения в молитвенном доме.

В результате зал по вечерам заполнялся до пределов своих возможностей. Но тысячи желающих не могли попасть в зал и оставались на улице, создавая шум и помехи для движения.

Слухи об этом распространились по Лондону и даже по всей Британии. Обычно Экзетер Холл использовался для музыкальных концертов и популярных лекций, но проводить здесь религиозные мероприятия было неслыханным делом. Многие смотрели на это с резким осуждением. А поскольку было известно, что Сперджен не имел богословского диплома и не был рукоположен, о нем тут же сделали заключение, что это шарлатан, который знал, как привлекать толпу и выманивать у людей деньги.

Но вскоре жизнь доказала, что Сперджен по-настоящему любил людей и мог бескорыстно служить нуждающимся.

Как раз в то время в Лондоне начала свирепствовать эпидемия азиатской холеры, особенно в районе к югу от Темзы. Сперджен отменил все свои загородные мероприятия и посвятил свое время посещению больных. Эпидемия поразила многие дома. Почти везде можно было найти страдающих холерой, много людей умирало.

"Многие семьи, — вспоминал Сперджен, — приглашали меня посетить больных, и почти каждый день мне приходилось бывать на похоронах". С милосердием к больным и сердечным состраданием к обездоленным совершал он свой труд. Его могли разбудить в любое время ночи с просьбой прийти и помолиться с кем-то, кто, по всей вероятности, должен был скоро уйти в вечность.

Такой непрерывный труд вскоре сильно истощил его. Он не только изнемог, но и едва не заболел сам.

Однажды, возвратившись в таком состоянии домой с похорон, он заметил выставленный на окне у сапожника кусок бумаги с надписью. К своему удовольствию, он прочел на нем стих из Писания: "Ибо ты сказал: "Господь — упование мое"; Всевышнего избрал ты прибежищем твоим; не приключится тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему".

Прочитав этот стих, Сперджен просиял. "С помощью веры я применил этот стих к самому себе, — писал он. — Я почувствовал, что нахожусь в безопасном месте, что в меня влились свежие силы, что я словно препоясан бессмертием. В таком спокойном и мирном состоянии духа я снова пошел навещать умирающих, и со мной действительно не случилось ничего плохого".

Так прошел первый год служения Сперджена в Лондоне, и с каждым днем слава о нем распространялась все шире. Правда, его часто критиковали в прессе, но в собственной церкви его очень любили и, кроме того, он приобрел себе многих почитателей среди населения. Бывший актер Шеридан Ноулз обратился к Богу в баптистской церкви Блумсбери, и его жизнь изменилась. Однажды его попросили выступить перед студентами Степни колледжа, о чем один из студентов вспоминал следующим образом:

Выйдя за кафедру, г-н Ноулз тут же воскликнул: "Ребята, приходилось ли вам

слушать этого парня из Кембриджа? Немедленно пойдите и послушайте его, если вы хотите знать, как надо проповедовать. Его зовут Чарльз Сперджен. Он еще юноша, но уже теперь он самый удивительный проповедник во всем мире. Его красноречие абсолютно совершенно, кроме того, он ведет себя перед людьми, как мастер своего дела, так что ему не надо учиться ни у меня, ни у кого-либо другого...

Некоторое время назад я арендовал театр на Друри Лейн; и скажу вам, что будь я сейчас на том же месте, я предложил бы ему попробовать поиграть в театральной труппе хотя бы один сезон. Знаете почему? Потому что он может делать со своими слушателями все, что ему угодно! Он может в течение пяти минут заставить их смеяться, потом плакать, потом смеяться опять. Сила его влияния ни с чем не сравнима!"

Запомните мои слова, ребята: этому молодому человеку суждено быть величайшим проповедником нашего столетия, а может быть, и всех веков".

Многочисленные похвальные отзывы подобного рода заставляют задаться вопросом, какое влияние оказала эта честь на самого Сперджена. Многих погубила бы даже маленькая доля того почитания, которое выпало на его долю, и он вполне осознавал опасность переоценки своих способностей в этой ситуации. Во время визита в Шотландию Сперджен приобрел благосклонность многих служителей, однако некоторые шотландские духовные лица считали, что его чересчур уверенная манера выказывает в нем гордость духа. А в Англии о нем не раз говорили, как о дерзком человеке, и действительно, в некоторых случаях он вел себя с такой смелостью и властью, что подобная оценка его поведения вроде бы подтверждалась.

Но не надо забывать, что ему было всего лишь двадцать лет, и в таком незрелом возрасте доля самоуверенности вполне закономерна.

На самом же деле у нас есть основания похвалить его как раз за скромность.

Больше, чем многие другие, он осознавал смертельную опасность своего "я" и был больше всего озабочен тем, чтобы во всем прославлялся Бог. Состояние его сердца выражено в следующих воспоминаниях:

Когда я стал пастором в Лондоне, я был утрачен собственным успехом, и мысль о перспективе, которая стала мне доступна, не поднимала мое настроение, а наоборот, повергала меня в состояние крайнего упадка духа.

Да кто я такой, чтобы вести за собой такое множество людей? Мне бы лучше отправиться в свою незаметную деревню или уехать в Америку и найти себе в лесной глуши уединенное гнездо, чтобы жить, обеспечивая свои потребности. В то самое время, когда над делом всей моей жизни приподнялась завеса, я ужаснулся от того, что было открыто мне за этой завесой.

Сперджену нужен был человек, которому он мог бы доверять, кто мог бы утешать и ободрять его, кто мог бы разделять с ним его сокровенные желания и чувства. И вот, благодаря Божьему Провидению, такой человек вошел в его жизнь и стал прекрасным помощником, "пока не разлучила их смерть".

Брак Сперджена истинно заключен на небе

Надо признать тот факт, что помощь и симпатия Сюзанны Сперджен были неоценимым инструментом в формировании характера и образа жизни ее мужа, так что без нее он никогда не стал бы тем, кем он был. Его склад ума был прекрасно уравновешен, — точно такой же был и ее склад ума. Он обладал отличным чувством здравого смысла, — и она была ему в этом отношении под стать. Его сердце пламенело любовью к Богу и людям — ее сердце горело столь же сильно. Он к тому же стремился участвовать в разных видах благотворительности — и здесь на каждом шагу она была для него истинным другом. Ему приходилось подвергаться грубым нападкам во время своего публичного служения, и здесь она, вместе с Богом, была для него щитом и помощником.

Со времен первого прекрасного рассвета не было на земле пары, лучше соответствующей друг другу, чем Чарльз и Сюзанна Сперджен.

H.L.Wayland, Charles Spurgeon, His Faith and Works, 1892

В то время как большинство молодых людей ищут общения с девушками, Сперджен до сих пор не интересовался противоположным полом. Вплоть до девятнадцатилетнего возраста он полностью посвятил себя учебе и проповеди.

Но теперь все изменилось.

Молодая девушка по имени Сюзанна Томпсон присутствовала на вечернем воскресном собрании, когда Сперджен впервые проповедовал на Нью-Парк Стрит. После этого она вспоминала о нем как о несколько странном молодом человеке:

Я была совсем не в восторге от красноречия молодого оратора, а его деревенские манеры внушали мне не почтение, а скорее сожаление... Я была не настолько духовной, чтобы понимать его пламенную проповедь Евангелия и его горячий призыв грешников к покаянию, зато его огромный, черный сатиновый галстук, длинная, плохо причесанная шевелюра и синий носовой платок с белыми пятнами, кажется, все же пробудили во мне некоторые потешные мысли.

Но эти первые впечатления были недолговечными. Сюзанна была близким другом семьи Олни, а Сперджен часто бывал в этой семье. Во время их частых встреч она начала замечать кое-какие его достоинства, и он стал для нее более привлекательной персоной. Спустя примерно два с половиной месяца после прибытия в Лондон он послал ей подарок. Это была книга "Путешествие Пилигрима", на которой он сделал надпись:

Мисс Томпсон,
с пожеланиями успеха
в ее благословенном путешествии,
от Ч.Х. Сперджена
20 апреля 1854 года.

С этого момента он стал для нее духовным наставником. Сюзанна раньше него уверовала во Христа и получила спасение, но она не возрела духовно, пока церковь оставалась без пастора. А теперь день за днем "он мягко вел меня, — вспоминала она, — своими проповедями и беседами ко кресту Христа, где моя тоскующая душа нашла долгожданный мир и прощение".

Их дружба вскоре стала более близкой. 10 июня того же года в Лондоне состоялось праздничное событие, — открытие Хрустального дворца. Это был огромный выставочный зал, где размещались товары со всех концов земли, окруженный тротуарами и газонами. Чарльз и Сюзанна пришли сюда в компании друзей, но вдруг оказалось, что они сидели рядом. Когда затих шум официальной церемонии, он открыл книгу, которую взял с собой и показал ей строки, где давались советы молодым людям, ищущим себе жену, "молиться о ее благосостоянии". Когда она прочитала эти строки, он спросил ее, молится ли она о том человеке, который должен стать ее мужем. Эти слова с упоминанием о браке вызвали в ней странное волнение, но она ничего не сказала в ответ.

По окончании церемонии тот же низкий голос снова прошептал: "Не желаешь ли ты пройтись вместе со мной вокруг дворца?" Они оставили компанию друзей и остаток вечера провели вдвоем. Позже она вспоминала об этом так: "Мы долго прогуливались вместе сначала по прекрасному Дворцу, затем в саду, а потом спустились к пруду... Именно во время нашей прогулки в тот памятный июньский день, — я верю, — Сам Бог соединил наши сердца неразрывными узами настоящего чувства... С этого момента наша дружба быстро укреплялась и скоро переросла в глубочайшую любовь".

Через несколько недель — 2-го августа — они были в гостях у ее бабушки и прогуливались в саду. Там, в радостной и торжественной обстановке, он признался ей в любви и предложил выйти за него замуж.

Я вспоминаю этот старый сад, как святое место, как счастливый рай, потому что там мой возлюбленный нашел меня и сказал, как он любит меня. Хотя я уже знала об этом, но все же слышать слова любви из его собственных уст было совсем другим делом. Я замолкла и вся дрожала от радости и счастья. Сладкая церемония помолвки не нуждается в описании... Это был торжественный и в то же время счастливый момент в моей жизни, и я переживала его с благоговением в сердце. Я оставила своего возлюбленного и побежала в дом на верхний этаж. Там я преклонила колени перед Богом и со слезами счастья благодарила Его за великую милость в том, что Он подарил мне любовь столь хорошего человека.

В последующие месяцы Сюзанна духовно укрепилась, а в начале нового 1855 года подала заявление на крещение. Сперджен старался прикрывать их отношения, но слухи все же просочились наружу. Когда в церкви зачитывался список кандидатов на крещение, то перед именем Сюзанны стояло имя одного старичка, которого звали Джонни Диэр. Кто-то подслушал, как две незамужние дамы на задних рядах переговаривались между собой:

— Как зовут этого старичка?

— Джонни Диэр.

— Ну, тогда я полагаю, что следующей будет Сюзанна Диэр! (Здесь игра слов: Dear по-английски означает "милый, дорогой, любимый" — прим. ред.)

В этот период жизни Сперджен подвергался злой критике в светской и религиозной прессе. Критика была извращенной, ложной и жестокой, и хотя Сперджен переносил ее с достоинством, на душе у него часто было очень горько. Он нуждался в утешении и ободрении, и здесь Сюзанна проявила удивительное понимание и сочувствие.

Однако время их общения было очень ограниченным. Обычно он приходил к ней по понедельникам утром, однако ему приходилось брать с собой рукопись одной из своих воскресных проповедей, записанных секретарем, которую надо было редактировать. В печатном виде проповедь должна была занимать восемь страниц. Надо было что-то добавить или убрать, проставить абзацы и внести многочисленные поправки. Надо было успеть отредактировать проповедь и отдать ее мальчику-курьеру, который приезжал на велосипеде в послеобеденное время, и должен был успеть отвезти ее в типографию, где проповедь сразу же готовилась к печати, чтобы попасть в руки читателей во вторник утром. Вот такая работа занимала, — а может быть, портила, — время его свиданий с Сюзанной по понедельникам.

Они старались провести вместе час или два также и по пятницам в послеобеденное время. Обычно местом их встречи был Хрустальный дворец, где всегда можно было увидеть красоту живой природы и прогуляться по дорожкам парка. Эти встречи на время давали Сперджену отдых от кипучей деятельности и возможность снять

напряжение в присутствии той, которую он так крепко любил.

Но не все складывалось идеально в их отношениях. Бывали времена, когда он, казалось, совсем забывал о существовании Сюзи, и это больно ранило ее.

Однажды такое случилось, когда он взял ее с собой в большой зал в Лондоне, где должен был проповедовать. Она говорит об этом так:

Мы сели в карету и я хорошо запомнила, как я старалась держаться все время рядом с ним, когда мы растворились в толпе народа, заполнившей лестницу. Но когда мы поднялись наверх, он совершенно забыл о моем существовании. На нем лежало бремя проповеди, которую он должен был произнести для бессмертных душ, и он прошел в небольшую дверь сбоку, где его уже ожидали официальные лица, даже на мгновение не вспомнив о том, что оставил меня одну посреди бурлящей толпы.

Сначала я была совершенно сбита с толку, а затем... я рассердилась на него. Я сразу же вернулась домой и поведала о своем горе моей доброй маме... Она мудро заметила, что мой избранник — человек не простой, что его жизнь полностью посвящена Богу и служению и что я никогда, никогда не должна пытаться поставить себя на первое место в его сердце.

Наконец, после многих добрых и любовных наставлений, мое сердце смягчилось, и я поняла, что мое поведение было очень глупым и эгоистичным. Как раз в это время возле входной двери остановился экипаж, и мой дорогой мистер Сперджен вбежал в дом с весьма озадаченным видом, спрашивая: "Где Сюзи? Я искал ее везде, где

только мог, но так и не нашел; неужели она вернулась домой одна?" Моя милая мама вышла к нему и рассказала все, как было; и я думаю, что когда он осознал положение вещей, то ей пришлось утешать и его самого, ведь он оскорбил меня без всякого злого умысла и, наверное, считал, что я обошлась с ним несправедливо, допустив сомнение в его порядочности.

Затем он тихо дал мне высказать свое негодование и повторил слова матери, уверяя, что питает ко мне самые глубокие чувства, однако он — Божий слуга, и я должна быть готова уступить свои права на него Богу.

Бывали случаи, когда Сюзи заходила к нему в пасторскую комнату при доме молитвы как раз перед его выходом за кафедру. В это время он так был поглощен предстоящим делом, что машинально поднимался с места и пожимал ей руку с таким видом, словно она была посторонним человеком. Заметив свою ошибку, он тут же извинялся, но такие ошибки ясно показывали сосредоточенность его ума и осознание великой ответственности проповедования Слова Божьего.

Помолвка Чарльза и Сюзан длилась восемнадцать месяцев. В конце этого срока она писала: "1855 год приближается к концу, и мы с невыразимой радостью ожидаем того часа, когда у нас будет своя собственная семья и нас соединят узы священного брачного союза, который совершается на небесах".

8 января 1856 года две судьбы слились в одну. Венчание состоялось в церкви на Нью-Парк Стрит, его совершал пастор соседней церкви д-р Александер Флетчер. Люди собрались в церковь за несколько часов до бракосочетания, и несмотря на то, что

к этому дню помещение было значительно расширено, оно было переполнено народом. Целый наряд полиции следил за порядком на улице, где осталось большое количество людей.

После свадьбы они уехали на десять дней в Париж. Сюзанна перед этим уже была во Франции, и теперь могла показать Чарльзу разные интересные места. Они посещали картинные галереи, дворцы, музеи и даже посмотрели, как работает фондовая биржа.

По возвращении в Лондон молодая чета поселилась в весьма скромном доме на Нью-Кент Роуд.

Конечно же, Чарльз был очень занятым человеком. Кроме своих многочисленных дел в церкви на Нью-Парк Стрит, он стал еще готовить к публикации свою первую книгу "Святой и его Спаситель". Его также часто приглашали проповедовать в других церквях, как в Лондоне, так и в дальних городах. Почти все вечера у него были заняты каким-либо служением, а иногда его не бывало дома день, а то и больше. Часто он возвращался домой совершенно изнемогший, и тут его неизменно ожидали любящие руки, окружавшие добротой и утешением.

Сюзанна и Чарльз идеально подходили друг другу. Несмотря на то, что Чарльз был воинственным и бесстрашным в защите Божьей истины, он был также очень мягким и чутким человеком, а потому нуждался в доброте и взаимопонимании со стороны жены. Именно этими качествами обладала Сюзанна. Вот как отозвался о согласии в их семейной жизни Рассел Х. Конуэлл, основатель Темпл университета в Филадельфии, посетивший семью Спердженов и ставший впоследствии их близким другом:

Если бы он женился на глупой женщине, которая считала бы его совершенством святости, или на придирчивой опекунше, которая донимала бы его нравочениями, то он никогда не добился бы своего высокого положения. И если бы он соединил свою судьбу с женой менее благочестивой и ревностной или с такой, которая старалась бы своим влиянием пересилить любовь и уважение к нему со стороны прихожан, то такая жена принесла бы только вред его репутации.

Но его жена трудилась вместе с ним, молилась вместе с ним, доверяла ему и горячо любила его в течение многих лет их совместного труда. Одна лишь только мысль о ней, даже когда он был вдали от дома, вселяла в него чувство глубокой умиротворенности. Он мог много дней путешествовать, мог несколько раз в день проповедовать, утешаясь мыслью о том, что дома его жена часами молится о нем и ожидает его с таким радушием, предвкушение которого вселяло в него небесный мир.

Взаимная любовь Сперджена и Сюзанны никогда не иссякала. По мере приближения старости они испытали много болезней, но, тем не менее, были удивительно терпеливы друг к другу. Эта неизменная любовь нашла свое выражение в строках стихов, которые он написал вдали от дома после нескольких лет совместной жизни. Вот часть из них (дословный перевод):

Через расстояние, разделяющее нас с тобой, моя жена,
Я прокладываю мост моей песни;

И наши сердца встретятся, о радость моей жизни,
На его своде, невидимом, но крепком.
Может быть, чей-то поклонник носит имя своей любимой,
Выгравированное на драгоценном камне,
Но я ношу твой дорогой образ, выгравированный в сердце,
В том сердце, которое уже давно принадлежит тебе.
Яркая окраска, лежащая на поверхности,
Может стираться дождевыми потоками,
Но тебе не надо бояться никаких потоков,
Потому что моя любовь пропитывает всю мою внутренность.
Блестящие капли росы, выпадающие на заре любви,
Испаряются, когда день склоняется к вечеру;
И нежность на голубиных крыльях
Улетает прочь, как старая сказка.
Но моя любовь к тебе похожа на солнце,
Которое выходит во всей своей силе из чертогов радости,
Ни жизнь, ни смерть не одолеют ее,
Она будет пламенеть вовеки.
И хотя только Тот, Кто избрал нас прежде бытия мира
Должен безраздельно царствовать в наших сердцах,
Мы искренне верим, что поклонимся Ему вместе,
Когда предстанем перед Его престолом.

Невозможно представить никакую другую женщину, которая так подходила бы в
качестве жены для Чарльза Сперджена, как подходила для него эта необыкновенная

женщина, Сюзанна Томпсон. Они были приготовлены друг для друга божественной рукой, и их союз представлял собой сбывшееся желание Сюзанны — это был поистине "брак, заключенный на небесах".

Конфликт

Злые языки нападали на Сперджена с самыми злобными оскорблениями и лживой клеветой. Его мнения представлялись в ложном свете, его слова извращались. Его поучения были названы "богохульными", "невежественными", "дьявольскими". Но, тем не менее, благодетельная рука Господа была над ним, и он не обращал внимания на измышления нечестивцев.

Passmore and Alabaster, Spurgeon's publishers,

August 1856

Появление восходящей звезды Сперджена на Лондонском небосклоне потревожило благодушие религиозной жизни того времени.

Большинство баптистских и конгрегациональных церквей вели тихую и расслабленную жизнь. Даже методисты большей частью утратили свой былой пыл. Эти церкви пока что придерживались евангельской веры, но в проповедях не хватало огня, церковная жизнь еле теплилась, большинство из них довольствовались тем, что спокойно плыло по течению.

Но ситуация изменилась под влиянием той живой энергии, которую излучали личность и служение Сперджена.

Сперджен обладал редкими умственными дарованиями. Начав читать еще в детстве, он продолжал чтение книг и теперь, так что по прибытии в Лондон его знания можно было бы назвать энциклопедическими.

Выступая перед людьми с проповедью, он имел в своем распоряжении огромный интеллектуальный багаж. Он мог цитировать наизусть места из любой книги Библии, причем подбирал наиболее подходящие тексты и повторял их с дословной точностью. Он мог употреблять в качестве иллюстраций события древней истории, периода Реформации, Пуританских времен, а также случаи из жизни Уитфилда, Весли и их современников.

Он также постоянно читал литературу по изучению Библии, и широта познаний в этой области позволила ему спустя двадцать лет написать известный том под названием *Commenting and Commentaries* (Заметки и Комментарии). При подготовке этого труда, по его словам, он просмотрел примерно три или четыре тысячи томов различных книг. Его единственным хобби, если это можно так назвать, были поиски и покупка подержанных книг, и его личная библиотека со временем стала насчитывать более десяти тысяч томов.

Надо признать, что Сперджен был прежде всего богословом. Он начал задумываться над великими доктринами Библии еще с тех пор, как научился читать, и с того

времени он продолжал созидать в своем уме и сердце величественное здание той богословской системы, которая открыта в Писании. Жители Лондона удивлялись не только тому, о чем он говорил, но и тому, как он говорил. Стройная богословская система пронизывала все его служение.

Тем не менее, его проповеди были не только содержательными, но и непостижимым образом касающимися сердца, и потому многие слушатели чувствовали, что проповедник обращается лично к ним. Он в совершенстве владел своим голосом, который мог греметь, как раскаты грома, а мог и говорить в трогательных, мягких тонах, так что о нем часто говорили, как о "серебряном колокольчике".

Сперджен держался за кафедрой очень естественно. В нем не было ничего напускного, и, хотя в его речи часто проскальзывали нотки юмора, в целом его проповеди характеризовались неподдельной искренностью.

Великое множество жителей Лондона стали слушателями и почитателями Сперджена, хотя многие были настроены совершенно иначе. Некоторые знали о нем только то, что он был молод, не имел формального богословского образования, не был рукоположен, а значит, по их заключению, он не мог быть полноценным служителем и занимался шарлатанством.

Так считали, в частности, некоторые издатели газет. Сперджен обращал на себя так много общественного внимания, что они просто не могли не упоминать о нем, а поскольку считали его шарлатаном, они подняли против него злобную кампанию открытых обвинений. Некоторые их высказывания были слишком грубы и

оскорбительны, чтобы их повторять, но некоторые выражались менее резко. Вот что писал корреспондент газеты Ipswich Express (Ипсвич Экспресс) в статье под заголовком "Духовный трус":

Пока его собственная церковь ремонтировалась, он проповедовал в Экзетер Холл, который был набит до отказа.

Все его речи пропахли дурными манерами, пошлостью и наигранностью, но, несмотря на это, за ним гоняются так, что если не придешь за полчаса раньше, то вообще не попадешь в зал. Один ведущий служитель независимой деноминации, слушавший этого скороспелого юнца, сказал, что все это шоу было "оскорбительным для Бога и для людей".

Этот "даровитый" богослов набрался наглости перед проповедью заявить присутствующим в зале молодым девушкам, что он помолвлен, что его сердце принадлежит другой, и он дает им ясно понять, что не желает получать от них никаких подарков, не желает, чтобы они оказывали ему внимание, не желает, чтобы они плели ему шерстяные тапочки. Я полагаю, что этот уважаемый богослов чувствовал себя не совсем уютно в окружении любящих его молодых дам".

Эта статья вызвала протест со стороны многих читателей. В ответ газета Экспресс с неохотой признала, что заметка насчет тапочек была ошибочной. Но тем временем эту заметку подхватили несколько других газет, которые так и не извинились за допущенную ошибку. А Лэмбет Газет даже утверждала, что "Молодые сестры совсем потеряли ум из-за него. Эти несмышленные девицы прислали ему столько тапочек, что

он мог бы открыть целый обувной магазин".

А вот цитата из другой газеты, Эссекс Стандарт, которая тоже много писала о

Сперджене:

Стиль его речи вульгарно-простонародный, перемешанный с напыщенностью. Все солидные служители нашей епархии обсуждаются в его речах грубо, резко и непочтительно. Он опошляет церковные таинства, ругается над святынями, оскорбляет здравый смысл и внушает отвращение к правилам благоприличия. Его напыщенные речи пересыпаны низкосортными анекдотами, которые бьют по ушам невзыскательных слушателей, — и это называется популярностью! И это тот самый лондонский "религиозный экстаз!"

Газета Пэтриот описывает сначала разностороннюю одаренность Сперджена, но потом нападает на него с критикой.

Этот скороспелый новичок бичует всех подряд. Он считает только себя истинным кальвинистом, а всех остальных вокруг себя — либо зловредными арминианами, либо недостаточно последовательными сторонниками учения о благодати. Учение об избрании, по его мнению, "презираемо и ненавидимо в наше время". "Истинную веру в наши дни можно найти только в картинных галереях". Он словно не слышит, как его братья-проповедники не хуже его защищают абсолютную достаточность и силу заместительной жертвы нашего Господа Иисуса Христа.

Еще более бесцеремонно обращается г-н Сперджен с теми богословами, которые не

принадлежат к его специфической школе. "Арминианские извращения, в особенности, — говорит он, — должны согнуться в той самой бездне, которая их и породила". Их понятия о том, что можно отпасть от благодати, "являются самой зловредной ложью на земле".

Другая газета поместила под одним заголовком имена "Том Там, Живой Скелет и Ч.Х. Сперджен", намекая на то, что его законное место находится в цирке. Еще одна газета заявляла, что его служение представляло собой возрождение древнего "Праздника Осла", а другая газета утверждала:

Мы думали было, что времена догматических и богословских драм ушли в прошлое, что мы никогда больше не увидим, как массы народа будут выслушивать неистовые излияния умопомешательства, никогда больше не услышим фанатичного вскипания педантичных нравоучений и нам не надо будет убирать пену с поверхности, чтобы разобраться в сущности вещей...

Совсем не по-христиански звучат заявления, вроде: "Прежде чем человек попадет на небо, ему надо промыть мозги учением ультра-кальвинизма, которое проповедует Сперджен"... Если уж этот подросток из Экзетер Холл берется говорить о Боге, то пусть он помнит, что Бог недостижим для профанации и что богохульство из уст проповедника есть столь же тяжкое преступление, как и грязная ругань подонка, оскорбляющая целомудренный слух.

Несколько газет публиковали карикатуры на Сперджена. Большинство газет насмеялись над ним, но две или три не могли не признать, что он проповедует

чистое и доброе учение, хотя и изображали его смотрящим свысока на других ведущих религиозных деятелей страны.

Сперджен не отвечал на все эти нападки. Правда, в своих проповедях он иногда для иллюстрации ссылался на то, что писали о нем газеты. В письмах родителям он не раз предупреждал их, что то, о чем пишут газеты, может быть несправедливо, — например, эта история с тапочками, — и просил, чтобы они не беспокоились из-за враждебного к нему отношения.

И все же ему было больно слышать все эти обвинения и насмешки. Сюзанна собирала все такие вырезки из газет и наклеивала их в альбом, пока он не растолстел до огромных размеров. Она также написала и повесила на стене текст "Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас".

Сперджен встречал враждебное к себе отношение не только со стороны светской прессы, но также и со стороны некоторых христианских газет из-за своей приверженности к кальвинизму.

Сперджен написал "Защиту кальвинизма", составляющую целую главу в его "Автобиографии". Он говорил: "Мы употребляем слово "кальвинизм" для краткости. Учение, называемое кальвинизмом, произошло не от Кальвина; мы верим, что оно берет свое начало от великого Основателя всякой истины". Он называл данную систему богословия "учением о благодати", причем употреблял оба названия

взаимозаменяемо.

С кальвинистскими понятиями он был знаком уже давно, поскольку они составляли главную тему для дискуссий в доме его деда и отца. Это учение было изложено Буньяном и другими пуританскими писателями. В этом учении его усердно наставляла также Мэри Кинг, экономка из школы в Ньюмаркете, где он учился.

Ей нравилось хорошее, крепкое, славное кальвинистское вероучение, но ее жизнь была так же крепко утвержденной, как и то, во что она верила. Мы часто беседовали с ней о завете благодати, о личном избрании святых и их союзе со Христом, о пребывании в благодати и важности практического благочестия, и мне кажется, что я почерпнул от нее больше, чем мог бы почерпнуть от полдюжины докторов богословия, каких мы имеем на сегодняшний день.

По прибытии в Лондон Сперджен решил, что его служение должно носить реформаторский характер, — своими трудами он старался вновь вернуть людей к забытым истинам. Большинство протестантских служителей проповедовали евангельскую истину, но в их проповедях явно недоставало доктринальной глубины, и он чувствовал себя довольно одиноким, придерживаясь кальвинистской системы богословия. В течение первого года служения в Лондоне он утверждал учение об испорченности человека и о Божьем избрании, причем делал это с большой выразительностью и подробными разъяснениями. "Моим повседневным трудом, — говорил он, — является восстановление старых доктрин, которые проповедовали Гилл, Оуэн, Кальвин, Августин и Христос".

Сперджен выступал против того легкомысленного отношения, с которым некоторые кальвинисты говорили об "ограниченном искуплении". Он предпочитал употреблять выражение "индивидуальное искупление", — то есть понятие, что Христос не просто сделал спасение возможным и предоставил человеку сделать все остальное, но что Он совершил личное спасение каждого из Своих избранных, и таким образом дал им уверенность в своем спасении.

Хотя Сперджен провозглашал, что "спасение принадлежит Господу", он также проповедовал и то, что "всякий, кто хочет, может прийти". В церковь на Нью-Парк Стрит и в Экзетер Холл приходили сотни людей, которые не знали Господа. Практически в каждой проповеди он предлагал им признать свое погибшее состояние, убедиться в том, что Христос может их спасти и поверить в Него без промедления. В его проповедях часто звучал евангельский призыв к покаянию, и это давало обильные плоды обращения многих людей к Богу.

Сперджен понимал, что эти две концепции находятся в кажущемся противоречии, однако он считал, что Писание говорит о том и о другом, то есть что Бог спасает Своих избранных, но в то же время человек несет ответственность за свою душу. Поэтому он постоянно провозглашал: "Веруй в Господа Иисуса Христа и спасешься".

Такая открытая проповедь Евангелия для всех, кто верует, навлекла на Сперджена атаки ультра-кальвинистов.

Ультра-кальвинисты придерживались тех же взглядов, что и остальные кальвинисты, однако они считали, что Евангелие нельзя проповедовать перед аудиторией,

состоящей из верующих и неверующих. Они считали, что Евангелие можно провозглашать только для "осознающих грешников", то есть для тех, кто осознает свою нужду во Христе.

Сперджен часто выступал против данной формы кальвинизма, потому что ее приверженцы ничего не предпринимали, чтобы пробудить в грешниках нужду во Христе. "Ультра" не стремились проповедовать Евангелие, не искали погибших, они фактически отвергли повеление Христа: "Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари".

Хотя эти люди не преследовали цель искать погибающих, зато они преследовали тех, кто преследовал такую цель. Их главным оратором был Джеймс Уэллс, служитель довольно большой церкви, который в ультра-кальвинистской газете The Earthen Vessel (Глиняный сосуд) яростно критиковал Сперджена. Для него и его приверженцев евангелизационная деятельность Сперджена была анафемой. Бог спасет Своих избранных и без помощи этого молодого выскочки. Уэллс принял на себя вид очень праведного человека, поборника веры, и в своей многословной оценке деятельности Сперджена утверждал, что не нашел в нем ни малейшего признака спасительной благодати и сделал вывод, что он, возможно, до сих пор не пережил обращения.

Сперджен действительно часто критиковал ультра-кальвинизм в своих проповедях, но самым веским его аргументом было славное Евангелие, которое он проповедовал, и тот очевидный факт, что Бог употребляет эту проповедь для преображения жизни множества людей.

Были и другие религиозные журналы, которые искали погрешности в служении Сперджена в первые годы его пребывания в Лондоне. Такими были, например, The Baptist Reporter, The United Presbyterian Magazine, The Critic, а также The Christian News.

Такая оппозиция со всех сторон привела впоследствии к страшной трагедии.

Сперджена отказали в аренде Экзетер Холла, и он решил перейти в Сари Гарденс Мьюзик Холл. Это был очень большой зал с тремя балконами, вмещающий в общей сложности 10 000 человек. Использовать такой зал в полную мощность казалось сверх возможного. Хотя Уитфилд и проповедовал перед 20 000 и даже больше, но его собрания проводились на открытом воздухе, и еще никто не собирал такую огромную толпу в закрытом помещении.

Тем не менее Сперджен отважился предпринять столь громадное дело. Зная, что в его собственной церкви сотни людей, желающих послушать Евангелие, остаются за дверями каждое воскресенье, он решил, что у него нет другого выбора, как попытаться использовать этот зал.

Слух о том, что Сперджен будет проповедовать в Сари Гарденс Мьюзик Холл, быстро распространилась по Лондону. Члены его церкви стали с радостью готовиться к этому событию, многие посетители также пожелали прийти на новое место, но нашлись и те, у кого были злые намерения и кто желал испортить это выдающееся событие.

Первое богослужение в зале планировалось провести в воскресенье вечером 19 октября 1856 года. Предшествующие этому событию дни были наполнены у Сперджена многочисленными домашними хлопотами, потому что 10 сентября они переехали на новое место жительства в Хеленсбург Хаус, а спустя десять дней Сюзанна родила двух мальчиков-двойняшек, которых они назвали Чарльзом и Томасом.

Собравшаяся на открытие толпа превзошла всякие ожидания. Зал был расположен в небольшом парке, обнесенном ажурной металлической оградой, и народ начал стекаться сюда уже после обеда. Толпа все увеличивалась, и когда вечером двери зала открылись, народ ринулся внутрь. Люди заполнили все сиденья, проходы и лестничные пролеты, а тысячи других остались стоять на улице и не хотели уходить, надеясь услышать проповедь через окна.

Прибыв на место, Сперджен был буквально ошеломлен видом этого огромного скопления людей. Ему было всего двадцать два года, и стоять перед такой огромной аудиторией, вести служение и проповедовать так, чтобы его слышали, казалось для него поистине непосильной задачей. Однако, заручившись Божьей поддержкой, он вышел вперед и начал служение.

Первые моменты все шло по распорядку обычного воскресного служения, и пение было по-особому благоговейным и радостным.

Но как только Сперджен начал молиться, все неожиданно пришли в ужас. Кто-то на балконе крикнул: "Пожар!", за ним последовал крик снизу: "Балкон обваливается!"

Потом послышался третий голос: "Весь зал рухнет!" Всех тут же охватила паника и люди ринулись к лестницам, толкая друг друга к выходу.

Некоторые лестничные пролеты не выдержали огромного давления и рухнули вниз прямо на толпу. Люди прыгали вниз с балконов и лестничных пролетов, а внизу их топтали те, кто пытался вырваться на улицу. Поток людей вырывался наружу, а другие в это время пытались проникнуть внутрь и занять освободившиеся места.

Сперджен не мог видеть всего, что творилось на противоположном конце зала, где находились двери и лестницы. Он попытался успокоить публику, но вскоре стало очевидным, что служение проводить дальше невозможно, и он попросил собравшихся спокойно разойтись.

Он был настолько подавлен случившимся, что зашел в служебную комнату и рухнул на пол почти в бессознательном состоянии. Перед тем, как уйти, он узнал, что семь человек умерло и двадцать восемь увезли в больницу с серьезными травмами.

Его привезли домой, где он мог получить утешение и поддержку от своей жены. Но беда была в том, что на этот раз она не могла ему помочь, как бывало раньше, потому что еще не прошло месяца после родов, и она была сама слаба и нездорова.

Диаконы его церкви хорошо понимали, что в данной ситуации ему лучше не оставаться дома, потому что будут приходить многочисленные посетители, — друзья, желающие помочь, и враги, желающие обвинить, — и, конечно же, сюда приедут репортеры. Зная его чуткую натуру и его глубокое сочувствие к пострадавшим,

диаконы поспешили увезти его в дом одного из друзей, находящийся в пригороде. Здесь его не беспокоили визитеры, и они надеялись, что в спокойной обстановке его силы восстановятся быстрее.

Так получилось, что, находясь в тихом уединении, Сперджен не видел того, что писали газеты по поводу случившегося. Некоторые репортажи выражали сочувствие, а некоторые были жестокими. Ниже приводится пример того, что писали его противники.

Мы выражаем свою точку зрения вовсе не с целью бичевать всех подряд и не придерживаемся узких взглядов, но все же мы желаем, чтобы церковь и театр держались как можно дальше друг от друга. Прежде всего, мы желали бы дать в руки каждому здравомыслящему человеку бич, чтобы выгнать из общества виновников такого отвратительного богохульства, какое в воскресенье вечером звучало из уст Сперджена, перекрывая крики умирающих и заглушая стоны изувеченных и страждущих... А в конце всего, когда искореженные тела уносили из этого оскверненного и опозоренного места, когда во всеобщей агонии и отчаянии мужья искали своих жен и дети — матерей, — звон монет, падающих в ящики для пожертвования, ударил по ушам тех, кто, как мы искренне надеемся, теперь почувствовали глубочайшее отвращение к высокопарным словоизлияниям г-на Сперджена.

Хорошо, что Сперджен не видел всех этих газетных репортажей. Конечно же, рассказ о ящиках с деньгами был полнейшей выдумкой, а описание бессердечности Сперджена среди этой трагедии было жестоким и несправедливым. Мы можем, однако, предположить, что Сюзанна видела эти газеты.

Сперджен находился в подавленном состоянии семь или восемь дней. Затем, во время прогулки в саду своего друга, он вспомнил стих из Писания, говорящий о Христе. Он словно увидел этот стих впервые: "Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени". Питая душу размышлениями над этим стихом, он начал восстанавливаться. Бремя постепенно спало с него, и он смог возвратиться в свой дом. На следующее воскресенье он снова проповедовал на Нью-Парк Стрит. Всего одно воскресенье он не стоял за кафедрой в своей церкви.

Сперджен немедленно приступил к организации помощи для пострадавших. Для их нужд был образован специальный фонд, сам Сперджен, его диаконы и члены церкви посещали больницы и дома пострадавших, а также родственников погибших. Однако, несмотря на возвращение к своей обычной работе, он получил сильное нервное потрясение из-за случившегося. Всю оставшуюся жизнь картина переполненного зала всплывала перед его глазами, вызывая нервное напряжение, и даже спустя годы от одного напоминания о событии в Сари Гарденс он быстро слабел и едва не падал в обморок.

Но, какие бы силы ни стояли за кулисами этой трагедии, они вместе с прессой на самом деле только содействовали успеху служения Сперджена. Слух о случившемся разнесся по всей Британии, и, несмотря на недоброжелателей, многие люди невольно почувствовали симпатию к Сперджену. А община на Нью-Парк Стрит назначила комитет для проектирования и постройки нового, очень большого церковного здания. Случившаяся катастрофа заставила их предпринять меры и молиться, чтобы проект был завершен как можно быстрее и можно было бы приступить к строительству.

Ситуация послужила ко благу и лично Сперджену. Враги научили его принести в жертву Христу даже собственную репутацию. "Если я должен лишиться и ее, — писал он, — то пусть будет так. Хотя это для меня самое дорогое, что я имею, но я не остановлюсь, даже если обо мне скажут так же, как и о моем Господе, что во мне бес или что я безумен". Душераздирающее испытание, которое ему пришлось пережить, сделало его намного более зрелым и мудрым, что было так необходимо для дальнейшего руководства церковью.

Некоторые, может быть, хотели бы охарактеризовать Сперджена как человека, который редко выражал свое несогласие с кем-либо и которого все любили и почитали. Но в своих богословских убеждениях он шел вразрез со многими, и за это, а также за свой неумный пыл, он стал предметом насмешек и порицания. И лишь спустя годы народ начал признавать его истинные достоинства и ценить его выдающиеся заслуги.

Пробуждение в Лондоне

Перед моими глазами стоит образ пахаря, который застал жнеца, как написано в книге Амоса, 9:13: "Вот, наступят дни, говорит Господь, когда пахарь застанет еще жнеца, а топчущий виноград — сеятеля; и горы источать будут виноградный сок, и все холмы потекут".

Нам довелось в своей жизни увидеть это наяву в Церкви Христовой. Приходилось ли вам когда-нибудь видеть подобное? Среди нас есть седовласые старцы, которые знают состояние Церкви Христовой уже на протяжении шестидесяти лет, и они могут засвидетельствовать, что до сих пор никогда еще не видели такой жизни, такой энергии, такой активности, как это видно теперь.

Сперджен, январь 1860

В течение трех лет Сперджен использовал для своих утренних собраний Сари Гарденс Мьюзик Холл, а вечером они продолжали собираться в церкви на Нью-Парк Стрит, хотя это помещение было очень переполнено. Это были годы напряженного труда и великих благословений.

В большом зале Сари Гарденс образовалась весьма необычная церковь. Здесь были многие образованные и почетные люди, было также много людей среднего класса, которые были в состоянии позволить себе вести довольно комфортный образ жизни. Но в Лондоне в те времена было много и бедных людей, повседневным уделом которых была нищета, частые болезни, пьянство, аморальность, воровство. Их жизнь была тяжелой, нередко случались самоубийства, и многие из этих людей могли бы сказать: "Никто не заботится о душе моей". Сотни таких бедняков тоже приходили послушать проповеди Сперджена.

Впервые многие из этих людей соприкоснулись со Спердженем во время эпидемии холеры. Он не пытался избежать заражения, и добровольно посещал дома больных. Он

проявлял участие, молился о страждущих, утешал скорбящих, хоронил умерших. Слух о его служении распространился по всему округу, и люди поняли, что этот проповедник по-настоящему заботился о них.

Враждебная кампания, развернутая против Сперджена, еще больше привлекла к нему внимание. Его имя было на языке у многих, и часто одни говорили о нем с таким презрением и злостью, что другие стали приходить слушать его просто из любопытства. Тем более что вход в общественный зал представлялся людям более свободным, чем в такое "запретное" место, каким для них казалась церковь.

Слушая Сперджена, люди убеждались, что он говорил не вычурно, на понятном для них языке, так, как говорили простолюдины. Он употреблял хорошо знакомые им слова и понятные иллюстрации, так что казалось, что он обращается к каждому слушающему лично. Но в первую очередь, у него было то слово о новой жизни во Христе, которое и достигало многих сердец.

Желая спасения душ этих людей, — а это желание просматривалось во всех видах служения Сперджена, — он проявлял такое усердие, которое с трудом поддается описанию.

Некоторые считают, что Сперджен был не более чем своего рода эстрадным артистом. Они изображают его эдаким весельчаком за кафедрой, который заставляет людей смеяться и радоваться и для которого проповедь — не более чем просто приятное времяпровождение. Нет ничего более далекого от истины.

Действительно, Сперджен был одарен чувством юмора и временами употреблял его в своих проповедях. Один шотландский проповедник, слышавший Сперджена, сказал, что его речь часто оживляется проблесками остроумия, похожими на "солнечные блики на речной зыби". Но утверждать, что Сперджен рассказывал шутки за кафедрой или проповедовал легкомысленно, значит показать полную неосведомленность об этом человеке и о его отношении к служению. Наставляя своих студентов по поводу того, как проповедник может испортить свое доброе влияние на слушателей, Сперджен сказал: "Это можно сделать, если поставить за кафедру пустого человека, которому нечего сказать, но он все же говорит; или если поставить легкомысленного, несерьезного человека, который будет говорить шутки ради шутки".

Шутовство за кафедрой Сперджен осуждал самым строгим образом.

Обыкновенно по воскресеньям Сперджен перед началом служения проводил некоторое время наедине с Богом в молитве, осознавая огромную ответственность за проповедь Евангелия погибающим. В некоторых случаях казалось, что он никак не может выйти из своей комнаты, чтобы предстать перед народом, и диаконы чуть ли не поднимали его с колен перед началом собрания.

Но он все же выходил всегда точно в назначенное время и, выступая перед собравшимися, реально ощущал присутствие силы свыше. Он проповедовал уверенно, ясно и сердечно, но как только собрание заканчивалось, он спешил в свою комнату, чтобы в сокрушении признать перед Богом свое несовершенство. Однако люди не давали ему оставаться в уединении долго, выстроившись в очередь у пасторского кабинета. Некоторые посетители из дальних мест желали просто поприветствовать

его, но большинство хотели поделиться с ним своими духовными нуждами и желали, чтобы он показал им путь ко Спасителю.

Сперджен не одобрял тех служителей, которые перед началом служения мило улыбаются и радостно приветствуют своих посетителей, а после служения беззаботно и приятно разговаривают с ними у выхода. Он считал, что его место в такие моменты должно быть наедине с Богом, чтобы оплакивать недостатки своей проповеди и молиться о посеянном семени, чтобы оно пустило корни и принесло плод для жизни вечной.

Такой серьезный подход просматривался во всем служении: в пении, чтении Писания, проповеди, и особенно — когда Сперджен молился вслух. Многие слушатели, наблюдающие за служением Сперджена на протяжении ряда лет, заметили, что они были затронуты больше молитвами Сперджена, чем его проповедями. Д.Л. Муди как-то спросили, когда он вернулся домой после своего первого визита в Англию, слышал ли он, как проповедует Сперджен. Тот ответил: "Да, и больше того — я слышал, как он молится!"

Сперджен просил, чтобы его молитвы не записывали стенографисты, потому что считал молитву слишком серьезным занятием, чтобы отдавать его в руки репортеров. Но иногда эти просьбы не исполнялись, и его молитва на новогодней всеобщей в 1856 году была записана, так что мы можем иметь некоторое представление о том громадном чувстве серьезности, с которым он совершал молитву:

О Боже, спаси Твой народ! Спаси Твой народ! Ты возложил на Твоего раба столь

важную задачу. О, Господь, она слишком велика для такого дитяти, как я. Помоги мне, помоги мне Твоей благодатью выполнить эту задачу так, как я должен ее выполнить. О Господь, помоги Твоему рабу исповедовать перед Тобой, что мои молитвы не столь усердны, как следовало бы молиться ради спасения Твоего народа; что я не проповедую так часто и с таким огнем, с той силой и любовью к душам людей, как это необходимо. Но, о Господь, не осуди слушателей за грехи проповедника. Не погуби стадо за прегрешения пастыря. Помилуй их, благой Господь, помилуй их, о Господь, помилуй их!

Есть из них такие, Отец наш, которые немилосердны к самим себе. Как мы старались проповедовать для них и трудиться ради них! О Боже, Ты знаешь, что я не лгу. Сколько усилий я приложил, чтобы они были спасены! Но их сердца слишком черствы, чтобы их мог затронуть человек, и железная душа слишком крепка, чтобы плоть и кровь могли ее размягчить.

О Боже, Боже Израиля, только Ты можешь спасти! В этом надежда пастыря, в этом залог успеха Твоего служителя. Я не могу, но Ты можешь, Господь. Они не придут сами, но Ты можешь сделать так, чтобы они были "готовы в день силы Твоей". Они сами не придут к Тебе, чтобы иметь жизнь, но Ты можешь привлечь их — и они побегут за Тобою. Они не могут прийти, но Ты можешь дать им силу; ибо "никто не может прийти, если не привлечет его Отец", если же Отец привлечет, то смогут.

О Господь, Твой раб проповедовал в течение прошедшего года — Ты знаешь, как я проповедовал. Я ничем не оправдываюсь перед Тобой... Но ныне, о Господь, мы молим Тебя, благослови нас, Твой народ. Пусть эта церковь — Твоя церковь — будет

связана узами единения, и пусть в эту ночь начнется новая пора молитвы. О Господь, помоги нам молиться более усердно. Помоги нам бороться в молитве больше, чем мы боролись до этого, помоги нам окружить Твой престол, доколе Ты не сделаешь Иерусалим славою не только здесь, но во всей земле.

Но, Отче, мы плачем и вздыхаем не о церкви, а о мире. О Верный в Своих обетованиях, не Ты ли обещал, что Твой Сын вкусит смерть не напрасно? Дай же Ему души, молим Тебя, чтобы Он смотрел на подвиг души Своей с довольством. Не Ты ли обещал, что Твоя церковь умножится? Умножь ее, умножь ее! И не Ты ли обещал, что труд Твоих рабов не будет напрасен? Ибо Ты сказал: "Как дождь и снег нисходит с неба и туда не возвращается, но напоет землю", — так и слово Твое, — оно не возвращается к Тебе тщетным".

Пусть Твое слово не возвратится тщетным и в эту ночь, но дай Твоему рабу со всей ответственностью, со всем жаром сердца, пламенеющим любовью к Спасителю и к душам, проповедовать снова "славное благовестие блаженного Бога, которое мне вверено". Приди, Святой Дух, без Тебя мы не можем делать ничего. Мы всей душой призываем Тебя, великий Дух Божий! Ты, Кто почивал на Аврааме, Исааке и Иакове, Ты, кто говоришь к людям в ночных видениях, Дух пророков, Дух апостолов, Дух Церкви, будь нашим Духом в эту ночь, чтобы земля дрожала, чтобы души услышали Твое Слово и чтобы всякая плоть радовалась и славилась Твое имя. Отцу, Сыну и Святому Духу, страшному в Твоем величии, да будет вечная хвала. Аминь.

В этой молитве выражена сущность богословия Сперджена. Он понимал, что человеческое сердце настроено против Бога и что природа греха настолько ужасна,

что невозрожденный человек не хочет и не может сам прийти к Богу. Человек погиб во грехе, он находится в таком состоянии, что никак не может помочь сам себе.

Однако Сперджен находит основание для уверенности в том, что Христос на кресте совершил в полноте спасение для всех, кого ни призовет Господь, и что Бог "в день силы Его" сделает так, что те, которые не желают, пожелают прийти к Нему.

Он считал себя обязанным проповедовать Евангелие для всех людей — для всего творения — и проповедовать с таким усердием, как если бы результат полностью зависел от его стараний. Он знал, что "спасение от Бога", и поэтому при выполнении своей великой миссии был уверен, что Слово Божье "не возвращается тщетным", но Бог употребит его для спасения душ.

Его богословие не ограничивалось одной только ответственностью человека. Его богословие было богословием зависимости от Бога, богословием победы.

Усердие, характерное для молитв Сперджена, было характерно также и для его проповедей.

Его первоочередной задачей было принесение славы Христу. Вспоминая внутреннее напряжение, которое испытывал Сперджен, когда начал проповедовать в Экзетер Холл, его жена писала:

Я вспоминаю, как однажды в воскресенье вечером он проповедовал на текст: "Будет имя Его вовек". Эта тема была предметом его особого наслаждения, для него было высшей радостью возвышать своего благословенного Спасителя, и в проповеди на эту тему он, кажется, выкладывал всю свою душу и жизнь в почитании и поклонении

милостивому Царю.

Я думала, что он умрет прямо там, за кафедрой, перед всем народом! В конце проповеди он сделал большое усилие, чтобы восстановить голосовые связки, которые у него так сильно сели, что он надломленным голосом только и мог произнести в заключение своей проповеди: "Пусть мое имя погибнет, но пусть имя Христа пребудет вовеки! Иисус... Иисус! ИИСУС! Венчайте Его — Он Господь над всем! Вы больше не услышите от меня ничего. На сегодня это мои последние слова в Экзетер Холле. Иисус... Иисус! ИИСУС! Венчайте Его — Он Господь над всем!" После этих слов он упал на кресло, стоящее сзади, почти потеряв сознание.

Кроме любви к Господу, проповеди Сперджена выражали также и большую любовь к человеческим душам. Христиане могли питать свои души, нуждающиеся верующие могли получать утешение в его служении, но более всего грешники слышали призыв прийти ко Христу. Одна из его ранних проповедей заканчивалась такими словами:

"Кто будет верить и креститься, спасен будет; а кто не будет верить, осужден будет". Уставший грешник, мерзкий грешник, ты, ставший стараниями дьявола отверженным, закосневшим, блудником, разбойником, вором, прелюбодеем, развратником, пьяницей, ругателем, нарушителем воскресного дня, — слушай! Я обращаюсь к тебе, так же, как и ко всем остальным людям. Я не делаю ни для кого исключения. Сам Бог здесь сказал, что Он не исключает никого. Всякий верующий во имя Господа Иисуса Христа будет спасен. Всякий — даже если ты нечист, как дьявол, даже если ты виновен, как злодей, — всякий, кто в этот вечер уверует, получит прощение всех своих грехов, все его преступления будут изглажены, все

провинности вычеркнуты, он будет спасен в Господе Иисусе Христе и будет на небе в полной безопасности.

В этом состоит славное Евангелие. Да поможет вам Бог принять его всем сердцем и да даст вам веру в Иисуса!

Почти в каждой его проповеди, особенно в заключительной части, содержались такого рода призывы, предупреждения, просьбы, приглашение грешникам прийти ко Христу.

Сперджен старался также помочь тем душам, которые пришли ко Христу, в подготовке к крещению и вступлению в члены поместной церкви.

Он не предлагал людям выйти вперед, поднять руку, подписать учетную карточку или сделать другое внешнее действие. Зато в каждой проповеди, особенно в заключительной части, он предлагал неспасенным слушателям уверовать во Христа, рассчитывая на то, что они сделают это сразу же во время собрания. Временами он предлагал им спокойно пойти в свой дом, зайти в уединенную комнату и там искать Господа до тех пор, пока Он не даст им сердечную веру и покаяние.

В течение первых пяти лет служения в Лондоне он устраивал по вторникам после обеда прием для тех, кто искал спасения души и нуждался в его совете, а также для тех, кто недавно пришел ко Христу и желал рассказать о своих духовных переживаниях. Это было прекрасной возможностью для самого Сперджена, когда он мог порадоваться тому, что указал путь к Господу ищущей душе или выслушать

свидетельство о том, как Господь преобразил чью-то жизнь. Со своей же стороны, по вторникам вечером, когда церковь собиралась на молитвенное собрание, он оглашал имена тех, кто, по его мнению, был по-настоящему рожден свыше, и часто эти люди рассказывали о своем опыте обращения перед большим собранием. Затем церковь голосовала по вопросу крещения и принятия этих людей в члены церкви, и эта радостная процедура была едва ли не единственным занятием церкви.

Однако со временем число людей, желающих побеседовать со Спердженом, возросло настолько, что ему пришлось изменить порядок приема. Имена тех, кто искал спасения или недавно пришел ко Христу, оглашались на собрания по вторникам, и к каждому из них назначался человек, которого называли "посланник". Он должен был посетить и, насколько возможно, узнать духовное состояние кандидата. Посланник писал отчет о своей беседе и помещал его в специальную книгу под названием "Запись посещений", хранившуюся в церкви.

Труд, совершаемый этими посланниками, привел их самих к удивительному духовному прогрессу. Когда Сперджен прибыл в церковь на Нью-Парк Стрит, члены этой церкви мало заботились о приближенных. Но под руководством Сперджена они научились выполнять эту тонкую работу с душами, и, читая их отчеты, невозможно не удивляться их мудрой обходительности.

Беседуя с человеком, утверждающим, что он познал Господа, посланники обращали внимание на три признака истинного обращения.

Во-первых, действительно ли этот человек осознал, что он грешник, неспособный

спасти самого себя никакими средствами, и затем пришел к Богу с мольбой о милости, всецело доверил свою душу Христу и уверовал в Его спасительную смерть на кресте.

Во-вторых, стал ли этот человек жить новой жизнью, произошла ли в нем перемена желаний, побеждает ли он грех, любит ли Слово Божье, стремится ли он приводить других ко Христу.

В-третьих, имеет ли он (или она) познание основ учения о благодати, понимает ли, что спасение зависит не от него и что Бог, Который спас его, сохранит его на протяжении земной жизни и в вечности.

Посланники обращались с этими младенцами во Христе очень осторожно и с большим пониманием, и записи с их отчетами о посещениях содержат такую духовную глубину, какую редко можно встретить в христианской литературе.

Когда посланник получал удовлетворительный ответ по всем трем упомянутым пунктам, он в своем отчете выражал радость и внизу подписывал: "Дать этому человеку визитную карточку для беседы с пастором". Если же ответ был неудовлетворительным, то отчет выглядел примерно так, как в случае с одной женщиной: "Рекомендуется посещать уроки в библейском классе г-жи Бартлетт. Встретимся с ней через три месяца". Мужчин направляли в библейский класс для мужчин, причем в некоторых случаях назначались две или три повторные встречи для беседы.

Встречались также и случаи, когда посланник не был уверен, что человек спасен, поэтому шестьдесят или семьдесят имен попадало каждый год в "Список отказов", который помещался на первых страницах учетной книги.

Сперджен тем временем все так же устраивал прием для желающих каждый вторник после обеда, но теперь труд посланников значительно экономил его время. Он не раз испытывал радость, когда слышал свидетельство этих новообращенных христиан, и часто со слезами на глазах выслушивал их рассказы о том, как Святой Дух работал в их сердцах, как они боролись с грехом и одерживали победу, а также об их новой жизни во Христе. Многие вспоминали ту проповедь, через которую их сердца были сокрушены и пришло сознание нужды в Спасителе, а некоторые даже упоминали текст или выражение, которые Господь употребил, чтобы пробудить их и привлечь к Себе.

Он ободрял их и давал им советы. Во время этих бесед он знакомился с людьми лично, и это знакомство помогало ему помнить почти каждого из своих членов церкви по имени, даже тогда, когда количество членов возросло до шести тысяч человек. В некоторых случаях он был настолько поглощен радостными беседами с новообращенными, что забывал поужинать, и когда наступало время начинать молитвенное собрание, он сожалел о том, что был вынужден перенести беседу с несколькими людьми на следующую неделю.

Имена собеседуемых в тот же вечер оглашались перед церковью. Церковь вместе с пастором радовалась, слыша свидетельство новообращенных, и каждую неделю несколько человек допускались к крещению и членству. Иногда число кандидатов

было человек двенадцать, а иной раз — двадцать и более.

Сперджен проявлял необыкновенное усердие, заботясь о душах. И он не мог поступать иначе. Он верил в реальность существования ада и осознавал свою огромную ответственность в случае, если будет уверять человека в том, что он спасен, тогда как нет никаких доказательств этого.

Кроме того, он не позволял, чтобы членство в церкви было просто формальностью. Членам церкви выдавались специальные карточки, которые надо было предъявлять для участия в Вечере, те же, кто без уважительной причины отсутствовал четыре месяца, вычеркивались из церковного списка. Исключались также и те, кто выезжал из Лондона, — многие англичане в те времена эмигрировали в Австралию, Канаду и другие страны, — потому что члены церкви должны были вести активную жизнь и строго посещать собрания церкви, за исключением уважительных случаев.

Новыми членами церкви становились, в основном, люди, которые не переходили из других церквей. Огромное большинство из них вообще никогда не посещали церковь. Однако теперь они пришли, особенно когда собрания проводились в Мьюзик Холле, услышали проповедь Евангелия и обратились к Богу. Многие из них стали совершенно другими людьми: это были бывшие пьяницы, блудницы, воры, которые пережили удивительную перемену в личной и семейной жизни. Эти люди совсем не знали Бога, но теперь обрели счастье в Господе и в служении Ему.

Благословение, которое люди получали через служение Сперджена, вскоре стало оказывать влияние и на другие церкви. Хотя на первых порах служение Сперджена

громко критиковали, впоследствии, когда люди стали читать его проповеди и увидели его дела, их мнение стало изменяться. Через три года служения Сперджена в Лондоне некоторые газеты стали писать о нем весьма благосклонно, а кое-кто из видных литераторов и политических деятелей страны довольно часто приходили послушать его проповеди.

Его ревность оказала влияние на общее духовное состояние в городе. Некоторые служители, которым катастрофически не хватало усердия, стали трудиться более прилежно, многие церкви стали проводить евангелизационные мероприятия, а некоторые даже стали подражать Сперджену в проведении собраний в Экзетер Холле. Сам Сперджен называл свою церковь "идущей в авангарде времени".

Оглядываясь назад, невозможно не заметить удивительные перемены в мышлении христиан, которые произошли за последние четыре или пять лет. Пробудилась даже Англиканская церковь! Стали проводиться большие собрания... Я не могу не осознавать, что это Бог удостоил нас стоять впереди этого великого движения. Наш пример распространился дальше, как благословенный огонь, и зажег пламя. Когда я впервые услышал, что англиканские священники намерены проповедовать в Экзетер Холле, моя душа запрыгала от радости. Когда я узнал, что Вестминстерское Аббатство, а за ним и собор Св. Павла открылись для проповеди Евангелия, я был переполнен благодарностью и молился о том, чтобы в этих местах проповедовалась только та истина, которая в Иисусе Христе.

Спустя год после этого он говорил: "Времена отрады от лица Господа озарили, наконец, нашу землю. Везде можно видеть признаки усилившейся деятельности и

возросшего усердия. Дух молитвы стал все чаще посещать наши церкви, и мы уже слышим первый порыв несущегося сильного ветра, а на новых проповедников Евангелия явно спускаются огненные языки".

Он говорил о благословении Божьем на своем служении следующими словами: "Зерно дает плод не в двадцать, и не в тридцать, но в семьдесят пять крат!" В то же время он со своей церковью планировал приобретение более просторного помещения для собраний, и дни, когда они арендовали различные залы, подходили к концу. К началу 1861 года они были готовы перейти в свое новое церковное здание — величественную Метрополитен Табернакл.

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД ЗРЕЛОГО СЛУЖЕНИЯ 1861-1886

Метрополитен Табернакл (Метропольская скиния)

Пусть Бог пошлет на нас Свой огонь — и служитель все больше и больше затеряется в своем Господе. Мы тогда станем меньше говорить о проповеднике и больше — о проповедуемой истине...

Что же случится, если огонь придет на нас и будет больше видно Господа, чем проповедника, — что тогда будет? Я полагаю, что наша церковь увеличится тогда до

двух, трех и даже четырех тысяч... Наш лекционный зал внизу будет переполнен на каждом молитвенном собрании, и мы увидим здесь молодых людей, посвящающих себя на служение Богу; вырастут новые служители, которые будут научены и посланы, чтобы понести священный огонь в другие концы земли... Если Бог благословит нас, Он сделает нас благословением для многих других.

Пусть только Бог пошлет огонь — и обратятся самые отъявленные грешники из окружающих районов. Переменится жизнь тех, кто живет в грязных притонах, пьяницы бросят свои стаканы, ругатели раскаются в своих хулениях, развратники оставят свои похоти:

Сухие кости восстанут и покроются телом, каменные сердца превратятся в плотяные.

Выдержки из первой проповеди Сперджена
в Метрополитен Табернакл 31 марта 1861 г.

Когда Сперджен прожил в Лондоне примерно два года, начали созревать планы о строительстве новой большой церкви.

Несмотря на горячую поддержку служения Сперджена со стороны диаконов и членов церкви, некоторые все же ставили вопрос о целесообразности такой постройки.

Всего лишь тридцать лет назад красноречивый пресвитерианский проповедник Джеймс Ирвинг взбудоражил весь Лондон, и для него построили величественное церковное

здание. Но потом интерес публики к нему быстро пропал, и некоторые боялись, чтобы то же самое не произошло со Спердженом, иначе и его церковь останется с пустым зданием и огромными долгами.

Но подавляющее большинство членов церкви было за осуществление проекта. За пять тысяч фунтов был куплен прекрасный участок возле Ньюингтон Баттс. Это оживленное место располагалось на юг от Темзы, где соединялись три городские магистрали.

Был также разработан план постройки здания на 3 600 сидячих и около 2 000 стоячих мест.

Новую церковь решили назвать "Метрополитен Табернакл". Сперджен большое значение придавал греческому стилю архитектуры постройки. По его мнению, этот стиль наиболее приемлем для евангельских христиан, поскольку Новый Завет был написан на греческом языке.

Все эти подготовительные мероприятия занимали много времени, но Сперджен старался отдавать служению еще больше сил, когда предоставлялась такая возможность.

Помимо прочих дел, он выступал с речью перед самым большим количеством людей, какое было за все его служение. В это время в Индии поднялся мятеж против британского господства, и по этому поводу планировалось провести служение национального смирения. Оно должно было состояться в Хрустальном Дворце, и выступать должен был человек с таким голосом, который был бы слышен в этой гигантской аудитории — таким человеком был Ч.Х. Сперджен.

За день до назначенного срока он пришел во Дворец, чтобы прикинуть, как лучше провести служение. Здание не было рассчитано для собраний, и, чтобы проверить акустику, Сперджен несколько раз громко произнес слова Писания: "Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира". Эти слова услышал рабочий, что-то делавший внутри здания. Через несколько дней этот рабочий пришел к Сперджену и сказал, что услышанные слова коснулись его сердца, и он через них пришел к познанию Господа Иисуса Христа.

На служение пришло 23 654 человека — именно такое число людей было подсчитано при входе в зал. Без сомнения, в то время это было самое большое за всю историю собрание людей, слушающих человеческий голос внутри помещения.

В своей проповеди Сперджен осуждал действия англичан в Индии. Он призывал к национальному покаянию и смирению. В этой проповеди не было ни слова похвалы в адрес правительства. Он порицал то, как Англия относилась к Индии и напоминал, что только праведность возвышает народ. Было собрано пожертвование на помощь раненым во время восстания в сумме 675 фунтов. После этого служения, которое состоялось в среду вечером, Сперджен так выдохся, что проспал без перерыва сутки с половиной. Он проснулся только в пятницу утром.

Главной задачей Сперджена в то время был сбор денег на постройку Табернакл.

По предварительным оценкам, требовалось 13 000 фунтов, и он придерживался принципа, что в деле Господнем никогда нельзя влезать в долги. Расходы на

строительство церковного здания должны быть покрыты до того, как оно вступит в эксплуатацию, поэтому он рассчитывал взять на себя ответственность за обеспечение значительной части требуемой суммы.

Для начала он прочитал по будничным дням серию лекций в Экзетер Холле. Он говорил на общеобразовательные темы, и после каждой лекции проводился денежный сбор. Кроме того, он разъезжал с проповедями по многочисленным приглашениям, насколько позволяла возможность. Если путь был близким, то он ехал на лошади или в повозке, а на длинные дистанции отправлялся на поезде, езда на котором в те времена была весьма утомительным занятием. Оставаясь на ночлег в каком-нибудь доме, он обычно просил тишины и уединения, говоря, что его утомляет толпа, обращающаяся с ним, как со знаменитостью. Рассказывают, что однажды он остановился на ночь в маленькой гостинице и попросил разбудить его в пять утра, чтобы успеть на поезд. В три часа ночи в дверь постучал какой-то молодой человек, и когда Сперджен, наконец, проснулся, тот сказал ему: "Сэр, я только хотел вам напомнить, что вам осталось спать всего два часа!"

Посещая по приглашению различные церкви, Сперджен предлагал, чтобы половина денежного сбора после его проповедей шла на нужды церкви, а половина — на постройку его новой Табернакл. Такое предложение было всегда вполне приемлемым, но иногда он усматривал какие-то особые нужды, — например, брат-крестьянин несколько лет страдает от неурожая или у служителя с большой семьей доход составляет всего 60 фунтов в год — и тогда он оставлял весь сбор на такого рода нужды.

Занимаясь такого рода посещениями, Сперджен провел несколько дней в Ирландии. Поначалу многие сочли его слабее, чем их известный евангелист Грэттен Гиннес, но вскоре забыли подобные человеческие сравнения и были захвачены проповедью Евангелия из уст Сперджена.

Такой напряженный график путешествий и проповедей вскоре оказался для него слишком непосильным. По возвращении из Ирландии он занемог и в течение почти месяца не мог продолжать работу. Это был первый признак того, что его здоровье пошатнулось и всю оставшуюся жизнь его труды часто будут сопровождаться мучительными телесными недугами.

И все же, едва поднявшись на ноги после недуга, он снова стал работать в полную нагрузку. Пополудни 15 августа 1859 года был заложен первый камень в основание Табернакл. Хотя дело было в будничнйй день (четверг), на событие пришло около 3 000 человек. Председательствовал всеми уважаемый баронет-христианин сэр Мортон Пето. Сперджен и его отец выступили с речью. Под камень был положен большой глиняный кувшин с Библией, баптистским исповеданием веры, песенником д-ра Риппона и программой дня. Вечером состоялось еще одно собрание. В этот день было собрано пожертвований более чем на 4 000 фунтов.

Сперджен передавал на строительство Табернакл также и доходы от продажи своих проповедей. Проповеди публиковались каждую неделю и распространялись среди подписчиков в Британии, Канаде, Австралии и Новой Зеландии, а переводы проповедей — в Германии, Голландии, Франции, Италии и Швеции. Кроме того, в конце каждого года печатался сборник, содержащий пятьдесят две проповеди,

который имел такой же спрос в международном масштабе.

Американцам было мало только читать Сперджена — они хотели также и послушать его проповеди. Он получил несколько приглашений посетить Соединенные Штаты. В первом приглашении ему предлагался гонорар в 10 000 фунтов за четыре проповеди в грандиозном и вместительном музыкальном зале в Нью-Йорке. Нам не известно, решил ли Сперджен ехать в Америку, но какая-то лондонская газета сообщила, что решил и отбывает из Англии в апреле, чтобы проповедовать в Рочестере, Бостоне или Филадельфии, а также в Нью-Йорке.

Но эти планы были вскоре нарушены с обеих сторон.

В то время в Англии находился некий молодой человек, сбежавший от рабовладельца в Северной Каролине, который рассказывал о своих мытарствах. Он был хорошим христианином, и Сперджен пригласил его на вечернее богослужение, чтобы он рассказал о своих страданиях и бегстве.

Проблема рабства разделяла американское общество на две враждующие стороны и привела затем к гражданской войне. Сперджен резко осуждал рабство. Многие американцы, как на севере, так и на юге Штатов, требовали, чтобы Сперджен недвусмысленно выразил свою позицию по этому вопросу, и по их просьбе он написал статью для американских газет.

Я ненавижу рабство всеми силами моей души, и хотя я разделяю трапезу за столом Господним с людьми различных вероисповеданий, все же с рабовладельцами я никогда

не стану иметь никакого общения. Поскольку мне часто задают вопросы на эту тему, я счел своим долгом выразить свое глубокое отвращение к этому злу, и для меня принять в церковь человекохищника было бы то же самое, что принять человекоубийцу.

Естественно, такое заявление вызвало шквал протестов, особенно в южных штатах. В некоторых местах сожгли портреты Сперджена, американские издатели прекратили печатать его проповеди, многие газеты призывали читателей уничтожить уже напечатанные и не приобретать его публикации в будущем. Таким образом, доходы от продажи проповедей в Америке резко сократились.

Сперджен понимал, что его заявление вызовет сильную оппозицию, поэтому такая реакция его не удивила. Однако он был настроен против рабства столь решительно, что не мог поступить иначе, так что его финансовые потери были добровольными.

Тем не менее, деньги продолжали поступать из других стран. Поставив своей целью проповедь Евангелия и сбор средств, Сперджен провел несколько дней в Уэльсе, побывал в Бристоле и Бирмингеме, а также съездил в Шотландию, посетив по дороге некоторые места в Англии. Он побывал в Европе, был тепло встречен в Париже, где проповедовал с помощью переводчика, а одним из наиболее впечатляющих событий в его жизни была проповедь в Женеве (Швейцария) за той самой кафедрой, где когда-то проповедовал Кальвин. После всех этих странствий он вернулся домой с новыми запасами средств для строительства новой церкви.

Случилось так, что один из диаконов его церкви, Вильям Хиггс, был в то же время

преуспевающим подрядчиком. Этот человек был хорошим христианином и кроме того — знатоком своего дела, поэтому ему отдали предпочтение при заключении контракта на строительство Табернакл. По мере того, как камень за камнем укладывался в величественную постройку, между Хиггсом и Спердженом крепились самые добрые взаимоотношения.

Стройка длилась около двух лет, и сумма затрат, которая вначале была определена в 13 000 фунтов, достигла в 31 тысячи.

Незадолго перед открытием был устроен большой благотворительный базар, поскольку не все расходы были на тот момент покрыты. Это мероприятие вызвало брожение среди евангельских верующих, и даже до сих пор нет однозначной оценки данному действию. Однако Сперджен был уверен в своей правоте, и вырученные деньги помогли ему рассчитаться со всеми долгами.

Первое воскресное богослужение в Метрополитен Табернакл состоялось 31 марта 1861 года.

Для Сперджена, конечно же, это был настоящий праздник. Ему было только двадцать шесть лет, но под его руководством число слушающих выросло с 80 человек, которым он впервые проповедовал в Лондоне, до 6 000 и больше. Тогда это была церковь на Нью-Парк Стрит, а теперь — такое великолепное сооружение, самая большая неконформистская церковь в мире. Однако его радовали не столько все эти достижения, сколько то, что у церкви будет свой дом, в котором сосредоточится деятельность его людей; дом, где они будут получать Божье наставление и куда будут

приглашать великое число желающих послушать проповедь Евангелия и приобщиться к христианской жизни.

Табернакл была спланирована таким образом, что превосходно содействовала потребностям служения Сперджена. В главном зале, кроме основной площади, был еще балкон в два яруса. Всего здесь было 3 600 сидячих мест. На краях скамей были прикреплены откидные сиденья, которые, в случае необходимости, вмещали еще 1 000 человек. Кроме того, примерно еще 1000 человек могла стоять, так что сообщения о 6000 собравшихся, по всей вероятности, вполне соответствуют действительности.

В задней части зала на уровне первого яруса балкона находились три кабинета, один — посредине — для пастора, а остальные — для диаконов и пресвитеров. Этажом выше, на уровне второго яруса, находилась комната для женщин, а также комнаты для хранения Библий и песенников, которые раздавались на время служения.

В зале не было кафедры в строгом смысле этого слова. Вместо нее на уровне первого яруса выступала в зал специальная платформа с резной отделкой. На платформе, обнесенной перилами, стоял стол и небольшой диван для пастора, а за ними ряд стульев для диаконов. Под этой платформой для проповедника находилась другая платформа, такого же размера, со встроенным баптистерием из мрамора, которая, по замыслу Сперджена, была видна для всех. Баптистерий был накрыт съемным полом, и во время Вечери здесь размещались стол и стулья для совершения хлебопреломления.

Здесь не было ни органа, ни хора. Регент задавал тон с помощью камертона и вел

пение своим собственным голосом. Посетители, желавшие посещать Табернакл регулярно, платили за свое сидячее место на три месяца и впускались по билетам. Остальные ждали снаружи, и за пять минут до начала служения убирались заграждения и толпа устремлялась внутрь, заполняя оставшиеся места.

Желающих занимать постоянные места было более 3000, и их платежи составляли главную часть дохода Табернакл. Во время служения сбор пожертвований не проводился и не было тарелок для сбора. С тех пор, как книги и проповеди Сперджена стали широко распространяться, он не получал жалованье от церкви, однако при входе в здание размещался ящик для пожертвований на нужды колледжа. Возможно, выставлялись ящики и для пожертвований на общие цели дела Божьего.

Сперджен хорошо помнил трагедию в Сари Гарден Мьюзик Холле, и потому сделал все возможное, для того чтобы конструкция Табернакл была очень прочной. Кроме того, на случай экстренной эвакуации можно было выходить из зала быстро и безопасно, так как на каждый ярус можно было входить по отдельным лестницам. Эти лестницы были достаточно широкими и у каждой имелась отдельная выходная дверь.

В цокольном этаже находился большой лекционный зал, просторные классы для воскресной школы и хорошо оборудованная кухня.

Торжественные собрания по случаю открытия Табернакл продолжались в течение двух недель. Первые слова, произнесенные Спердженем в новом здании, ясно показывают его богословские взгляды и его цели вообще.

Я хочу выразить свое намерение, чтобы до тех пор, пока будет стоять эта платформа и дом будет наполняться молящимися, главной темой служения в этом доме была личность Иисуса Христа.

Я не стыжусь открыто заявить, что я — кальвинист, и не колеблясь называю себя баптистом. Но если меня спросят, какой у меня символ веры, то я отвечу: "Иисус Христос!" Иисус — вершина и сущность Евангелия. Он Сам есть полнота богословия, воплощение всех драгоценных истин, олицетворение Пути, Истины и Жизни.

За эти две недели к церкви Сперджена примкнуло несколько других служителей. Один из дней был посвящен объяснению "пяти пунктов кальвинизма", и Сперджен пригласил пять пасторов со стороны для поучения на эту тему, а сам отвечал на возражения против кальвинизма, доказывая, что многие великие мужи Божьи в прошлые века придерживались этого учения и что данные истины Бог употреблял для пробуждения в прошлом.

Церковь начала отсчет нового времени в труде для Господа на новом месте, в Табернакл, и одним из первых признаков успешного труда было крещение большого числа людей и прием их в члены церкви. При входе в баптистерий были встроены две кабины с обеих сторон, в которых находились два диакона, готовые помочь кандидатам, входящим в воду. Другие диаконы помогали входить и выходить из воды, а г-жа Сперджен оказывала такую же помощь женщинам. Сперджен совершал крещение торжественно и величественно, так что вся процедура представляла собой прекрасный образ того, как мы были погребены со Христом крещением в смерть и воскресли с Ним, чтобы ходить в обновленной жизни.

Через месяц после открытия Табернакл 77 душ были крещены и приняты в члены церкви, в следующий за этим месяц было крещено и принято 72 души, а еще через месяц — 121. Если учесть, что Сперджен требовал наличия признаков истинного обращения, — в отличие от часто практикуемых современных методов, — то мы еще больше оценим значение этих цифр. Количество членов церкви по прибытии Сперджена в Лондон насчитывало 313 человек, из которых активными были менее 100 человек. Теперь же в церкви было более 2000 членов, и с открытием нового дома церковь тут же стала расти еще быстрее.

Завершение строительства Табернакл не только обеспечило Сперджену достаточное место для служения, но также было доказательством значительности его работы. Здание на Нью-Парк Стрит явно не соответствовало потребностям служения, а Экзетер Холл и Сари Холл были чужой собственностью. Неимение собственного постоянного места для собраний давало повод предполагать, что служение Сперджена неустойчиво и вскоре заглохнет. Теперь же всем поневоле пришлось признать, что он обосновался прочно и надолго. Уже начавшая затихать оппозиция заглохла еще больше, зато умножились те, кто признавал и даже восхищался его служением.

Сперджен с радостью приступил к своему служению в Табернакл. Это здание станет ареной для его проповеди, центром его жизни и местом проявления многочисленных чудес благодати до тех пор, пока спустя тридцать один год уставший воин и верный слуга не услышит голос, зовущий его в небесный дом.

Подготовка молодых проповедников

В настоящий момент у нас возникла необходимость в создании такого учебного заведения, где эти простые братья получили бы основы образования и были подготовлены для служения проповеди и для выполнения элементарных пасторских обязанностей.

С самого начала нашей главной целью было помочь тем братьям, кто не мог получить образования из-за недостатка средств. Таким братьям предоставлялось не только бесплатное обучение, но также и книги, питание и ночлег, а в некоторых случаях — одежда и деньги на мелкие расходы.

Нашей целью было не просто дать образование ради образования, но помочь братьям стать плодотворными проповедниками — такой была и навсегда останется задача всех тех, кто составляет администрацию колледжа. Я не стану ради поднятия престижа отвергать людей из бедного сословия, а также ревностных молодых христиан, не имевших возможности получить достаточное общее образование. Руководствуясь гордыней, мы бы принимали только людей из "лучших" классов общества, но опыт показывает, что выдающиеся люди могут происходить из всех сословий, и среди них можно найти настоящие алмазы, хотя еще не ограненные.

Сперджен

На первом году жизни в Лондоне Сперджен познакомился с одним молодым человеком, которого звали Томас Медхерст. Медхерст с детства ходил в церковь Джеймса Уэллса, но до сих пор не получил рождения свыше. Как раз незадолго перед этим он пробовал играть на сцене и надеялся зарабатывать себе на жизнь таким образом.

Однако после проповеди Сперджена он обратился и вскоре проявил ревностное желание проповедовать Евангелие. Он стал проповедовать на открытом воздухе в одном из самых запущенных районов Лондона, и вскоре привел к Сперджену двух новообращенных с просьбой крестить их. С большим воодушевлением он выразил уверенность в Божьем призвании на труд и пожелал посвятить свою жизнь проповеди и приобретению душ.

Как и многие другие молодые люди в те дни, Медхерст был малограмотным и некультурным в своем поведении. Но Сперджен был уверен, что он призван Богом, и увидел в нем истинную ревность, а также природный дар красноречия, поэтому считал своим долгом помочь ему. Он устроил его в школу-интернат, которую содержал пастор церкви в Бексли и взял на себя все расходы на его содержание. Раз в неделю Медхерст должен был встречаться со Спердженом в послеобеденное время для уроков по богословию и общих наставлений по пастырской работе.

Об этом тут же узнали другие молодые люди, вдохновленные духовным пылом проповедей Сперджена, и они захотели получить такое же образование. У них было много усердия для Бога, и они проповедовали и в различных миссиях, и в школах для бедноты, и на углах улиц, но им также остро не хватало духовного

образования. Встретившись с этой нуждой, Сперджен понял, что Бог налагает на него серьезную ответственность. Хотя он сам и не думал об этом, но теперь стало вполне очевидно, что он должен основать и содержать школу для подготовки служителей, решившись встретить все трудности и в то же время радости, которые принесет ему эта работа.

Размышляя над этим проектом, он стал искать человека, способного возглавить такое учебное заведение. Этот человек должен был быть здоровым в вере, обладать богословскими знаниями и иметь усердие благовестника, и Сперджен стал молиться, чтобы Бог послал ему такого человека. Когда он так молился, Джордж Роджерс также молился о том, чтобы Бог помог ему начать дело, к которому он призван, а именно — подготовка братьев к служению.

Роджерс был конгрегационалистом и не разделял взглядов Сперджена на вопрос крещения по вере. Но зато во всех остальных вопросах богословия они имели общие взгляды и потому пришли к согласию. Сперджен основал учебное заведение, которое было названо "Пасторский колледж", и назначил Джорджа Роджерса его директором.

Первые годы учебные классы располагались в доме Роджерса, там же было и жилье для восьми студентов. Сперджен лично покрывал все материальные расходы, в основном, за счет продажи своих книг и проповедей. Но вскоре после открытия колледжа этот доход резко сократился из-за снижения продажи в Америке, и хотя Сюзанна Сперджен расходовала деньги очень бережливо, они часто оказывались в затруднительном материальном положении. Однажды дело дошло до того, что Сперджен хотел продать своего коня и повозку, но Роджерс отговорил его от такой идеи,

зная, что он не сможет обойтись без транспорта. Как раз в это время пришло извещение от одного банкира о том, что кто-то пожертвовал на счет колледжа 200 фунтов, а вскоре пришло пожертвование еще на 100 фунтов. Такое чудесное восполнение материальной нужды укрепило веру Сперджена и вселило уверенность в том, что Господь пошлет все необходимое.

Когда количество студентов увеличилось, учебные классы были перенесены в церковное здание на Нью-Парк Стрит, а жилье для студентов было предоставлено членами церкви в своих домах.

Но когда открылась Скиния, колледж был перенесен в лекционный зал и соседние комнаты, расположенные в цокольном этаже, где условия для учебы были намного лучше. Кроме того, диаконы и члены Скинии, понимая, что на пастора легло слишком тяжелое бремя (в тот момент в колледже было шестнадцать студентов и еще несколько человек подали заявление о приеме), решили установить специальный ящик для сбора пожертвований на нужды колледжа.

У Сперджена были свои особые взгляды на цель существования колледжа. На то время в Англии имелось еще три баптистских колледжа, но только в данном колледже учитывались те духовные нужды, которые не учитывались в остальных.

Некоторые студенты, принятые в колледж, выросли в хороших семьях и получили неплохое образование, но большинство пришло из бедных семей, и именно о них Сперджен имел наибольшее попечение. Он желал, чтобы его студенты, во-первых, были истинно рождены свыше; во-вторых, чтобы у них было Божье призвание к

служению; и, в-третьих, чтобы они, на основании первых двух условий, начали проповедовать и зарекомендовали себя в этом деле на протяжении некоторого времени — предпочтительно в течение двух лет. Он все время подчеркивал, что не пытается "сделать из них проповедников", но помогает тем, кто уже трудится, "стать лучшими проповедниками".

Сперджен не ставил перед собой задачу дать молодым людям духовное образование и — ничего больше, как делалось во многих богословских школах. В его колледже знания были лишь средством достижения цели — помочь студенту стать сильным проповедником и усердным ловцом душ. Вся жизнь в колледже была построена так, чтобы эта цель успешно достигалась.

Пасторский колледж имел также ясно выраженное доктринальное направление. Здесь, как сказал Сперджен, "изучается догматика кальвинистского богословия, притом догматика не в негативном смысле этого слова, но как учение на основании Слова Божьего". Колледж на Регентс Парк тоже считался кальвинистским, но Сперджен считал, что там учат доктрины так, что они не пробуждают в студентах евангельское рвение и не придают убедительной силы их проповедям.

Курс обучения в колледже был рассчитан на два года, причем студенты, — за редким исключением тех, кто мог оплачивать расходы, — обеспечивались бесплатными занятиями с преподавателями и питанием, а также одеждой, книгами и даже деньгами на мелкие расходы. В колледже не было экзаменов, не было дипломных работ и не выдавались дипломы. Отсутствие таких общепринятых атрибутов студенческой жизни вызывало много критических замечаний с разных сторон.

Но зато в этом колледже были такие преимущества, каких не было в других. Колледж составлял часть церковной жизни в Скинии, и взаимосвязь с такой большой и активной церковью давала студентам возможность получить богатейший опыт и вдохновляющую силу, как нигде больше.

Кроме того, Сперджен поддерживал личные отношения со всеми своими студентами. Он лично беседовал с теми, кто подавал заявление на прием, и хотя многие не были приняты, все же те, кто стали студентами, ощущали его сердечность и поддержку и сразу же узнавали в нем своего друга. Такого рода отношения поддерживались в течение всего курса обучения, и молодые люди могли свободно обращаться к нему за советом, а при необходимости и получить от него замечание. Сперджен был очень внимателен к нуждам студентов. Например, однажды он заметил, что у одного из студентов одежда совсем износилась. Сперджен остановил его и попросил, чтобы тот сходил куда-то по его поручению. Он дал ему записку и попросил отнести ее по такому-то адресу и подождать ответа. Оказалось, что это был адрес портного, и ответом на записку был новый костюм, который тот сшил для студента. Такая слегка проказливая манера поведения Сперджена была типичной для него, когда он делал что-либо для студентов.

Вскоре после перемещения колледжа в Скинию Сперджен начал давать свои знаменитые лекции по пятницам. Некоторые из них были впоследствии опубликованы и получили широкую известность под названием "Лекции для моих студентов". Он говорил, что атмосфера обучения в его колледже была не формальной и диктаторской, но простой и братской, и особенно ярко это было выражено на занятиях по пятницам. Студенты

как раз заканчивали утомительную неделю занятий, большинство из них готовились проповедовать в воскресенье, и Сперджен преднамеренно смешивал юмор, которым был одарен от природы, с серьезными рассуждениями о служении. Один из студентов говорил об этом так:

В этот день наш Президент был в своей наилучшей форме. Его шаги были твердыми, его глаза блестели, его волосы были темными и густыми, его голос был полон сладкой музыки и благородного веселья. Перед ним была собрана сотня человек из всех частей Объединенного Королевства, а также немало гостей из заморских стран. Их всех привлекало обаяние его имени и личности. Многие студенты были его собственными детьми по вере. Он держался среди своих студентов свободно, как отец в собственной семье. Братья любили его, и он любил их.

Вскоре из его уст начинали вытекать целые потоки мудрых наставлений, лица присутствующих озарялись отблесками его неподражаемого остроумия, а накал его чувств заставлял всех плакать. Время, когда он читал свои "Лекции для моих студентов", было поистине особенной эпохой в жизни студентов.

А как серьезно и мудро учил он нас проповедовать! Как чутко поправлял ошибающихся и поощрял искренне стеснительных! С каким уничтожающим сарказмом высмеивал всякое щегольство и притворство!

Затем следовало столь замечательное подражание специфическим манерам тех или других братьев: один пытается говорить, словно набив рот клецками, другой отчаянно машет рукой вверх и вниз, касаясь то носа, то колена, третий запускает

руки в карманы и становится похожим на трясогузку, а четвертый запускает большие пальцы в проймы пиджака и подражает пингвину... С помощью такой критики он помещал перед нами зеркало, чтобы мы могли видеть свои ошибки. Слушая подобные его речи, мы буквально тряслись от смеха. Лекарством от сухости мы были вполне обеспечены.

А далее следовали его мудрые советы — такие добрые, такие серьезные, такие любезные, такие отеческие; затем совершалась молитва, поднимавшая нас к престолу благодати, где мы видели отблески небесной славы и беседовали с глазу на глаз с Самим Господом.

После этого следовали поручения на служение в воскресный день, и класс шел на чаепитие, после чего следовали личные беседы с теми, кто в этом нуждался. Одни студенты переживали несчастье, другие — радость, и Президент с терпением их выслушивал. Он мог и смеяться, и плакать вместе с ними. И вот, наконец, усталый, но не унывающий, он завершает свою работу. Он поднимается по лестнице в свой кабинет, и мы слышим вдогонку его живой голос, постепенно угасающий в тишине.

Многие из моих читателей знакомы с книгой Сперджена "Лекции для моих студентов", и особенно такими главами, как "Самопроверка служителя", "Призвание к служению", "Проповеди на тему", и "Искусство импровизации". Эти лекции дают нам представление о тех стандартах, которые были поставлены в основу обучения в колледже. В то время Сперджену было всего лишь тридцать четыре года.

Кроме мистера Роджерса, в колледже появились еще три инструктора. Это были Александер Фергюсон, Дэвид Грейси и В.Р. Селвей. Хотя колледж был главным

образом богословским, в нем преподавались такие же предметы, как в большинстве других семинарий. Роджерс включал в список обязательных предметов математику, логику, пасторское богословие и английский язык. Среди естественных наук Сперджен упоминает также астрономию, и некоторые студенты, по его примеру, стали особенно интересоваться небесными телами и законами, которые ими управляют.

Кроме дневных занятий, имелись также вечерние классы и занятия по пасторскому служению для тех, кто не мог приходить на занятия днем.

Однако в колледже имелись и классы по элементарным дисциплинам. Поскольку на то время в Англии еще не было государственной системы образования, дети из бедных семей вырастали малограмотными или совсем неграмотными. Многие молодые люди были безработными, некоторые имели работу, но жили в нищете, работая много часов за ничтожную зарплату. Из-за недостатка образования у них практически не было никаких шансов улучшить свою жизнь. Таким молодым людям, — особенно состоявшим членами Скинии, — Сперджен дал возможность получить начальное образование.

Обучение в вечерней школе, как и в дневной, было бесплатным, каждый вечер в школу приходило около двухсот учеников. Многие молодые люди, особенно отличившиеся в учебе, смогли не только научиться дисциплине мышления и получить знания, но также и расширить свой общий кругозор. Несомненно, многие из них благодаря этому смогли лучше обустроить свою жизнь, так что влияние просветительской работы Сперджена на общественную жизнь было ощутимо во всей южной части Лондона.

Несмотря на то, что в колледже не было экзаменов, большинство студентов было

заинтересовано в том, чтобы получить личную похвалу от Сперджена, и это желание стимулировало их в последующей работе. Обычно выпускники других колледжей начинали свое служение, практически не имея реального опыта проповеди. Но в колледже Сперджена студенты начинали проповедовать еще перед поступлением в колледж, и большинство из них продолжало проповедовать во время учебы почти каждое воскресенье. Поэтому, начиная свое служение, они уже имели значительный проповеднический опыт. Кроме того, у них было духовное рвение и решимость совершать живое, жертвенное служение евангелизации для приобретения душ.

Несколько церквей приглашали к себе студентов Сперджена. Некоторые церкви были довольно большие, некоторые — поменьше, а в некоторых дела шли совсем плохо. Исходя из реальной ситуации, Сперджен лично подбирал людей для лучшего удовлетворения нужд в каждой такой церкви.

Многие студенты шли туда, где вообще не было церквей, и насаждали там новые церкви. Одни шли трудиться в благоустроенные районы, другие — в бедные кварталы. Некоторые шли в трущобы и там свидетельствовали о Господе на углах улиц, ходили от двери к двери, раздавали трактаты. А затем находили подходящее место для собрания, приглашали туда людей, приводили их к Господу, крестили и образовывали новые церкви.

К 1866 году только в Лондоне студенты Сперджена основали восемнадцать новых церквей. Для восьми из них в то время были построены молитвенные дома, а остальные десять только начинали постройку. Кроме того, проповедь Евангелия проводилась еще в семи точках в расчете на то, что там в скором времени будут

организованы новые церкви. Семь старых умирающих церквей были восстановлены, кроме того, выпускники колледжа совершали служение в других восьмидесяти церквях по всей стране, где неизменно проявляли себя с лучшей стороны.

Один студент пришел в церковь, где оставалось всего восемнадцать человек. За несколько последующих лет он крестил около восьмисот новичков. Выпускники колледжа преподавали крещение только тем, у кого были ясные доказательства нового рождения, поскольку студенты Сперджена практиковали его методы приведения душ ко Христу и принятия их в церковь.

Управление колледжем усугубляло и без того тяжелое бремя ответственности, лежавшее на Сперджене. Еженедельные затраты на содержание колледжа достигали 100 фунтов. Деньги поступали из Австралии, Канады и нескольких других стран, а также из разных регионов Британии, дополняя пожертвования от Скинии. И все же были случаи, когда средства почти иссякали. Это приносило Сперджену дополнительные переживания, но он видел руку Божию в чудесном восполнении этих нужд, причем зачастую он даже сам не знал, откуда поступали деньги.

В течение первых месяцев проживания в Лондоне Сперджен стал учить своих членов церкви тому, как надо бороться с Богом в молитве. Именно такая истинная молитвенная жизнь была характерна для церкви Сперджена. Сила молитвы с особенной силой проявлялась во время Новогодней недели молитвы. Один проповедник, посетивший такую неделю молитвы в 1856 году, говорил, что он впервые в жизни видел, как пастор исповедует свои грехи.

Здесь признавались грехи упущения и совершения, небрежность и недостатки. Перед глазами всевидящего Бога возносилась торжественная, простая и искренняя молитва о том, чтобы Его служитель не пожелал бы ничего утаить от Его взора. И когда произносились слова: "Не я ли, Господи? Не я ли?", то у многих вырывалось: "Это я! Это я!.." Любимый всеми пастор Скинии плакал, как дитя, и громко всхлипывал, а стоящие рядом братья не могли удержать свои слезы и вздохи перед Богом.

Затем возносились молитвы за всех членов церкви, и многие признавались, что у них никогда еще не было такого искреннего и глубокого чувства сокрушения, как во время молитвы в этой церкви. Сам Бог присутствовал здесь Духом Святым, и Его дети видели самих себя, видели свои пути во свете Его святости... А затем, когда Сперджен произносил слова: "Ручьем святая кровь течет в омытие грехов", наступало чувство огромного облегчения, покоя и мира.

После этого молились о спасенных. После усердной молитвы о присутствующих на собрании ищущих и беспечных душах многие верующие вместе с такими душами удалялись в комнату на нижнем этаже, где многие ищущие находили мир с Богом через веру в драгоценного Спасителя. Многие из них затем имели личную беседу со Спердженом, который говорил, что на следующий после собрания день он встречался не менее чем с семидесятью пятью людьми.

Этот рассказ, опубликованный в значительно сокращенном виде, дает нам некоторое представление о силе молитвы и нелицемерной вере членов церкви Сперджена. Кроме того, с его помощью мы можем яснее понять секрет его успеха в приведении душ ко Христу.

Молитвенные собрания в церкви Сперджена положили начало не только образованию Пасторского колледжа, но также и изданию ежемесячного журнала, постройке дома для престарелых женщин и сиротского приюта для бедных детей.

Расширение поля деятельности

Можно смело утверждать, что все великие начинания, предпринятые церковью Табернакл, а также вся благотворительная деятельность, осуществляемая Спердженом, были либо напрямую связаны с опубликованием соответствующей статьи в журнале "Суорд энд трауэл", либо получали стабильную поддержку благодаря этому журналу. Так, например, сиротский приют появился на свет благодаря тому, что г-жа Хильярд прочитала статью в этом журнале, а первые взносы на постройку пасторского колледжа и на сиротский приют для девочек были прямым откликом на редакционную статью в "Суорд энд трауэл".

Рассел Конуэлл,

Жизнь Чарльза Г. Сперджена, 1892

В 1865 году Сперджен начал публиковать ежемесячный журнал "Суорд энд трауэл" ("Меч и мастерок"), что знаменовало собой новый исторический шаг в его деятельности. Под заголовком размещалась строка со словами: "Летопись борьбы с грехом и труда для Господа".

В первом же номере Сперджен четко определил цель издания журнала.

Наш журнал предназначен для того, чтобы рассказывать о труде тех церквей и объединений, которые более или менее связаны с делом Господним, совершаемым в церкви Метрополитен Табернакл, а также для защиты взглядов, вероучения и церковных порядков, общепринятых в нашем кругу.

Мы ощущаем потребность в таком информационном органе, который знакомил бы верующих с нашими многочисленными планами труда во славу Божию и служил бы им помощью. Мы имеем так много друзей, что вполне можем издавать свой журнал, и мы убеждены в необходимости такого издания.

Мы не претендуем на отсутствие у нас узких взглядов, если под этим имеется в виду отсутствие ясно определенных принципов и желание угодить всякому вкусу. Мы веруем и потому говорим. Мы говорим с любовью, но не льстим и не приукрашиваем. Мы не навязываем спорных мнений, но и не избегаем их, если того требует Бог.

Мы постараемся обеспечивать читателя интересными материалами по общим вопросам, но наша главная цель — побудить верующих к действиям и предложить их вниманию теми способами, с помощью которых можно будет расширять царство Иисуса. Мы будем трубить в трубу и вести своих товарищей в бой. Мы будем неустанно работать мастерком, чтобы отстроить разрушенные стены Иерусалима, и в то же время — стойко и отважно держать в своих руках Меч, направленный против врагов истины.

Журнал демонстрировал, среди прочего, широту и мощь ума, которым обладал Сперджен. Каждый месяц он публиковал статью с глубоким содержанием на духовную или библейскую тему, часто комментировал положение дел в религиозном мире, публикуя факты и цифры, показывающие рост или упадок в разных деноминациях. В журнале также печатались новости о деле Господнем в своей стране и за рубежом, репортажи из миссионерской жизни. В каждом номере содержались рецензии на духовные книги, причем почти все эти рецензии были написаны самим Спердженом. Время от времени в журнале появлялись поэтические странички, составленные Спердженом, или жизнеописания выдающихся христиан прошлых веков, например, отцов Церкви, реформаторов или кого-нибудь из пуритан.

Журнал намного увеличил загруженность Сперджена работой. Он и без того печатал проповедь каждую неделю. В 1865 году он издал "Утро за утром", а немного позже — песенник. В это же время он начал писать свое самое крупное литературное произведение — "Сокровища Давида", семь томов которого были выпущены в течение последующих двадцати лет.

Тем временем церковь Табернакл стала многофункциональной организацией, многие виды деятельности которой требовали управления и заботы со стороны Сперджена.

В пасторском колледже на 1865 год было 93 студента, кроме того, в вечерней школе училось еще примерно 230 человек. Воскресную школу, где было 75 преподавателей, посещало около 900 детей, плюс к этому, по отчету Сперджена, имелись и другие воскресные школы и школы для бедноты в других районах города, которые поддерживались и управлялись с помощью Табернакл. Из того же источника известно,

что студенты вечерних классов принимали активное участие в работе Ассоциации евангелистов, которая имела свои многочисленные точки для проповеди в заброшенных районах города. Далее в отчете говорится следующее:

Церковь Табернакл поддерживает работу различных библейских классов. Один из них открыт по понедельникам после молитвенного собрания. Преподавателями библейских классов являются мистер Стифф, мистер Ханкс и мистер Джон Олни. Все классы работают продуктивно и имеют хорошую посещаемость. Класс для женщин, который ведет миссис Бартлетт, самый многочисленный и самый результативный: здесь около 700 человек, 63 из которых присоединились к церкви в течение прошедшего года.

При церкви Табернакл имеется также склад Библейского общества, где можно купить Библии по доступной цене. Обширную работу ведет также Общество по распространению трактатов. Ежемесячно проводит свои собрания Еврейское (христианское) общество. Работают в полную нагрузку также Общество многодетных матерей, Миссионерское общество и Ассоциация воскресных школ. Впоследствии было организована Ассоциация служителей братства. Церковь также содержала двух миссионеров внутригородской миссии и еще двух миссионеров в Германии, кроме того, значительная помощь была оказана Зарубежному миссионерскому обществу.

Сперджен очень хорошо разбирался в людях и знал, какую работу кому поручить. Работа шла без конфликтов, и дух мирного сотрудничества поддерживался не только из-за того, что Сперджен давал распоряжения, но и благодаря желанию самих людей участвовать в труде для Господа. Тем не менее одновременная работа все большего числа разных организаций, в конечном счете, ложилась тяжким бременем именно на

Сперджена, и он почувствовал, что это время становится для него все более непосильным.

Название журнала "Сурд энд трауэл" ("Меч и мастерок") вполне соответствовало духу служения Сперджена. Он действительно все время вел битву со грехом и совершал труд для Господа, боролся с неверными понятиями и действиями и предпринимал великие шаги для созидания дела Божьего.

В 1864 году он был вовлечен в один из главных конфликтов, встретившихся в его жизни, — спор о возрождении через крещение. В начале 1830-х годов в Оксфорде зародилось Трактарианское движение (движение за возврат к католичеству), лидером которого был Джон Генри Ньюмен, впоследствии ставший кардиналом католической церкви. В основе этого движения была идея, что, поскольку англиканские священники переняли свою преемственность от католиков, то они являются, в сущности, частью католической церкви и должны в нее вернуться. Взяв на вооружение эту идею, Ньюмен с несколькими другими англиканскими священниками присоединил к католической церкви множество людей. В свою очередь, это породило внутри англиканской церкви тягу к принятию католических обрядов и верований, и не исключалась возможность присоединения к Риму всей англиканской церкви.

Однако в англиканской церкви было много евангельски настроенных священников, которые всеми силами сопротивлялись католизации. Сперджен относился к таким священникам с большим уважением, особенно к их лидеру, епископу Дж. Райлу. Однако он считал, что эти люди действуют вопреки Евангелию в вопросе крещения младенцев, поскольку они верили, что через этот обряд происходит возрождение. По

мнению Сперджена, такая практика порождалась учением о "спасении через дела", а это было прямым противоречием "оправданию по вере" и словам Спасителя о том, что "должно вам родиться свыше".

В 1864 году Сперджен решил высказаться по данному вопросу открыто. Он проинформировал об этом своих издателей и предупредил их, что такой шаг повлечет резкое сокращение продажи его книг и проповедей, но он не намерен из-за этого прекращать проповедь против учения, вводящего в заблуждение миллионы людей.

Итак, Сперджен произнес проповедь на тему "Возрождение через крещение". Он проповедовал с убедительной силой и, ссылаясь на то, что в англиканском молитвеннике говорится о возрождении младенцев через окропление, опровергал это учение. Его слова были направлены, прежде всего, против евангельских священников. Он обвинял их в противоречивости учения о том, что младенцы получают возрождение через крещение, а потом, когда они вырастают, им говорят, что они невозрожденные, и призывают к покаянию. О том, с каким жаром говорил Сперджен, можно судить по следующим его словам: "Нам снова нужен Джон Нокс. Не говорите мне о тихих и кротких мужах с мягкими манерами и деликатными словами. Нам нужен пламенный Джон Нокс, и неважно, что он своим неистовством разнес бы на куски наши кафедры — лишь бы наши сердца пробудились к действию".

Слух об этой проповеди облетел всю Британию. Но продажа его проповедей от этого не уменьшилась, а наоборот увеличилась. Было продано 180 000 экземпляров данной проповеди, а вскоре эта цифра выросла до 350 000. Последовали многочисленные отклики: большинство — против, но некоторые — за. Сперджен ответил некоторым

своим оппозиционерам и продолжил свою борьбу в последующих трех проповедях, призывая истинных верующих сделать самоотверженный шаг и "выйти к Нему за стан, нося Его поругание".

В результате таких действий Сперджен потерял многих своих друзей. Лорд Шефтсбери, оказывавший ему поддержку в благотворительных делах, заявил: "Ты слишком дерзок, мой друг!" Несколько англиканских священников, которые собирали деньги для постройки Табернакл, сочли, что Сперджен их предал. Многие из них были членами Евангелического Альянса, где Сперджен был заметной фигурой. Сперджен счел невозможным сотрудничество с ними в Альянсе и заявил о своем выходе. Волна сильного негодования поднялась против Сперджена, однако практически все, кто был против него, признавали, что он говорил исключительно в силу своих убеждений, не имея никакой злобы, и потому, как выяснилось впоследствии, все они продолжали его глубоко уважать.

Хотя Сперджену и приходилось держать в руках меч, он намного более усердно пользовался мастерком. Все виды организованной работы продолжали преуспевать, и к ним прибавилось еще одно начинание.

Это было служение книгонош. Еще во времена Реформации книгоноши ходили по городам и селам раздавая трактаты и продавая Библии, а незадолго до Сперджена подобное служение было организовано в Шотландии. Сперджен знал об этом труде и видел его результаты, а потому, несмотря на перегруженность работой, решил организовать такое же служение и в Англии.

Как только Сперджен объявил о своем намерении вслух, один человек предложил довольно большую стартовую сумму денег для закупки Библий, книг и трактатов. После этого Сперджен составил Устав Общества книгонош и назначил Комитет для контроля над его работой.

Нашлись и братья, пожелавшие трудиться книгоношами. Сперджен решил установить для них жалованье в размере 40 фунтов в год на человека, а еще по 40 фунтов они должны были заработать от продажи Библий и книг.

Общество книгонош вначале состояло всего из двух человек. Но потом количество сотрудников стало расти, и через три года их было уже пятнадцать. Каждый книгоноша был прикреплен к своей территории. Некоторым достались бедные кварталы и даже трущобы в Лондоне и других городах, но большинство трудилось в сельской местности. Их задача заключалась в том, чтобы донести Библейскую весть в те части Англии, где еще никто не проповедовал.

Но книгоноши не просто продавали Библии и книги — их работа была гораздо обширнее. Они беседовали с людьми о состоянии их душ, молились с больными, оставляли трактаты в каждой избе. Они часто проводили молитвенные собрания, служение под открытым небом и чтение Библии. Они искали подходящее место для собраний и проповедовали, организовывали кружки трезвости и вообще приносили пользу в деле духовного и нравственного просвещения. Книгоноша, фактически, был и миссионером, и проповедником, и к тому же пастором в подлинном смысле этого слова. В этом труде участвовали действительно благородные люди.

Несмотря на существенную помощь Комитета, работа книгонош не обходилась без трудностей. Были времена, когда количество книгонош возрастало почти до сотни человек, и в церковной кассе не хватало денег для оплаты положенных 40 фунтов для каждого. В таких случаях приходилось выбирать, кого и куда посылать на труд, а кому объявить, что он непригоден для работы в качестве книгоноши. Такого рода решения принимал Сперджен. Много средств он выделял на эту работу из собственного кармана и усердно молился о ее успехе. Однажды в момент депрессии он заявил: "Общество книгонош — слишком большая нагрузка для меня, и я хотел бы, чтобы кто-нибудь забрал ее из моих рук!" Но когда кто-нибудь предлагал свои услуги, он не соглашался и продолжал нести это бремя сам.

И все-таки это дело, как и все другие начинания, доставляло ему много радости.

Он установил ежегодное собрание Общества книгонош, на которое в Лондон съезжались все работники, и после обильного обеда в Табернакл рассказывали о своем труде. Как правило, братья изъяснялись на диалекте той местности, где они трудились, что придавало собранию особый колорит, и Сперджен особенно радовался, когда они рассказывали случаи обращения через чтение его проповедей или других печатных трудов.

Ниже приводится рассказ одного из книгонош. Он описывает, как одна падшая женщина осознала свою греховность перед Богом и пришла в состояние отчаяния. Вот как описывает этот случай книгоноша:

Я обратил ее внимание на многие евангельские обетования и приглашения, предложил ей проповедь Сперджена "Доброта Иисуса" и помолился Господу о спасении ее души.

Нет слов, чтобы описать мою встречу с ней на следующий день. Держа в руках проповедь, с сияющим от счастья лицом она прочитала следующие слова: "Сердца покоряются Иисусу через безмолвное обличение, которое с непреодолимой силой внушает совести чувство вины, а также через проявление любви Искупителя, ставшего великой заместительной жертвой ради нас, чтобы наши грехи были прощены..."

Затем, продолжая держать в руках проповедь, она сказала мне: "Да будет благословен Господь вовеки — я нашла Его, а точнее, Он нашел меня! Я получила спасение, прощение, принятие в число Его детей и благословение ради имени Иисуса! Теперь-то я понимаю, что имел в виду поэт, написавший слова:

Я пришел к Тебе, мой Бог,
Я был наг, и Ты одел,
Я был беден — Ты в удел
Дал мне дивный Твой чертог.

Да, да, Иисус умер за меня, теперь я живу благодаря Ему!"

Однажды во время ежегодного собрания Сперджен попросил одного из книгонош выйти вперед со своим мешком на плечах и показать, как он распространяет книги. Тот вышел на платформу, быстро разложил книги на столе, взял одну из них и тут же

начал ее рекламировать, говоря: "Я держу в руках книгу, которую очень рекомендую вам приобрести. Я могу сказать о ней много хороших слов, поскольку сам читал ее и извлек для себя много пользы. Ее автор — мой близкий друг, он всегда рад слышать, что книгоноши распространяют его книги, потому что он уверен в том, что в этих книгах все наполнено Евангелием. Название книги — "Труба зовет христиан к действиям", автор — Ч.Х. Сперджен, цена — 3 шиллинга 6 пенсов. Не желаете ли вы приобрести эту книгу?"

Зал покатывался от смеха. Сперджен искренне смеялся вместе со всеми, а затем достал из кармана деньги и купил эту книгу.

Невозможно оценить важность служения книгонош. В те дни начинала широко распространяться литература аморального и атеистического содержания, открывались новые магазины, которые продавали только такого рода литературу. Она просачивалась даже в отдаленные сельские районы, где голос христиан часто звучал очень слабо. Книгоноши противостояли этому грязному влиянию. Они разносили по домам Слово Божье и книги, содержащие библейское учение, и во многих случаях читатели были приобретаемы для Христа.

В 1878 году — это один из немногих случаев, когда имеются конкретные данные об этой работе — число книгонош достигло 94 человек, и они нанесли 926 290 визитов. А в последующие годы их работа расширилась еще больше.

В январе 1866 года Сперджен опубликовал в журнале "Суорд энд трауэл" обращение ко всем своим читателям, в котором предлагалась неделя молитвы.

Воскресенье. Пастор будет проповедовать на тему, непосредственно направленную к тому, чтобы силой благодати Божьей пробудить спящих — как верующих, так и грешников.

Понедельник. Служители церкви собираются в 5 часов, чтобы искать благословения для своих душ и таким образом быть готовыми получить грядущий дождь благословений, в котором они уверены.

В 7 часов состоится молитвенное собрание. Начало года будет многообещающим, если мы наполним наш дом нашим личным присутствием. Поскольку, по всей вероятности, нас пожелают посетить многие друзья, мы заготовим для них входные билеты.

Вторник. Дიაконы и пресвитеры приглашают необращенных для личной беседы в 7 часов. Независимо от того, думаете ли вы о своей душе или нет, мы убедительно просим вас прийти и выслушать то, о чем мы вам расскажем для вашего же блага.

Среда. Пастор и служители приглашают молодых людей, посещающих церковь, на чай в 5 часов. После чая они услышат любящий призыв взглянуть на Господа Иисуса и получить спасение. Это собрание предназначено не для молодых членов церкви, но для неспасенных.

Воскресенье. Посланники совета служителей церкви желают посетить после обеда класс, который ведет г-жа Бартлетт, а также классы г-на Дрансфильда и г-на Крокера. Господь обильно благословил их труд любви.

Понедельник. Церковь соберется для благодарения, преломления хлеба и молитвы в главном зале Табернакл в 7 часов. Все посетители, о которых мы имеем особую заботу, приглашаются занять места на балконах. Мы, как Церковь, желаем, чтобы наша неотступная совместная молитва достигла неба.

Вторник. Дიაконы и пресвитеры вторично приглашают необращенных, чтобы еще раз возвеличить перед ними Господа Иисуса Христа. Собрание начнется в 7 часов.

Среда. Пастор и служители встречаются с учителями и студентами колледжа на чаепитие. Просим усиленно молиться о том, чтобы наш визит принес пользу всем, кто совершает столь важный труд в Колледже.

Понедельник. Молитвенное собрание в 7 часов. Молитва о необращенных. Краткое наставление от пастора, диаконов и пресвитеров.

Вторник. Чай в 5.30 для разносчиков трактатов, евангелистов, миссионеров, преподавателей Библейских классов для женщин и других работников.

Среда. Молитвенные собрания в домах членов церкви, которые приглашают желающих в 7 часов. Мы от всего сердца желаем обильных благословений на эти домашние собрания.

Данный цикл мероприятий завершится в следующий понедельник, когда состоится собрание для благодарения за милости, которые мы сейчас только ожидаем, но к

тому времени получим на самом деле. О, Господь, пошли обилие благословений!

Эти отчеты о проведении недели молитвы дают наглядное представление о том, как в Табернакл осуществлялась работа по спасению душ. И эта работа была весьма плодотворна, причем она выполнялась не только во время проведения особых мероприятий, но постоянно. Дух Святой производил глубокое обличение во грехе и затем — преображающее жизнь обращение. Каждую неделю перед церковью представало немало людей, чтобы засвидетельствовать о том, как они испытали на себе Божью благодать, и с просьбой о крещении и принятии в члены церкви.

Не только церковь Табернакл, но также и другие церкви вырастали благодаря служению Сперджена.

Мы уже говорили о работе студентов колледжа, которые насаждали новые церкви. Сперджен был живо заинтересован в этой работе, помогал студентам личным участием, собирал для них деньги в Табернакл и посылал им в помощь членов своей церкви. Согласно отчету за 1867 год, были построены молитвенные дома в следующих местах: Эллинг, Лайеншель, Ред Хилл, Саутхемптон, Уинслоу и Бермоундси, причем в этих и некоторых других местах Сперджена приглашали заложить первый камень.

Его так часто приглашали выполнять эту почетную работу, что один из его друзей подарил ему посеребренный мастерок, а другой — отменный деревянный молоток. Он научился владеть ими так искусно, что люди даже стали подмечать его мастерские навыки.

Итак, Сперджен непрерывно пользовался мастерком как в образном смысле слова, созидавая дело Господне с помощью речи и пера, так и буквально, начиная постройку новых молитвенных домов.

Прошло не так уж много времени, и здание Табернакл потребовало ремонта. Оно освещалось внутри газовыми лампами, а эти лампы давали копоть, садившуюся на стены и потолок. Кроме того, здание очень интенсивно использовалось, поскольку оно было открыто каждый день с 7 утра до 11 вечера, и после шести лет эксплуатации заметно обветшало и изнашивалось. Сперджен старался поддерживать в наилучшей форме все, что было необходимо для дела Господнего, и поэтому в 1867 году началась реставрация церковного здания.

Ремонт Табернакл длился почти месяц. В это время служение проводилось в огромном строении, — это был Агрикалчурал Холл (Сельскохозяйственный зал). Это строение было предназначено не для собраний, а для выставки сельскохозяйственной продукции, и поэтому акустические свойства зала не способствовали произнесению в нем речей. Несколько человек пробовали приспособить зал для собраний, но оказалось, что их не было слышно уже за несколько метров от платформы. Однако Сперджен решил использовать этот зал, и для этого установил кресла для 15 000 человек. Кроме того, были и стоячие места примерно еще на две или три тысячи.

Зал находился в северной части Лондона, в нескольких милях от Табернакл, поэтому многие члены церкви Сперджена не могли посещать это место. Многие считали, что на этот раз Сперджен затеял дело, которое будет ему не по силам.

Однако эти опасения не оправдались. На каждом богослужении присутствовало примерно 20 000 человек, и при этом никто не жаловался на то, что не слышал голоса проповедующего. Кроме того, сюда приходили послушать Евангелие многие из тех, кто не мог посещать Табернакл. В последующие годы Д.Л. Муди, следуя примеру Сперджена, решил использовать этот зал для евангелизации.

Кроме обязанностей в церкви Табернакл, где было более 3 500 членов и много различных организаций, Сперджен неизменно получал приглашения проповедовать в других церквях. Почти каждый день, за исключением воскресенья, он отправлялся в какую-то церковь в Лондоне. Путешествовал он и на континент. В 1865 году он посетил Италию, где завязал дружбу с братьями баптистами, в 1866 году поехал в Шотландию и выступил с речью перед Генеральной Ассамблеей шотландских церквей, в 1867 году побывал в Германии, где проповедовал с переводчиком и собирал деньги на покрытие долга за недавно построенный молитвенный дом в Гамбурге. Здесь его очень заинтересовал пастор Онкен. Сперджен отзывался о нем, как о человеке, который умеет молиться с необычайным жаром.

В эти годы Сперджену сопутствовал неизменный успех во всем, что он ни делал. Церковь Табернакл была всегда переполненной, часто бывали покаяния и крещения. Колледж работал на полную мощность, печатные проповеди распространялись в нескольких странах за рубежом, подписка на "Суорд энд трауэл" постоянно росла, книгонош с каждым годом становилось все больше. Ни в каком деле не было ни срыва, ни даже временного упадка.

Однако у самого Сперджена дела складывались отнюдь не лучшим образом. До этого

времени он еще сохранял юношеское здоровье и энергию, так что мог заниматься разными делами почти без ограничения. Но теперь его физические силы начали угасать. В октябре 1867 года, когда ему было 37 лет, он оказался на время прикован к постели из-за перенапряжения в работе, которое привело к нервному истощению. После выздоровления он снова погрузился с головой в работу, но здесь обнаружилось, что он начал страдать от боли в ступнях и ногах. В свое время его дедушка сильно болел ревматической подагрой, и теперь Чарльз понял, что ему передался тот же недуг. Эта болезнь сопровождала его до самой смерти, иногда причиняя невыносимую боль.

Дома милосердия и приюты

В одном только Лондоне скитаются в нищете сто тысяч детей, которым суждено попасть в тюрьму или встретить преждевременную смерть. Это дети трущоб, которым нечего есть, негде спать, не во что одеться.

Мистер Джеймс Гринвуд нашел семью из шести человек, живущую в одной маленькой комнате, трое из которых — дети в возрасте от трех до шести лет, — были совершенно нагими. Они были отвратительно грязными, и каждое ребро выделялось на их маленьких телах коричневого от грязи цвета. Как только его голова показалась в двери, они бросились врассыпную к своей "кровати", — это было сооружение из зловонных шерстяных оческов и старых мешков для картофеля.

Бездомные дети собираются вокруг кучи отходов возле рынка на Ковент Гарден и с жадностью уток или свиней пожирают выброшенные сливы, апельсины и яблоки, представляющие собой гниющую массу.

Из обзора Сперджена

"Семь проклятий Лондона".

Доктор Джон Риппон, бывший пастор церкви на Нью-Парк Стрит, решил оказывать помощь нескольким бедным вдовам. Он построил здание и назвал его домом милосердия, где вдовы жили без оплаты за жилье, и он выделял им еженедельно определенную денежную сумму.

Когда Сперджен прибыл в Лондон, эта работа успешно выполнялась, и он был рад ее продолжить. Однако после постройки Табернакл возникла необходимость переместить этих престарелых вдов ближе к церкви и в более благоустроенное помещение.

Поэтому он начал строительство нового Дома милосердия.

Новая постройка состояла из семнадцати маленьких домов, объединенных по обычаю тех времен в террасу. Престарелые вдовы, проживающие там, обеспечивались не только жильем, но также пищей, одеждой и другими предметами первой необходимости.

К этой постройке прибавилась еще одна. Сперджен был всегда озабочен тем, чтобы

дать возможность получить образование детям, у которых не было средств платить за него, и поэтому он построил рядом с Домом милосердия школу. Здесь могло учиться около 400 учеников. По другую сторону от Дома милосердия располагался дом директора.

Дом милосердия требовал значительных расходов на содержание. Сперджен надеялся, что у него будет постоянный приток средств на покрытие этих расходов, но такие надежды не оправдались, и в течение нескольких лет ему приходилось оплачивать отопление, освещение и другие расходы из собственного кармана. Позже он получил большую сумму денег от своей церкви в честь 25-летнего юбилея своего служения в ней и, несмотря на то, что его уговаривали потратить все эти деньги на себя, он израсходовал их на благотворительные дела, причем половина ушла на содержание Дома милосердия.

Во время постройки Дома милосердия Сперджен начал строить еще одно учреждение, намного большее по размерам. Это был сиротский приют.

Очень интересна история возникновения этого приюта. На молитвенном собрании летом 1866 года Сперджен заявил: "Дорогие друзья, у нас большая церковь, и мы должны еще больше сделать для Господа в этом большом городе. Давайте в этот вечер попросим, чтобы Он послал нам какую-нибудь новую работу, и если на нее понадобятся деньги, давайте помолимся, чтобы были и деньги".

Через несколько дней Сперджен получил письмо от миссис Хильярд, в котором говорилось, что она желает пожертвовать 20 000 фунтов на обучение

мальчиков-сирот.

С точки зрения здравого смысла такая сумма пожертвования была неправдоподобной.

Миссис Хильярд, вдова одного англиканского священника, спросила у своего знакомого (который, кстати, не слишком уважал Сперджена), чтобы он назвал ей абсолютно надежного и в то же время известного человека, которому можно было бы доверить деньги для сирот, и тот не задумываясь ответил: "Сперджен!" Она ни разу не встречалась с прославленным проповедником, но, по совету своего знакомого, тут же написала ему письмо.

После обмена письмами, Сперджен по просьбе миссис Хильярд поехал посетить ее, взяв с собой диакона Вильяма Хиггса. Подъезжая к месту, они подумали, что среди жителей этого заурядного района вряд ли найдется кто-нибудь с такой огромной суммой денег. Поэтому, встретившись с миссис Хильярд, Сперджен сказал:

— Мы пришли к Вам поговорить по поводу тех двухсот фунтов, о которых Вы нам написали.

— Каких двухсот, — ответила она, — я же написала о двадцати тысячах!

— Да, конечно, Вы написали "двадцать тысяч", — сказал Сперджен, — но я подумал, что, может быть, пара нолей была добавлена по ошибке, и потому решил перестраховать себя.

Сперджен попытался отказаться от этих денег. Сначала он спросил, нет ли у нее

близких родственников, которым следовало бы разделить эту сумму, но она уверила его, что никто из родственников не остался обиженным. Тогда Сперджен предложил отдать деньги Георгу Мюллеру и рассказал ей о великой работе, которую тот делал в Бристоле для сирот. Но миссис Хильярд осталась твердой в своем решении отдать деньги Сперджену для присмотра за мальчиками-сиротами, выразив уверенность, что многие другие христиане обязательно пожелают присоединиться к этому начинанию.

Уезжая от миссис Хильярд, Сперджен и Вильям Хиггс вспоминали о том молитвенном собрании, на котором они просили, чтобы Бог послал для их церкви новую работу и деньги на эту работу. И вот, в ответ на их молитву, Он послал то и другое.

В течение месяца Сперджен купил для постройки участок земли площадью в два с половиной акра (примерно один гектар). Участок располагался в Стокуэлле, что неподалеку от Табернакл. После этого сразу же стали поступать дополнительно деньги на этот проект. Позже Сперджен вспоминал об этом перед своей церковью:

Однажды в понедельник мы были собраны для молитвы о сиротском приюте, и весьма примечательно то, что на той же неделе, в субботу, Господь побудил сердца некоторых друзей, которые ничего не знали о наших молитвах, пожертвовать пятьсот фунтов на постройку. Некоторые из вас были удивлены тем, что в следующий понедельник Бог побудил еще одного человека пожертвовать шестьсот фунтов! Когда я рассказал вам об этом на очередном молитвенном собрании, вы, наверное, и не думали, что Господь приготовил для нас новые запасы, и в следующий четверг один брат принес еще пятьсот фунтов.

Далее Сперджен сравнил метод доверия Господу и надежды на Его снабжение с обычным планированием работы, принятой в христианских кругах. Если бы они следовали этому обычаю, то надо было бы сначала учесть сумму прихода от пожертвований, заручиться поддержкой спонсоров, разослать сборщиков и оплачивать свою долю расходов, — а это значит полагаться не на Бога, но на своих спонсоров.

Сперджен рассказывал, как однажды он с доктором Бруком, пастором баптистской церкви в Блумсбери, посетил своего друга. Сперджен выразил уверенность, что Бог пошлет все необходимое для приюта. Доктор Брук охотно согласился, и во время их беседы пришла телеграмма с сообщением, что некий пожертвователь, пожелавший остаться неизвестным, только что выслал Сперджену 1 000 фунтов на строительство приюта. Полный радости и удивления, доктор Брук начал молиться, о чем Сперджен позже вспоминал так: "Я никогда не забуду ту молитву и славословие, которые изливались из его уст. Казалось, он был псалмопевцем с сердцем, переполненным сознанием величия Божьего, изливавшимся в словах и звуках его молитвы Тому, Кто всегда верен..."

Приют строился по плану, который был разработан самим Спердженом. Он не должен был быть похож на обычное учреждение для обездоленных, где дети проживали в помещениях барачного типа, одевались в одинаковую одежду и чувствовали себя предметом сострадания. Этот приют должен был состоять из нескольких отдельных зданий, выстроенных в виде блока, причем в каждом из них должно проживать по четырнадцать ребят под присмотром матроны, заменявшей для них мать. Здесь должны были сочетаться дисциплина, образование и христианское воспитание, а также доброта, развлечения и уважение к личности.

Каждое отдельное здание было сооружено на средства, пожертвованные тем или другим спонсором. Одно из них, под названием "Дом Серебряной свадьбы" было построено на средства, пожертвованные женщиной, которой муж подарил 500 фунтов на двадцатипятилетний юбилей их свадьбы. Другое, построенное на средства бизнесмена, называлось "Торговый дом". Вильям Хиггс и его сотрудники пожертвовали на здание под названием "Дом рабочих". "Юнити Хаус" был построен на средства Вильяма Олни и его сыновей в честь ушедшей недавно в вечность Юнити Олни. Несколько зданий под названием "Дома Братского приветствия" были построены на средства от баптистских церквей со всей Британии, и, наконец, сотрудники Пасторского колледжа построили здание под названием "Дом Колледжа".

Здесь были также дом директора, столовая и большой спортивный зал. В скором времени была построена и частная больница, которую называли "Лазарет". Здания строились прочно, как и все, что строилось под руководством Сперджена. Кроме того, нельзя без удивления вспомнить и то, что был предусмотрен также плавательный бассейн, так что Сперджен не без удовольствия мог сказать, что все ребята научились плавать.

В директорском кабинете Сперджен соорудил памятное изображение, где было нарисовано, как он и Вильям Хиггс посетили миссис Хильярд. Это было сделано в честь женщины, чье желание оказать помощь бедным сиротам привело к образованию столь прекрасного приюта.

Директор приюта был тоже послан в ответ на молитву. В течение нескольких месяцев

никак не могли найти подходящего человека. Наконец, внимание Сперджена привлек Вернон Чарльзворт, второй пастор одной из конгрегациональных церквей. Хотя он, как и директор колледжа Роджерс, не был баптистом, Сперджен все же доверил ему эту работу. Чарльзворт оказался идеальным человеком для такого дела. Под его руководством в приюте поддерживался дух доброты в сочетании с большой работоспособностью и дисциплиной. Спустя несколько лет он пришел к твердому убеждению в необходимости крещения, и Сперджен с великим удовольствием мог видеть его послушание Господу. Качества его характера оказывали влияние на жизнь мальчиков и девочек, находившихся под его опекой, а также поощряли многих друзей приюта молиться и продолжать жертвовать для сирот.

Спустя десять лет после постройки приюта для мальчиков, точно такие же строения были сооружены и для девочек. Оба блока, вместе с лазаретом, образовали большой четырехугольный двор, пространство между ними, покрытое травой, представляло собой поле для игр. Это поле и строения были окаймлены живой изгородью из цветов и кустарника. Можно представить, какую разницу ощущали дети, жившие до этого в жалких трущобах и теперь оказавшиеся здесь, где они имели пищу, тепло и ощущали ласку и заботу. Это был поистине христианский дом, окруженный садом!

Всякий раз, когда Сперджен посещал приют, дети собирались вокруг него толпой. Он знал практически всех по имени, и всегда имел для каждого по пенни в своем кармане, — в те дни такая мелкая монета имела ценность.

Особенно он старался посещать детей, находившихся в лазарете, чтобы вместе помолиться и явить им особую заботу, какая только была в его силах.

Сюда прибывали дети из разных деноминаций. Здесь были черные и белые, евреи и язычники, англикане, пресвитериане, конгрегационалисты, католики, квакеры и баптисты. Бывали случаи, когда мальчики обращались и просили крестить их, а некоторые из них, становясь взрослыми, чувствовали Божье призвание, поступали учиться в Пасторский колледж и посвящали свою жизнь служению Богу.

Приют был явным свидетельством того, что вера Сперджена была не просто теорией, но производила добрые дела. Данное учреждение получило широкое общественное признание и поддержку, многие молились о его успехе и вносили щедрые пожертвования.

Дом милосердия и приют были, конечно же, плодом христианской веры, подчеркивая отсутствие подобных учреждений в Англии среди неверующих. В то время имелись и Общество свободомыслия, и Ассоциация агностиков, но эти организации ничего не сделали для помощи бедным и страждущим. Они старались опровергнуть христианство, но для них было неведомо самопожертвование ради нуждающихся. Подобно левиту в известной притче, они проходили мимо них.

Евангельские же христиане были известны тем, что строили дома для престарелых и приюты для сирот. Профессор Франке построил большой приют в Германии, Джордж Уитфилд посвятил значительную часть своей жизни на постройку таких учреждений в американской колонии Джорджии. Георг Мюллер возглавлял приют, ставший домом для более двух тысяч беспризорных в Англии. Доктор Бернардо оставил свою работу врача и посвятил себя служению бездомным детям. Многие менее известные христиане

также занимались подобным служением.

Однажды в разговоре с агностиком, который пытался критиковать христианскую веру, Сперджен подчеркнул, что атеистические организации оказались не в состоянии осуществить какую-либо конкретную программу по оказанию помощи тысячам окружающих их людей, находящихся в нужде. И наоборот, он привел в пример работу такого рода, которая очень активно осуществлялась христианами. Он закончил этот разговор перефразированными словами пророка Илии: "Тот Бог, Который даст ответ посредством приютов, есть Бог!"

Свет и тени

В былые годы люди говорили мне: "Ты загубишь свое здоровье, если будешь проповедовать по десять раз на неделю!", — и прочее в этом роде.

Что же, я согласен, и буду этому рад. Да будь у меня и пятьдесят жизней, я буду рад растратить их для служения Господу Иисусу Христу.

Юноши, вы сильны, поэтому побеждайте лукавого и сражайтесь за Господа, пока есть возможность. Вы никогда не пожалеете о том, что сделали для нашего благословенного Господа и Владыки все, что было в ваших силах.

Сперджен. "Ради больных и страждущих", 1876.

Начиная с 1860 года, жизненный путь Сперджена и его жены представлял собой чередование радости в Господе и страданий от болезни.

Причиной слабого здоровья Сперджена была, главным образом, его колоссальная загруженность работой и лежавшее на нем бремя ответственности.

Никто из живущих не знает, какое бремя трудов и забот мне приходится нести.... Я должен наблюдать за сиротским приютом, у меня ответственность за церковь с четырьмя тысячами членов, время от времени приходится совершать бракосочетания и погребения, мне надо редактировать еженедельную проповедь, издавать журнал "Суорд энд трауэл", отвечать в среднем на пятьсот писем каждую неделю...

Но это только половина моих обязанностей, ведь есть еще бесчисленное множество церквей, основанных моими друзьями, и я тесно связан с их текущими делами, не говоря уже о серьезных проблемах, по поводу которых они постоянно спрашивают моего совета...

Он мог бы перечислить еще много других обязанностей, составляющих часть его бремени, — Дом милосердия, школа и колледж, литературную работу и проповедь примерно десять раз в неделю дома — в Табернакл и в других местах.

В конце концов, диаконы поняли, что ему одному не снести этот тяжкий груз. Они

стали задумываться над его желанием иметь помощника, и когда в качестве возможной кандидатуры он упомянул своего брата Джеймса, диаконы, не медля, заручились поддержкой членов церкви и пригласили Джеймса взять на себя это служение.

Джеймс был хорошо подготовлен для выполнения своей миссии. После окончания Регентс Колледжа он в течение восьми лет совершал пасторское служение. У него были одинаковые с Чарльзом богословские убеждения и методы евангелизации. Кроме того, он обладал достаточно хорошими способностями проповедника, так что мог вполне приемлемо замещать Чарльза в его отсутствие. И, что важнее всего, Джеймс отличался духовным рвением и усердием в приобретении душ.

Учитывая то, что между пастором и его помощником часто возникают конфликты, Чарльз очень мудро обошелся с Джеймсом: он попросил, чтобы диаконы написали условия, на которых тот будет совершать служение в Табернакл. Он будет вторым пастором, однако должен нести ответственность перед своим братом, и в случае смерти Чарльза ему не гарантируется пасторское служение.

Джеймса вполне устраивали условия соглашения, и в начале 1868 года он приступил к работе. Он был прекрасным бизнесменом и фактически управлял всеми деловыми вопросами, которые до этого лежали на плечах Сперджена. Масса мелких дел и решений в церковной жизни Табернакл и прикрепленных к ней многочисленных организаций теперь легли на его плечи. Сперджен с удовольствием снял с себя эту нагрузку.

Чарльз приобрел себе и других помощников. Так, до этого его личным секретарем был Дж. Киз, но теперь он пригласил ему в помощь второго секретаря, по имени Дж. Харралд. Чуть позже Сперджен почувствовал, что не сможет вполне справиться с изданием "Суорд энд трауэл", и поэтому он пригласил в качестве помощника редактора Г. Холден Пайка.

Кроме того, Сперджену очень активно помогали его диаконы и пресвитеры. Поначалу диаконы были главными служителями, но по мере роста церкви возникла необходимость и в пресвитерах, так что в конце 1860-х годов насчитывалось десять диаконов и двадцать пресвитеров.

Диаконы осуществляли материальное служение — они отвечали за финансы и имущественные дела церкви Табернакл. На ответственности пресвитеров лежало духовное служение. К каждому из них было прикреплено определенное число членов церкви, которых он должен был посещать и о которых должен был иметь постоянное духовное попечение. Сперджен сам очень усердно посещал членов церкви, пока их количество было небольшим, но когда их стало две и три тысячи, эта задача оказалась для него непосильной, и постепенно все пасторские посещения перешли в обязанность пресвитеров.

Несмотря на ставшие все более частыми болезни Сперджена, работа в Табернакл продолжалась без сбоев. Помощник пастора, диаконы и пресвитеры сотрудничали в добром согласии. Сперджен мог чувствовать себя спокойно. Он знал, что они любят его лично и трудятся для Господа с неустанным усердием.

В 1860-е годы к Сперджену снова вернулось благорасположение большинства американцев. Реакция на его критику рабства по большей части улеглась, и многие американцы из разных штатов, посещая Британию, приходили слушать его проповеди. Одним из больших американских друзей Сперджена был Г. Хейнц, известный производитель солений и специй. Хейнц был к тому же искренним христианином и всякий раз, посещая Англию, приходил в Табернакл. Он поддерживал личную дружбу со Спердженом и отзывался о нем как о самом скромном человеке, которого он когда-либо знал.

Но американцев не вполне устраивало чтить Сперджена только на расстоянии. Многие желали бы слышать его лично, поэтому в конце 1960-х годов он был снова приглашен в Штаты. Приглашение пришло от Бостонской организации, которая устраивала лекционные туры. Эта организация предлагала Сперджену приехать и давать лекции с удобным для него интервалом, но не менее двадцати пяти лекций в целом, с гонораром в \$ 1 000 за лекцию. (В те времена \$ 1 000 равнялась 200 фунтов). Предлагаемый американцами гонорар был чрезвычайно щедрым, и отражал их страстное желание услышать Сперджена.

Несомненно, Сперджен был бы рад съездить в Америку, но форма приглашения была для него не вполне приемлемой. С одной стороны, в нем явно преобладал упор на гонорар, — а это значило бы, что Сперджен поедет туда главным образом из-за денег, — с другой стороны, предполагалось, что он должен будет отступить от собственных правил, поскольку его просили не проповедовать, а читать лекции. Кроме того, немаловажную роль играло и его плохое здоровье. Тем не менее, Сперджен был заинтересован предложением и сказал своим членам церкви: "Я мог бы

вернуться домой с сорока тысячами фунтов!.." Некоторые друзья упрашивали его принять приглашение, но он написал вежливый отказ, и вопрос был закрыт.

Хорошо, что в этот раз он не поехал в Америку, потому что Сюзанна Сперджен в эту пору очень сильно заболела. Вот что она писала в своем дневнике:

Мрачные дни наступили для нас обоих, потому что тяжкая болезнь вторглась в мое существо, и мало что помогает хоть немного облегчить постоянную, изнуряющую боль, которую причиняет мне болезнь. Мой дорогой муж, который все время поглощен работой для Господа, все же находит много драгоценных минут, чтобы побыть со мной рядом и рассказать о деле Господнем, которое он с успехом совершает, и мы обмениваемся взаимным ободрением: он утешает меня в моих страданиях, а я поощряю его в его труде.

Дом, в котором проживала семья Сперджен — Хеленсбург Хаус — не благоприятствовал здоровью супругов. Он был очень старым и без необходимых удобств. Это заставило некоторых из их друзей собрать деньги на новый дом.

Диакон Хиггс взялся построить дом, а его сын, архитектор по специальности, должен был составить план. Старый дом подлежал сносу, а на его месте планировали построить новый.

Во время строительных работ Сюзанна Сперджен жила в Брайтоне. Сперджен старался навещать ее как можно чаще, хотя надо было ездить на поезде.

Однако в Брайтоне здоровье Сюзанны Сперджен начало ухудшаться. Спустя некоторое

время сэра Джеймса Симпсона, — известный врач и изобретатель хлороформа, — который был искренним христианином, предложил бесплатную медицинскую помощь. На этот Сперджен раз принял его предложение. Сэр Джеймс сделал операцию, которая считалась вполне успешной, но все же из-за несовершенства медицины тех дней выздоровление Сюзанны Сперджен шло очень медленно, так что она оставалась наполовину инвалидом.

Через несколько недель она вернулась в Хеленсбург Хаус. К своему удовольствию и удивлению, она оказалась не просто в совершенно новом доме, но в доме, где ее муж специально для нее придумал много бытовых удобств. Он купил для нее кое-что из мебели, а рядом со своим рабочим кабинетом устроил маленькую комнату, отделанную специально для нее. Она особенно радовалась расположенному в углу комнаты шкафчику, в котором находилась изящная мойка с горячей и холодной водой. Такого рода удобства были редкостью в те дни, и больной женщине они доставляли несомненное удовольствие.

В новом доме было много удобств и для самого Сперджена. Здесь имелся кабинет, удобный для его многосторонней работы и достаточно большой, чтобы вмещать сотни книг его личной библиотеки. Была сделана также и перепланировка двора, за которым ухаживал помощник Сперджена Джордж Лавджой. Здесь имелась ровная площадка для игры в мяч, которую Сперджен очень любил, и особенно потому, что это был любимый вид развлечения у пуритан.

Несмотря на болезнь жены, Сперджен старался укладываться в свой напряженный график работы.

Но так не могло продолжаться долго, и он вскоре был вынужден слечь с очень сильной болью. Он не мог проповедовать и забросил свою литературную работу, о чем писал в журнале "Сурд энд трауэл" так:

Болезненное недомогание Редактора заставило его приостановить публикацию ежемесячных комментариев и толкования на Псалмы. Перегрузка в работе причинила расстройство, имеющее не столько физические, сколько психические причины. Изнурительная боль, которая отзывается скорбью в родных и отягощает бремя лежащей на нем ответственности, представляет собой такую тяжесть, которую слабый смертный не может снести без посторонней помощи. Вся наша радость и утешение в Боге, Который может восполнить все наши нужды.

После нескольких дней болезни Сперджен поправился, так что мог вернуться к работе. Однако через два или три месяца он опять слег, заболев оспой, и во время этой болезни также страдал от сильного приступа подагры.

Он ничего не писал об этом приступе, но потом последовало еще несколько приступов, и об одном из них, случившемся в 1871 году, он написал подробное письмо для членов своей церкви. Это письмо помогает нам лучше понять тяжесть его страданий.

Дорогие друзья,

Печь вокруг меня остается все так же раскаленной. После моей последней проповеди

я пришел в очень плачевное состояние; моя плоть находится в муках от болей, а мой дух подавлен депрессией. Но во всем этом я вижу руку моего Небесного Отца и подчиняюсь ей... С большим трудом пишу я эти строчки, находясь в постели и перемешивая их со стонами от боли и с песнями надежды.

Даже если обстоятельства будут для меня очень благоприятными, я увижу вас еще не скоро, поскольку светила медицины в один голос утверждают, что только длительный покой может поднять меня на ноги. Я хотел бы, чтобы все это произошло побыстрее. Мое сердце — в работе, мое сердце — с вами... Как только я смогу двигаться, я встану на ноги и пойду трудиться. Я стараюсь возлагать все заботы на Бога, но все же иногда боюсь, что вы можете рассеяться. Мои дорогие братья, не разбредайтесь, потому что это разобьет мое сердце вконец!.. Финансовое положение в нашем приюте сейчас хуже, чем было в течение двух последних лет. Бог пошлет необходимое, но и вы помните, что являетесь Его слугами.

Я знаю, что вы молитесь обо мне... Я похож на сосуд горшечника, который теперь вконец разбит, оказался ненужным и выброшенным. Мой удел — бессонные ночи и слезные дни, но я надеюсь, что тучи рассеются. Увы! — я могу утверждать это, только имея в виду мои собственные легкие страдания, но та, которая ближе всего к моему сердцу, не может облегчить свои страдания такими надеждами...

Заметим его слова "подавлен депрессией". У некоторых людей подагра вызывает раздражительность, но у Сперджена она сопровождалась очень сильной депрессией.

Сперджен не мог проповедовать в течение семи недель. После возвращения в церковь

он рассказал о пережитом. Вот что написал он об этом в своем журнале:

Какая великая милость Божья, когда вы можете перевернуться с одного бока на другой, будучи прикованным к постели!.. Приходилось ли вам целую неделю лежать на одном боку? Пытались ли вы повернуться на другой бок, будучи совершенно беспомощны, чтобы это сделать? Пробовали ли добрые люди помочь вам повернуться, и не оказывалось ли, к несчастью, что надо ложиться в прежнее положение, потому что хотя оно и плохое, но все же лучше, чем любое другое положение? Некоторые из нас знают, что это такое, когда многие ночи вы жаждете уснуть, но не можете...
Какая милость была для меня, когда меня мучила боль только в одном колене! Какое благословение — снова поставить ногу на землю хотя бы на одну минуту!

Сперджен рассказывал с кафедры о своей молитве к Богу в то время, когда боль была наиболее нестерпимой.

Когда боль мучила меня так сильно, что я не мог терпеть ее без крика, я просил всех выйти из моей комнаты и оставить меня одного. Потом я не мог сказать Богу ничего другого, кроме таких слов: "Ты — мой Отец, а я — Твое дитя, и Ты, как Отец, чуток и полон милости. Я не мог бы видеть мое дитя, страждущим так, как Ты это допускаешь для меня, а если бы я это увидел, то сделал бы все возможное, чтобы помочь ему... Отец мой, неужели Ты скроешь от меня Твое лицо? Неужели Ты будешь удерживать на мне Твою тяготеющую руку и не дашь мне увидеть свет Твоего лица?"

Я молил Отца моего Небесного со всей искренностью. Ведь написано же: "Как отец

милует сынов, так милует Господь боящихся Его". Поэтому, молил я, если Он Отец, то пусть проявит Себя как Отец. И когда ко мне снова пришли мои помощники, то я имел смелость сказать им: "Я больше никогда не буду так сильно страдать, потому что Бог услышал мою молитву". Я благодарил Бога за то, что пришло облегчение и что изнуряющая боль не вернется ко мне снова. Вера обретает такую уверенность, когда она опирается на Бога и на Его характер, открытый для нас в Библии, — тот характер, благодаря которому в самые мрачные часы мы можем еще больше любить Его... Мы можем называть Его "Отец наш", и когда бывает очень темно, когда мы крайне слабы, — к небу может возноситься наша мольба: "Отче, помоги мне! Отче, избавь меня!"

Сперджен был все еще очень слаб и ему нужен был довольно продолжительный отдых. Но такой отдых невозможно было обеспечить в Англии, поэтому в начале зимы (в ноябре 1871 года) он отправился в Италию. Здесь он не мог часто проповедовать из-за языкового барьера, но влажный и холодный климат Британии сменился солнечным южным теплом. Отпуск продолжался шесть недель, и после этого он смог вернуться домой и был готов приступить к работе в добром здравии тела и духа.

Сюзанна Сперджен была слишком больна и не смогла поехать с ним в Италию. "Эта разлука, — писала она, — была чересчур болезненна для двух сердец, столь нежно связанных между собою, но каждый из нас нес свою долю страданий мужественно, насколько это было возможно, и мы смягчали нашу разлуку непрерывной перепиской". Он писал письма каждый день и, имея неплохие художественные данные, снабжал их рисунками окружающих его людей, костюмов, пейзажей, деревьев, колодцев и всего, что привлекало его внимание.

Сперджена сопровождали в поездке его издатель Джозеф Пассмор и двое других друзей. Они посетили Рим, Неаполь, Помпеи и остров Капри, наслаждаясь картинами природы и погодой. На обратном пути они провели несколько дней в местечке Ментон на южном побережье Франции, которое понравилось Сперджену так, что он написал: "Это место рассчитано на то, чтобы больной мог запрыгать от здоровья". Ему так понравилось это солнечное место, что с тех пор он ездил туда почти каждую зиму. Именно там в 1892 году он провел свои последние дни на этой земле.

На обратной дороге в Англию его снова схватил острый приступ подагры, и ему пришлось несколько дней пролежать в Каннах, ожидая улучшения самочувствия. Далее он рассказывает, что, когда его здоровье позволило ему передвигаться, одна дама одолжила ему свою коляску, на которой он был доставлен на вокзал, и проводники посадили его в вагон, где был мягкий диван и дополнительные удобства для поездки. Правда, спать было тяжело, но когда поездка через Францию подошла к концу и надо было пересекать пролив, Сперджен написал в письме Сюзанне: "Я могу сейчас ходить понемногу, и надеюсь, что к воскресенью буду в хорошей форме... Я от души благодарен Богу за Его доброту в поездке, но все же нет места, лучше родного дома. Домашний очаг наполнен пламенем любви. Божье благословение да будет с тобой всегда!"

Учитывая продолжительную болезнь Сперджена и его жены, трудно предположить, что он имел, как некоторые считали, дар исцеления. Все, что мы можем сказать на этот счет, хорошо описано в книге Рассела Конуэлла "Жизнь Сперджена", особенно в главе "Чудесное исцеление".

Такое мнение о нем впервые появилось во время эпидемии холеры. Как мы уже писали, Сперджен посещал многие семьи, где свирепствовала болезнь, молился об исцелении больных. Во многих случаях болезнь прекращалась у тех, кто был близок к смерти, и вскоре наступало полное выздоровление. Люди были уверены, что это был результат молитвы Сперджена.

В последующие годы Сперджен молился о людях, страдавших от различных болезней, и хотя в некоторых случаях улучшение не наступало, в других случаях исцеление казалось чудом. Доктор Конуэлл подверг проверке несколько таких случаев и в 1892 году — в год смерти Сперджена — писал следующее:

В церкви Метрополитен Табернакл есть сотни людей, которые считают, что их жизнь продлилась благодаря личным молитвам Сперджена. Они болели разными болезнями и были близки к смерти, но он приходил к ним, преклонял колени у постели и молился об их выздоровлении. И к ним тут же начинало возвращаться здоровье, учащенный пульс становился нормальным, высокая температура спадала, и все естественные функции организма восстанавливались в необычно короткий период. Если бы можно было собрать всех, кто приписывает свое выздоровление молитвам Сперджена, то такое собрание было бы наилучшим выражением почтения к его памяти.

Далее Конуэлл рассказывает о нескольких конкретных случаях исцеления по молитве Сперджена. "Вера в целительную силу Сперджена стала среди некоторых прослоек общества прямым суеверием, и он был вынужден опровергать такие ложные и крайние взгляды в своих проповедях, а также пресекать лишние разговоры по этому поводу.

Он понимал, что все это становится весьма похожим на почитание святых мест католиками в странах Европы".

Сперджен признавал, что вопрос о божественном исцелении во многом оставался для него загадкой. Он говорил, что молился о больных так же, как и обо всем другом, и в одних случаях Бог отвечал и посылал исцеление, а в других, по непонятным причинам, Он допускал продолжение болезни.

Хотя супруги Сперджен пережили в 1870-е годы много испытаний, на их долю выпало также и немало радости.

Одним из самых счастливых событий было крещение их сыновей. Нам не известна дата обращения Тома и Чарльза, но в одной из проповедей их отец сказал: "Не переполняются ли наши родительские сердца радостью, когда мы вдруг обнаруживаем, что наши дети начали искать Господа? Невозможно забыть то время, когда они со слезами рассказывали нам о своих переживаниях, и мы говорили им слова утешения. Когда они впервые появились на свет, мы и вполнину не радовались этому событию так, как радовались их рождению заново".

В воскресенье 21 сентября 1874 года Томас и Чарльз были крещены. Их отец из-за плохого состояния здоровья не совершал крещения уже в течение нескольких месяцев, предоставив это служение своему брату. И когда он сам вошел в баптистерий и крестил своих сыновей, это было поистине замечательное событие.

В то время им было по восемнадцать лет, и через пару месяцев они начали

проповедовать в баптистской церкви в Уондсворте: один — на утреннем, а другой — на вечернем служении. Спустя два года Том, у которого обнаружили художественные способности, устроился учеником гравера. Чарльз был приглашен совершать служение в церкви в Гринвиче. На собрании, посвященном началу его служения, проповедовал его отец, и сын вспоминал, как он, опершись на перила кафедры и, глядя на сына вниз, сказал мягким, но взволнованным голосом: "Больше проповедуй Христа, мой сын! Больше проповедуй Его!"

Оба сына Сперджена проповедовали в разное время также и в церкви Табернакл. Они были способными проповедниками, и их голос в чем-то напоминал голос отца, но им недоставало его исключительной одаренности. К тому же они не отличались крепким физическим здоровьем, и хотя отец еще в детстве соорудил для них гимнастические снаряды, они, по всей видимости, не пошли им на пользу.

Еще одно событие середины 1870-х годов особенно обрадовало Сперджена — это было открытие нового здания для Пасторского колледжа. Оно располагалось позади Табернакл на соседней улице, и в нем могло учиться как минимум 150 студентов. Здесь имелось несколько аудиторий. В день его открытия президент колледжа провел в каждой комнате молитвенные собрания, торжественно посвящая их на служение Господу.

В этом здании, однако, не было общежитий для студентов. Студенты проживали в семьях членов церкви Табернакл. Сперджен считал, что если студенты будут жить в общежитии, они слишком много времени будут тратить на шутки и ветреность, что обычно происходило в других колледжах. "Ветреность в поведении наших молодых

братьев, — говорил Сперджен, — приносит печаль моему сердцу. Как может служитель позволять себе вольность в словах и поведении, когда гибнут грешники? Среди нас не должно встречаться ничего подобного".

Постройка здания для колледжа обошлась в 15 000 фунтов, большая часть которых была внесена лично Спердженем, либо поступила из тех церквей, где он проповедовал. В этом здании затем разместилась штаб-квартира Ассоциации книгонош, здесь же проводились ежегодные конференции большинства Спердженовских организаций.

Постройка здания для колледжа была осуществлением одного из самых заветных желаний Сперджена, но она же и прибавила ему много новых хлопот. Будь у Сперджена хорошее здоровье, он мог бы нести это бремя с большей отдачей, но поскольку у него участились приступы подагры, приносявшие боль и депрессию, он понимал, что управление колледжем становится для него непосильной задачей. "Мне кажется, — писал он в один из периодов депрессии, — как будто я создал большой механизм, который все время что-то перемалывает, и что я сам могу стать жертвой этого механизма". Тем не менее, большую часть своего времени Сперджен испытывал радость в Господе и являл собой наглядный пример христианского счастья.

Сюзанна Сперджен и ее труд

Одно из самых радостных явлений в моей жизни — это то, что моя дорогая жена

проявляет особую заботу о пополнении библиотек служителей. Моя милая подруга всецело посвятила себя этому благому делу.

Вы только посмотрите на ее склады, на ее рабочую комнату, на ее деловитых помощников, упаковывающих посылки и телегу с книгами, отправляющуюся из нашего дома каждые две недели! Рассылка книг в определенные часы становится в нашем доме главным занятием. Каждый день эта работа поглощает ум и сердце моей жены.

Читателю, возможно, трудно вообразить, что из себя представляет рассылка книг, но я скажу следующее: — такой хороший менеджер, каким является моя жена, имеет в своих списках более 6 000 адресов, и, тем не менее, она помнит, кому какую книгу отправила с первого дня и поныне. В ее работе нет путаницы, все делается с точностью часового механизма и в то же время — с большим желанием доставить радость своим получателям и не утруждать интересующихся наведением излишних справок.

Сперджен, 1882

Большую часть своей жизни в замужестве Сюзанна Сперджен была в полуинвалидном состоянии. Она часто не могла выйти из своего дома и даже ходить на собрание в церковь Табернакл. Но она переносила свои недуги с достоинством. Она утешала своего мужа в его частых недомоганиях и не жаловалась на свои собственные.

Но, несмотря на это, она жаждала полноценно трудиться для Господа. Все дошедшие до нас ее личные записи и отзывы о ней со стороны других людей свидетельствуют о том, что она была духовно богатой и очень доброй женщиной.

В 1875 году ей представилась возможность посвятить себя весьма плодотворной работе. На тот момент была выпущена книга ее мужа "Лекции для моих студентов", и после ее прочтения она сказала: "Я хотела бы отослать по экземпляру этой книги каждому служителю, проживающему в Англии!"

"Так почему бы не начать? — ответил он. — Сколько денег у тебя найдется на это дело?"

Она начала думать об этом и решила экономить на своих домашних расходах. Потом она вспомнила, что некоторое время назад начала откладывать каждый пятый шиллинг из своих доходов. Оказалось, что этих денег было достаточно на покупку 100 экземпляров "Лекций".

Вскоре она выслала по одной книге ста служителям, живущим в нужде. Она думала, что на этом дело и закончится, но вышло так, что, хотя она просила своего мужа никому не говорить об этом, слух о том, что она сделала, начал разноситься, и друзья стали присылать ей деньги, чтобы она могла выслать еще больше книг. Несколько пасторов, получивших книги, прислали письма с благодарностью и сообщили о большой нужде в таких книгах.

Взволнованная до глубины души сознанием такой нужды и чувствуя Божье призвание

продолжать начатое дело, она заказала несколько комплектов толкования на Псалмы под названием "Сокровищница Давида". (К тому времени Сперджен написал четыре тома данного труда). Эти комплекты были разосланы неимущим пасторам, и снова в ответ пришли письма с благодарностью и пожеланиями выслать еще больше книг. Многие пасторы едва могли содержать свои семьи и вести хозяйство на свой скудный доход.

Несмотря на то, что до сих пор никто не говорил публично о работе, которую делала Сюзанна, к ней продолжали приходить деньги с просьбами продолжать начатое доброе дело. Например, один человек прислал 50 фунтов с просьбой выслать "Лекции" приблизительно пятистам пасторам кальвинистских методистских церквей в Северном Уэльсе. Затем пришло еще 50 фунтов на оплату этого проекта. После этого пришло еще 100 фунтов на рассылку этой книги служителям Южного Уэльса.

Слух о бесплатной рассылке книг распространился еще шире, и служители многих деноминаций писали, что и "Лекции", и "Сокровищница", и другие труды Сперджена им очень нужны, но они слишком бедны, чтобы купить такие книги. По мере того, как Сюзанна получала такие письма, приходили и новые суммы денег. Тогда она поняла, что работы ей хватит надолго и что это дело угодно Богу.

Через пять месяцев после начала рассылки книг она писала следующее:

Количество книг, разосланных нами на этот момент, составляет 3 058 экземпляров, причем нашими получателями были пасторы из различных деноминаций. Но, — увы! — мои дорогие друзья, когда я просматриваю список их имен, единственная тень

печали омрачает мою работу, потому что я вижу, как много надо еще сделать в этом служении любви. Без нашей помощи неимущие пасторы, которым были высланы книги, оставались бы на скудном духовном пайке. Их нищенский доход настолько мал, что они не знают, как свести концы с концами, а заработать деньги на покупку книг — для них абсолютно несбыточная мечта.

До глубины души трогательно слышать их красноречивые рассказы о том, какую радость произвел на них полученный подарок. Один из братьев пишет, что не стыдится рассказать, как он получил пакет со слезами радости, а его жена и дети стояли рядом и радовались вместе с ним. Другой, раскрыв посылку со столь дорогими книгами, стал хвалить Бога и петь благодарственные гимны во всю силу своих легких. А третий, увидев долгожданную "Сокровищницу Давида", выбежал из комнаты в уединенное место, чтобы там излить свое сердце перед Богом...

Подчеркивая свою благодарность за полученные книги, многие пасторы и их жены рассказывали о материальных трудностях, в которых они живут. У некоторых из них жалованье составляет 80 фунтов, у некоторых — 60, а у других — даже 40.

Некоторые имели большие семьи. У некоторых болели жены и надо было платить большие счета за лечение. Почти у всех была проблема с обучением детей в школе. Многие семьи нуждались в теплой одежде, жилплощади, предметах первой необходимости.

Сюзанна решила делать все, что было в ее силах, чтобы восполнить эти нужды. Кроме рассылки книг, она взялась за оказание материальной помощи неимущим пасторам. В журнале "Сурд энд трауэл" публиковались нужды многих пасторов, где

она просила жертвовать деньги, одежду и одеяла. Очень многие откликнулись на этот призыв, и на адрес церкви Табернакл стали высылать необходимые вещи. Оттуда добровольные помощники рассылали их нуждающимся. Книги же упаковывались в доме Спердженов. Каждые две недели полная телега увозила книги на железнодорожный вокзал.

Сюзанна вела очень тщательный отчет о поступающих и расходуемых деньгах. По ее собственному признанию, она была и секретарем, и казначеем, и главным менеджером в обеих организациях. Бывали времена, когда ей приходилось исполнять свои обязанности, преодолевая слабость и боль, а иногда болезнь усиливалась настолько, что она прекращала всякую работу.

Хотя книги и материальная помощь имели ценность для тех, кто их получал, они имели еще большую ценность для самой Сюзанны Сперджен. Ведь так она осознавала, что, несмотря на свое физическое состояние, она могла служить другим. Сперджен считал, что это служение было устроено от Бога, и рассказывал о переменах, которое оно произвело в Сюзанне.

Я весьма благодарен нашему Небесному Отцу за Его доброту в том, что Он дал моей дорогой жене столь плодотворный труд, который принес для нее невыразимую радость. Правда, это стоило ей страданий гораздо больших, чем можно поведать, зато она получила и безграничную радость. Милосердный Господь оказал Своему страждущему дитяти самую действенную помощь в том, что привел ее к служению, необходимому для Его дела.

Таким образом, Он отвлек ее от личного горя, придал ей жизненный тонус и целенаправленность, научил иметь личные отношения с Самим Собой и поднял к тем высотам, где нет земных радостей и печалей. Пусть же каждый верующий возьмет из этого урок, что лучшее лекарство и противоядие от наихудших человеческих болезней можно найти в самоотверженном труде для Господа Иисуса.

А вот что пишет Сюзанна:

Я лично столь многим обязана тем дорогим друзьям, которые обеспечили меня средствами для того, чтобы сделать счастливыми других. Для меня это было благословением вдвойне. Я была сразу и получателем, и жертвователем. Мои дни стали неопишимо светлыми и счастливыми благодаря прекрасной возможности выполнять свои обязанности, связанные с этой работой. Мне кажется, что я живу в атмосфере блаженства и любви, и потому могу сказать вместе с псалмопевцем: "Чаша моя преисполнена".

Проходили месяцы, и Сюзанна увеличила ассортимент рассылаемых книг. Она часто высылала проповеди своего мужа, иногда по шесть томов за один раз. Кроме этого, у нее были и другие книги Сперджена, а также труды других авторов. "Твердое, старинное, Библейское, пуританское учение печатается и распространяется во все концы", — писала она.

Вскоре ее служение перешагнуло границы берегов Британии. Книги стали высылаться миссионерам, которые трудились в Бенгалии, Цейлоне, Трансваале, Самоа, Китае, Орегоне, Ямайке, Кир-Моаве, Индии, Тринидаде, Экваториальной Африке, России,

Канаде, Конго, Буэнос-Айресе, Каймане, Дамаске, Мадриде, Лагосе и Тимбукту. Из этих и многих других мест к ней приходили письма, на которые она лично давала ответ.

Книжный фонд пополнял свои запасы из сокровищницы Небесного Царя, и я могу "похвалиться в Господе", что восполнение всех нужд для его успешной работы явно носит на себе небесный отпечаток. Я говорю об этом, потому что никогда не просил о помощи никого, кроме Него, никогда не спрашивал о пожертвованиях у людей, однако деньги шли постоянно, и приход всегда соответствовал нуждам.

Суорд энд трауэл, 1878, с.77.

В 1885 году Сюзанна написала об этой работе книгу под названием "Десять лет моей жизни на служении в Книжном фонде". Она писала о том, какой был приход пожертвований за каждый год, сколько книг было разослано и к каким деноминациям принадлежали служители, получившие книги. Между отчетами были также помещены благодарственные слова.

За эту книгу она получила небольшой гонорар, доставивший ей новую радость, потому что она вложила этот гонорар в фонд для приобретения большего числа книг для рассылки. Она цитировала большие отрывки из писем пасторов и их жен, не называя, разумеется, их имена, и рассказывала об их нелегкой жизни. У нее было глубокое сочувствие к неимущим, и она от всего сердца старалась сделать все возможное для того, чтобы оказать им помощь.

В 1895 году она написала еще одну книгу, "Десять лет спустя". В ней продолжалось описание работы Книжного фонда и Фонда помощи неимущим пасторам. Можно было прочесть между строк, что она была очень больной женщиной и часто делала свою работу, преодолевая боль, но, тем не менее, дело расширялось. Например, в отчете за 1889 год она пишет: "Разослано книг — 6 916 экземпляров. Также 13 565 отдельных проповедей. Среди получателей были: 148 баптистов, 81 индипендент, 118 методистов, 152 англиканца, 48 миссионеров, 6 пресвитериан, 2 вальденса, 3 плимутских братьев, 1 моравский брат, 1 моррисонец. Всего — 560".

За четыре года до появления в свет этой книги Чарльз Сперджен ушел из этой жизни. Скорбь и одиночество Сюзанны Сперджен тут и там ощущаются в ее книге, но она пишет с тем чувством торжества, которое ведомо только христианам:

Я прошла уже долгий путь по жизненной дороге, и теперь, взбираясь на один из немногих оставшихся холмов на пути от земли к небу, я приостановилась на минутку, чтобы с высоты холма окинуть взглядом долину, через которую вел меня Господь.

Вот, я вижу двух пилигримов, идущих вместе по жизненному пути, — рука к руке, сердце к сердцу. Да, им пришлось переходить через реки, пересекать горы, бороться со многими лютыми врагами и побывать во многих опасностях. Но их Проводник наблюдал за ними, их Избавитель оставался верен, и потому о них можно смело сказать: "Во всякой скорби их Он не оставлял их, и Ангел лица Его спасал их; по любви Своей и благосердию Своему Он искупил их, взял и носил их во все дни древние".

Большую часть пути они проходили с песней на устах, и, по крайней мере, для одного из них не было большей радости, чем рассказывать другим о благодати и славе благословенного Царя, в Чью страну он направлял свой путь. И когда он говорил об этом, сила Господня проявляла себя и ангелы радовались о кающихся грешниках.

Но вот, наконец, они пришли к тому месту, где их дороги разошлись. И там, под натиском страшной бури, которая раньше никогда не встречалась на их пути, они расстались друг с другом: один был восхищен в невидимую славу, а другой, избитый и израненный ужасной бурей, с тех пор продолжает свой путь в одиночестве...

Но "благость и милость", сопровождавшие их обоих столь многие годы, не оставили одинокого пилигрима. Любовь Господня нежно ведет его и дальше вперед, находит для его утомленных ног златные пажити и тихие воды, чтобы утешить и подкрепить свое дрожащее дитя...

Больше того: Он дал для ее рук важную задачу — помогать другим пилигримам, идущим той же дорогой, и через это наполнил ее жизнь благословенным смыслом и исцелил ее глубокую скорбь, даровав ей силы облегчать и утешать других.

Будни большой церкви

Известна мне церковь живая,

Где сердцу отрадно так быть;
Христову любовь воспевая,
В ней жажду Его я хвалить.
Известна ль вам церковь живая,
К которой так сердце влечет?
Там к небу молитва святая
Горячим потоком течет.
О странник! Ты знаешь, что миром
От церкви той веет всегда;
Никто там не чувствует сирым,
Забывшим себя никогда.
Ведь церковь есть неба преддверье,
В ней милости Божьей престол;
Я был исцелен от неверья,
Как в церковь Христову вошел.
О друг, иди в церковь живую!
Храм Божий и ты в ней найдешь;
На грудь Иисуса святую
Повергнись, и мир обретешь.

Церковь Метрополитен Табернакл не была, как некоторые считают, просто популярным центром, где произносились проповеди. Эта церковь не была тем местом, куда сходятся люди, живущие в близлежащих окрестностях, и потом, после прослушивания шедевров христианской риторики, возвращаются домой, почти не вспоминая о церкви до наступления следующего воскресенья.

Церковь Табернакл была большой и активной церковью. Большинство ее членов проживало в густонаселенных районах Лондона к югу от Темзы, некоторые жили так близко, что ходили на богослужения пешком. Очень много молодых людей, работавших подмастерьями, а также молодых бизнесменов, обратились к Богу через служение Сперджена. Они стали постоянными посетителями церкви и привели с собой своих жен и детей. За исключением больных и инвалидов, лишь очень немногие посещали церковь только по воскресеньям. Разные виды деятельности привлекали великое множество людей в Табернакл и на неделе.

Кроме самой церкви, имелся целый ряд других организаций, которые, говоря по-человечески, возникли благодаря служению Сперджена. Самыми важными из них были, конечно же, Пасторский колледж, Дом милосердия, приют и Общество книгонош.

Но, кроме этого, имелись еще несколько менее заметных учреждений: Ассоциация евангелистов, Сельская миссия, внутренний и зарубежный Рабочий союз, Общество распространения трактатов, Общество материнства, Миссия для полицейских, Миссия-кафе, Строительный фонд, Общество братской взаимопомощи, Цветочная миссия, Общество евангельских трезвенников, Общество служанок, Общество слепых, Женское благотворительное общество, Общество по распространению Евангелия при Табернакл и Общество по распространению проповедей Сперджена.

Этот удивительный список отнюдь не полон. Однажды, по случаю чествования двадцатипятилетия служения Сперджена в Лондоне, его секретарь Дж. Харралд огласил названия образованных им учреждений, которых на тот момент было

шестьдесят шесть!

Кроме этих организаций, Сперджен принимал участие в образовании примерно сорока миссий в разных районах Лондона, а члены его церкви преподавали в нескольких воскресных школах и школах для бедноты. Широко распространялось также и печатное слово: еженедельная проповедь, ежемесячный журнал "Суорд энд трауэл", а также книги Сперджена (на 1875 год было опубликовано сорок четыре наименования его книг), которые тысячами расходились по всему миру.

Церковь Табернакл принимала участие также и в миссионерской работе за рубежом. Несколько выпускников колледжа отправились в дальние страны, и у нас имеются данные об их работе, особенно в Индии, Китае, Цейлоне и в различных африканских странах. Значительную часть помощи этим миссионерам оказывала церковь Табернакл.

Вся эта огромная работа осуществлялась под руководством Сперджена. Как мы уже говорили, он поручил управление деловыми вопросами своему брату, но главная ответственность за поддержание активности и финансовое обеспечение лежала все же на нем. Студенты называли его "областеначалником", а некоторые употребляли ветхозаветное слово "Тиршафа". Это прозвище прекрасно соответствовало занимаемому им положению, ведь все эти церковные учреждения, за исключением Дома милосердия, были организованы при его участии. Он же определил также и форму их организации и наблюдал за их ростом, и его слово было последним во всех их делах.

Но при всем этом никогда не возникал вопрос о его полномочиях. Признание

авторитета Сперджена было непринужденным, и взаимоотношения строились на его любви к людям и любви людей к нему. Следуя его примеру, они трудились в церкви с интересом и усердием. Он никогда не применял свою власть — в этом просто не было нужды, но, тем не менее, все дело выполнялось согласованно под его твердым руководством.

Церковь Табернакл была таким местом, где та или другая деятельность почти никогда не прекращалась. Все семь дней недели двери церкви были открыты с 7 утра до 11 ночи, и все время сюда приходили люди.

В течение 12 лет занятия колледжа проходили в лекционном зале и примыкающих к нему комнатах на цокольном этаже, но даже после постройки отдельного здания студенты очень часто заходили в Табернакл. В колледже был также и вечерний факультет, занятия на котором проходили дважды в неделю с посещаемостью около 200 студентов, а после того, как в программу обучения был добавлен курс стенографии, число учащихся возросло до 300.

Церковное здание также использовалось для ежегодных собраний всевозможных организаций, которых было так много, что эти собрания проводились почти каждую неделю. Женское благотворительное общество собиралось здесь для шитья одежды детям, находящимся в приюте, неимущим членам церкви и другим нуждающимся, проживающим в окрестностях Табернакл. Сестры из Общества материнства собирались, чтобы приготовить подарки для женщин, ожидающих рождения ребенка, они же оказывали помощь матерям на дому. Цветочная миссия приносила в Табернакл цветы, где из них делали красивые корзинки и букеты и разносили больным на дом, а также

в больницы. Сюзанна Сперджен содержала на свои средства нянечку-христианку, и такие нянечки, находившиеся на содержании церкви Табернакл, посылались на служение там, где в них была нужда.

Временами церковным зданием пользовались и посторонние организации. Это прекрасное здание часто предоставлялось для проведения торжеств Библейскому обществу, Союзу баптистов, некоторым миссионерским обществам и другим подобным организациям.

Очень часто при Табернакл устраивался прием пищи. До того, как было построено здание колледжа, здесь обедали студенты, а во время пасторских конференций и ежегодных собраний различных организаций для них также обеспечивалось питание, — иногда три раза в день. Ввиду этого, сюда часто прибывали повозки с продуктами, и нужно было делать большую работу, чтобы приготовить, обслужить, помыть посуду и пр. Раз в году тысяча шестьсот членов Христианской ассоциации мясников собирались здесь на свою конференцию. Когда читаешь о том, как они ужинали ростбифом, то удивляешься, как же они умудрялись готовить такое огромное количество мяса, — то ли брали с собой уже готовое, то ли жарили его на кухне Табернакл. Но, как бы там ни было, после съедения мяса они проводили весьма вдохновляющее собрание, где были и проповеди, и личные свидетельства.

Когда в 1898 году здание сгорело от пожара, огонь начался от кухонного дымохода, который раскалился во время приготовления еды для конференции.

Хотя в церковных записях и не упоминается об этом, но поддержание чистоты и

порядка в здании тоже требовало немалых трудов. Сперджен желал, чтобы в деле Господнем все делалось наилучшим образом, и потому не допускал никакого проявления халатности. Сперджен организовал для студентов участие в хозяйственных работах в свободное от учебы время, весьма возможно, что часть студентов выполняла обязанности по уборке помещения.

Занятия воскресной школы проходили в послеобеденное время. Примерно сто преподавателей проводили кипучую работу с детьми, которых было больше тысячи. Многие из учителей были поистине преданы своему делу, но мы упомянем здесь только одного из них.

Еще в те дни, когда Сперджен только прибыл в Лондон, миссис Лавиния Бартлетт взяла в церкви на Нью-Парк Стрит класс девочек, состоявший всего из трех человек. Под ее руководством класс стал расти, и через десять лет у нее было уже 500, а потом 700 и более учениц. Когда диаконы или пресвитеры в беседе с новообращенными женщинами не были уверены насчет их спасения, они советовали им "посещать занятия в классе миссис Бартлетт". К тому моменту, когда миссис Бартлетт ушла в небесный дом в 1875 году, около 1000 ее учениц пришли к Господу. Сперджен говорил о ней:

Целью ее работы с ученицами было приведение их ко Христу. Она добивалась этого искренне, и спасение душ было для нее жизненной реальностью. Она откровенно говорила о капризах, слабостях и искушениях, присущих ее полу и в то же время принимала близко к сердцу беды, испытания и грехи, о которых рассказывали ее ученицы. Ее уроки не сводились к пересказу историй или цитированию

художественной литературы, но она обращалась непосредственно к сердцам своих слушательниц во имя Господа и предлагала покориться Ему.

Другие классы воскресной школы были не столь многочисленны, как класс миссис Бартлетт, но приобретение душ было главной характеристикой для всей школы.

В послеобеденные и вечерние часы воскресных дней множество членов церкви Табернакл были заняты на деле Господнем в других местах. Некоторые помогали студентам колледжа, выезжавшим на посещение в ту или другую местность. Некоторые трудились в трущобах и бедных районах города. Например, студент вместе с помощником из церкви регулярно посещал ночлежки, где царила ужасная нищета, зло и несчастье, или проводили собрание в комнатах, где царил зловоние и было полно насекомых-паразитов. Они возвращались оттуда, пропахшие смрадом, но с радостью в сердце, вызванной возможностью свидетельствовать о Христе этим бедным душам.

Сперджен поощрял своих членов ходить в воскресные дни по домам и нести людям Евангелие. За время своего служения он довольно часто готовил группу своих членов для того, чтобы они оставили Табернакл и образовали новую церковь. Зачастую кто-нибудь из видных братьев, членов церкви Табернакл, выходили вместе с ними и становились руководителями новой церкви. Одним из таких братьев был Дж. Данн. Некоторое время мистер Данн был помощником Сперджена, посещал членов церкви и выполнял секретарские обязанности. Но в 1869 году, с благословения Сперджена, он начал трудиться на новом месте в бедняцком районе.

Молитвенным домом служил старый деревянный сарай, и он начал образовывать

церковь с двух мальчиков, которых пригласил с улицы и посадил на вычищенные деревянные скамейки. Источником света была свечка, вставленная в носик чайника. Район был заселен большей частью заготовщиками рыбных продуктов, которым помогали в работе их дети. Молитвенный дом был таким низким, что Сперджен часто называл комнату для богослужения "калькуттской черной дырой" (известный карцер в Калькутте, где было только два маленьких окошка для воздуха и света). Многие дети, посещавшие воскресную школу, были далеки от того, чтобы их назвать чистыми, а воздух был таким тяжелым, что учительниц часто приходилось выводить на улицу, чтобы привести в себя после обморока.

И все же мистер Данн продолжал свою работу. Он перенес миссию в другое здание, но там протекал потолок и крысы бегали прямо по полу. Тем не менее, несколько его учеников обратились и приняли крещение в Метрополитен Табернакл, а затем сами стали учителями воскресной школы. Одни из них научились проповедовать под открытым небом, а другие закончили спердженский колледж и стали служителями церкви. В 1874 году миссию Данна посещали по воскресеньям 500 детей и подростков, с которыми занимались 50 учителей.

Несмотря на множество работы в миссии, Дж. Данн продолжал нести пресвитерское служение в Табернакл. Он посещал вечерние собрания Табернакл по вторникам и четвергам, а также утренние по воскресеньям. Но как минимум два или три вечера на неделе, а также начиная после обеда — в воскресенье, он был занят работой своей миссии. Можно себе представить, насколько занятым был этот человек, выполняя свои церковные обязанности, да еще и зарабатывая деньги на проживание.

Впрочем, такое отношение к делу было характерным для всех диаконов и пресвитеров церкви Табернакл. Некоторые из них тоже занимались деятельностью такого рода. Вильям Олни, которого Сперджен называл "отец Олни", был главным помощником Сперджена вплоть до своей смерти в 1879 году, но его дело продолжили четверо его сыновей. Вильям-младший начал проводить собрания Христианского клуба для мужчин в Бермоундси, — районе, намного лучше, чем тот, где трудился мистер Данн, — а в качестве своих помощников он приглашал братьев из Табернакл. Он проповедовал здесь по воскресным вечерам, трудился на открытом воздухе, раздавал трактаты и проводил еженедельные молитвенные собрания. Спустя десять лет его деятельность так разрослась, что в том районе построили прекрасный новый дом, который был назван в честь среднего имени Сперджена "Хаддон Холл". Так же, как и Данн, Олни оставался при этом диаконом церкви Табернакл и прекрасно справлялся со своими церковными обязанностями.

Похоже, что каждый служитель церкви Табернакл был вовлечен в какой-то дополнительный труд. Каждый преподаватель колледжа был в то же время и пастором какой-либо церкви и находил время для выполнения той и другой работы. Джеймс Сперджен нес труд помощника пастора при Табернакл, но он также начал трудиться в лондонском пригороде Кройдоне, и, благодаря его служению, там была создана церковь в несколько сотен человек.

Очень много можно было бы рассказать о труде и о двойном труде, совершаемом рядовыми членами церкви Табернакл. По словам Сперджена, Табернакл представляла собой пчелиный улей, и для подавляющего большинства ее членов быть членом церкви значило вести весьма активный образ жизни.

Во всех этих начинаниях Сперджен был главным зачинщиком. Он сам был так занят работой, что трудно даже оценить ее объем. Кое-какие представления о его пунктуальности и кипучей деятельности можно извлечь из репортажа одного американского журналиста, посетившего Пасторский колледж. Вот что он пишет:

Хотя мы нанесли визит совершенно неожиданно, каждый был на своем посту, и весь сложный церковный механизм работал без сбоев. Мы открыли одну дверь и увидели, как тридцать или сорок молодых людей совершали Вечерю Господню. Открыли другую — и увидели, как какая-то пожилая женщина в окружении примерно двадцати взрослых девушек вела с ними Библейский класс.

В просторных залах цокольного этажа накрывались столы на тысячу шестьсот человек, потому что вечером должна была состояться ежегодная конференция. Секретарь с двумя помощниками занимались делами почтовой переписки.

В одной из комнат сидел человек, заваленный книгами, — он отвечал за работу книгонош, а в другой комнате другой человек упаковывал книги в коробки, которые затем рассылались бывшим студентам, которые теперь стали пасторами церквей где-то в далеких краях.

Моим доброжелательным путеводителем по всему этому лабиринту был человек, на плечах которого лежало бремя ответственности за все, — это тот человек, которого мы склонны считать всего лишь проповедником по воскресным дням! Я не удержался от возгласа: "Мистер Сперджен, да Вы здесь как папа римский!" Он ответил: "Да,

это так, хотя я не претендую на непогрешимость. У нас на самом деле демократический строй, но с изрядной долей конституционной монархии".

Диакон Олни в своей речи на юбилее Сперджена в 1884 году заявил, что число членов церкви Табернакл, которые по воскресным вечерам вели собрания в других местах, достигало, как минимум, тысячи человек. Факт этот сам по себе удивителен, но еще более удивительно то, что, начиная с 1870 года, Сперджен просил своих членов раз в три месяца не приходить на вечерние воскресные собрания, чтобы неверующие могли прийти послушать проповедь Евангелия. В такие дни народу приходило больше, чем обычно, потому что тысячи людей, не знающих Господа, понимали, что для них это, может быть, единственный шанс попасть на собрание, и потому старались его не упустить. Для Сперджена не было большей радости, чем проповедовать столь великому множеству людей, имеющих духовную нужду, и такого рода собрания — сами по себе редкий случай в христианской истории — были местом, где многие уверовали во Христа и впоследствии были крещены.

Большая часть членов церкви Табернакл были жителями той части Лондона, что пролегает к югу от Темзы. Подавляющее их большинство не только проживало, но и работало в этом большом районе. К примеру, были те, кто работал на заводе сэра Генри Доултона, выпускавшем известные фаянсовые и фарфоровые изделия. Завод располагался в том районе. Сэр Генри Доултон был ревностным христианином и регулярно посещал собрания Сперджена. У него работало много людей из церкви Табернакл.

Люди любили свою церковь и с радостью в ней трудились. Во многих церквях служение было скучным, но только не в этой большой церкви. С великим удовольствием люди оставляли свою повседневную суету и шли в дом Господний по воскресеньям на утренние и вечерние собрания, а также, как минимум, на два собрания среди недели, где их сердца получали вдохновение, разум наполнялся познанием и души обретали новые силы. Многие женщины приходили сюда также в различное время дня, чтобы готовить пищу или шить одежду для воспитанников приюта, многие молодые люди приходили в Табернакл вечером, чтобы получить образование или обогатиться опытом работы на ниве Господней.

Для сотен людей Табернакл была центром их жизни. Проповеди, которые они здесь слышали, преображали их личную и семейную жизнь, спасали от греха и давали новые желания и новую радость. Они любили и это место, и особенно этого человека, которого Бог употребил, чтобы все это воплотилось в жизнь.

Десять лет грандиозного служения

Во времена Сперджена лондонские улицы освещались газом, но каждый фонарь зажигался фонарщиком. Именно об этом Сперджен писал в одной из своих заметок.

Однажды поздней осенью в четверг я возвращался домой после визита, который был назначен в Даличе, и мне надо было подниматься вверх по склону холма Герн Хилл.

Наконец я был у крутого подъема вверх.

Находясь внизу, я ехал на повозке и видел впереди себя огни фонарей и, подъезжая ближе к холму, обратил внимание на то, как фонари постепенно зажигались по дороге, ведущей вверх, оставляя за собой как бы звездный след. Этот след, образованный из появлявшихся новых звезд, сливался в один сплошной огонь, который простирался от подножия холма до самой его вершины.

Я не видел человека, зажигавшего фонари. Я не знаю ни его имени, ни возраста, ни места жительства. Но зато я видел фонари, которые он зажег, и эти фонари оставались гореть даже тогда, когда человек оттуда ушел.

Я ехал и размышлял по дороге: "Как сильно я желал бы, чтобы моя жизнь была потрачена на то, чтобы зажигать души — одну за другой — священным огнем вечной жизни! Я хотел бы оставаться, по возможности, незамеченным, делая это, и хотел бы раствориться в вечном свете небесном, когда закончу свою работу.

Сперджен в ранние годы.

В период между 1875 и 1885 годами служение Сперджена достигло тех вершин, к которым оно до этого еще никогда не поднималось. Хотя и до этого то семя, которое он посеял в Лондоне, приносило большой урожай, но в эти годы Бог

благословил Сперджена так, что плоды его трудов были обильными, богатыми и устойчивыми, как никогда раньше.

К этому времени манера проповеди Сперджена претерпела кое-какие изменения. На протяжении первых лет по прибытии в Лондон он был полон физических и духовных сил, и это отражалось на том, как он проповедовал. Его движения на платформе были полны неистощимой энергии, он часто любил сгущать краски в своей речи и употреблял разные приемы красноречия. При этом он выглядел очень естественно, и в целом для его проповеди была характерна необыкновенная энергичность.

Но с годами стиль его проповеди изменился. По мере того, как он сам возрастал духовно, к нему приходило все большее желание вместе с Павлом сказать: "Мы проповедуем не себя, но Христа Иисуса, Господа". Он стал еще более тщательно следить за тем, чтобы каким-либо ораторским приемом или особо впечатляющим выражением не привлечь внимание к самому себе и, таким образом, не затмить перед своими слушателями Христа. Начиная с 1875 года он предпринял еще одну попытку отвлечь внимание слушателей от своей личности как проповедника, и стал употреблять более разговорный стиль речи, без большого повышения интонации в течение всей проповеди. Таким образом, он желал избежать всего того, что выглядело бы как человеческое ораторское искусство. Он молился о том, чтобы ему во время проповеди быть спрятанным за крестом и чтобы грешники думали не о нем, а взирали на Спасителя.

Суть его проповеди, тем не менее, оставалась прежней, а его ревность стала еще горячее. Какой бы текст для проповеди он ни избирал, он всегда провозглашал

великие фундаментальные основы веры. Горя сердцем, он убеждал людей примириться с Богом.

В результате такого подхода к проповеди люди были охвачены чувством еще большей реальности божественной истины. Еще большее число людей приходило к нему по вторникам, чтобы найти путь ко Христу или рассказать о том, как они нашли Его. Большинство из них представляли со своим свидетельством перед церковью по вторникам и четвергам вечером и были крещены в воскресные дни. Благодаря такому постоянному притоку людей, численность членов церкви достигла более 5 000 человек, и, таким образом, Табернакл стала на долгие годы самой большой баптистской церковью в мире.

В течение всего этого периода, однако, Сперджен и его жена довольно много болели. Миссис Сперджен чувствовала себя бодро и ее здоровье несколько улучшилось, благодаря работе в книжном фонде. Но бывали времена, когда целыми днями и неделями она была настолько больна, что не могла работать, и снова становилась наполовину инвалидом.

Сперджену также приходилось часто ложиться в постель из-за болезни. За весь рассматриваемый нами период он часто подвергался приступам подагры и страдал от невыносимой боли и сопутствующей депрессии. В 1879 году у него случился срыв здоровья из-за перегрузки работой, так что ему пришлось отсутствовать в Табернакл пять месяцев.

Теперь он стал относиться к своему здоровью более бережно, чем раньше. Каждое

лето он уезжал на две недели в Шотландию, где гостил у состоятельного и весьма ревностного христианина Джеймса Данкена, жившего в Бенмор Касл. А практически каждую зиму он проводил месяц или полтора в Ментоне на юге Франции, и это время отсутствия в сырой и влажной Англии прекрасно восстанавливало его здоровье и бодрость духа, столь необходимые для работы в оставшееся время года.

Итак, в целом, говоря о Сперджене в этот период, — а фактически, в оставшиеся годы его жизни, — мы должны признать, что он весьма редко бывал в хорошем состоянии здоровья, и его работа часто омрачалась болезнью с продолжительными приступами боли.

Во время этих десяти лет в жизни Сперджена произошло несколько особых событий.

Первым таким событием был приезд в Лондон американского евангелиста Д.Л. Муди. Начиная свое служение, Муди был в большой мере вдохновлен успешным служением Сперджена, и приезжал в Англию, чтобы послушать его проповеди. Позже, в 1873 году, он приехал в Британию вместе со своим музыкальным директором Айра Сэнки и организовал серию евангелизационных выступлений в Шотландии и Англии. Во время пребывания в Глазго Сперджен написал Муди письмо с просьбой, когда он будет в Лондоне, проповедовать в его церкви. Муди написал Сперджену ответ, где были такие слова:

Что касается визита в Табернакл, то я считаю для себя такое приглашение за великую честь. На самом деле, я счел бы за честь для себя даже почистить твои башмаки, но проповедовать твоим людям было бы чем-то большим, чем я заслуживаю.

Если они не обратились к Богу после твоей проповеди, то "даже если кто и из мертвых воскреснет, не поверят".

Искренне любящий тебя

Д.Л. Муди.

В 1875 году Муди организовал большую евангелизационную кампанию в Лондоне. Здесь он вместе с Сэнки был подвергнут сильной критике, особенно их обвиняли в фанатизме, и Сперджен выступил в их защиту. В своей речи на собрании Библейского общества, где присутствовал также архиепископ Кентерберийский, он категорически отрицал наличие какого бы то ни было фанатизма в служении этих двух евангелистов. Выступая на другом собрании, он сказал:

Мы рады тому, что наши друзья прибыли в Лондон, потому что они умеют тем или иным способом привлекать внимание массового слушателя. Наши друзья могут завлечь внимание масс и проповедовать им Евангелие. То, что они делают, не отличается чем-то особым от того, что делает большинство других евангелистов. Однако я хочу подчеркнуть, что когда мистер Муди проповедует, то он знает, о чем он говорит, и когда мистер Сэнки поет, то он знает, о чем он поет. Я никогда еще не встречал людей, которые делали бы свое дело более серьезно, чем они.

Муди был поглощен трудом во время евангелизации в Лондоне, и после того, как Сперджен проповедовал на одном из его собраний, Муди написал ему:

Дорогой Сперджен,

Десять тысяч раз спасибо тебе за твою помощь вчера вечером. Ты принес нам большое ободрение. Я желал бы, чтобы ты приносил его, по возможности, каждый вечер в продолжение последующих шестидесяти дней. Очень мало тех, кого можно было бы привлечь к работе в будние вечера, а я хотел бы проводить собрания без перебоев, как в восточной, так и в западной части Лондона в одно и то же время. Мне одному очень тяжело говорить дважды в один и тот же вечер... Сделай все, что можешь, для пользы дела, и мы увидим благословенные результаты.

Очень спешу,

Искренне твой,

Д.Л. Муди.

В 1881 году Муди приехал в Англию еще раз, и Сперджен, который был в то время в Ментоне, написал ему письмо с просьбой проповедовать в воскресенье в Табернакл.

Муди ответил:

Дорогой мистер Сперджен,

У меня на руках твое письмо, и в ответ на него позволь мне сказать, что я благодарен за твое сердечное приглашение. Оно глубоко коснулось моего сердца. В течение многих лет я думал о тебе больше, чем о ком-либо другом из всех

проповедников Евангелия, и, по правде говоря, я буду чувствовать себя неловко, заняв твое место за кафедрой. Ни в одной другой церкви по всей Англии я не чувствовал себя так неловко, как в твоей, — и не потому, что твои люди не восприняли бы Евангелие из моих уст, а потому, что ты можешь сделать это намного лучше, чем я.

Благодарю тебя за приглашение, я буду в твоей прекрасной церкви 20 ноября. Не желал ли бы ты, чтобы пением руководил мистер Сэнки, или пусть этим занимается твой регент? Передай мое приветствие твоей любезной жене, и прими еще раз мою благодарность за твое ободряющее письмо.

Искренне твой,

Д.Л. Муди.

Муди и Сперджен не во всем были согласны между собой в вопросах вероучения, но они были одного духа в главных принципах христианской веры, уважали друг друга, ободряли и помогали друг другу всеми возможными средствами.

В 1878 году Сперджен получил приглашение посетить Канаду. Но, как и в случаях приглашения в Америку, — а он получил оттуда не менее пяти приглашений, — у него не было ни времени, ни здоровья на это, и потому он написал им вежливый отказ. Хотелось бы думать, что у Сперджена все же была возможность съездить в Америку. Мы можем себе вообразить, что он посетил бы Муди в Чикаго и проповедовал бы в его церкви и, может быть, повторил бы в его институте "Лекции для моих

студентов".

Хотя Сперджен и не посетил Америку, зато его брат Джеймс в 1879 году провел около двух месяцев в Соединенных Штатах и Канаде. Он посетил со своей женой Нью-Йорк и Буффало, и на них произвело сильное впечатление индустриальное развитие страны. По дороге в Канаду они остановились посмотреть Ниагарский водопад, затем поехали в Торонто и Монреаль, а также в несколько менее заметных городов. Джеймс часто проповедовал в этих местах, и люди ценили его проповеди очень высоко.

Второе особое событие этих лет произошло в 1879 году — это был юбилей 25 летнего служения Сперджена в Лондоне.

Он хотел, чтобы эта дата прошла незамеченной, но его люди усматривали в этом возможность признания его заслуг и выражения благодарности со своей стороны. Дьяконы организовали два вечера, посвященные памяти его трудов и благодарению Богу за его служение. Церковь выразила свою радость преподнесением ему большой суммы денег, — 6 476 фунтов, — подчеркивая, что эти деньги предназначены для его личного пользования. Но он тут же отдал их на поддержание своих учреждений, а в благодарность церкви сказал:

Некоторые церкви имеют один венец, некоторые — другой; а наш венец, по милости Божьей, состоит в том, что нищим проповедуется Евангелие, души спасаются и прославляется Христос. О моя дорогая церковь, держи крепко то, что имеешь!.. Что же касается меня, то, с Божьей помощью, самое первое и самое последнее, чего я

страстно желаю, — это приводить людей ко Христу. Меня не волнует ни утонченный язык, ни детальные исследования пророчеств, ни изысканность манер, но сокрушать сердца и перевязывать их раны, искать заблудших Христовых овец и возвращать их в стадо, — вот то единственное дело, для которого я желал бы жить.

Вершиной наших благословений я считаю то, что, по моим приблизительным подсчетам, за время моего пребывания среди вас к церкви присоединилось более девяти тысяч душ. Если бы они были сегодня живы и присутствовали среди нас, то это было бы поистине грандиозное собрание!

Я намерен и дальше делать то, что уже делаю: любить вас от всего сердца, а также любить моего Господа, поскольку Его благодать даст мне сил. Я намерен и дальше продолжать проповедовать Иисуса и Его Евангелие, и вы можете быть уверены, что я не буду проповедовать ничего другого, ибо по мне — если не проповедовать Христа, то лучше вообще ничего не проповедовать. Я вложил в это дело всю свою жизнь, и если убрать из него Иисуса, то развалится и все дело. Он является сущностью моего служения, Он для меня все во всем.

Слова о том, что он потеряет все, если потеряет Христа, были вызваны тем, что многие проповедники стали увлекаться модернизмом, то есть неверием во Христа. Сперджен обнаружил эту болезнь на ранней стадии и осмелился встать на защиту великих Библейских истин. Его принципиальной позицией в борьбе с модернизмом было то, что, по его мнению, всякий, кто не веровал в божественность Христа, отрекался от христианства и не имел никакого права называться верующим.

В 1880 году семья Спердженов переехала на новое место жительства. Друзья уже давно убеждали Сперджена, что из-за его ревматического состояния и плохого здоровья жены ему следовало жить за пределами города на более высоком месте, чтобы не подвергаться воздействию лондонской сырости и частых туманов. К тому же район Найтингейл Лейн, где они жили уже двадцать два года, превратился в промышленный район. Кроме ухудшения жизненных условий, это влекло также и рост цен на проживание в этом районе.

Сперджен решил прислушаться к совету друзей и стал присматриваться к объявлениям о продаже жилья. Его внимание привлекло одно предложение о продаже имения в пригороде к югу от Лондона, которое располагалось на возвышенности под названием Бьюла Хилл. Друзья сочли это место идеальным вариантом для Сперджена и его жены, а сам он сказал, что это было бы для него вершиной его мечты. Между тем нашелся покупатель на собственность Сперджена в Найтингейл Лейн, который предложил очень хорошую плату. Этих денег оказалось почти достаточно для покупки имения в Бьюла Хилл, и Сперджен купил его, уповая на то, что Сам Господь указал ему путь.

Новое имение занимало площадь в девять акров (примерно 3,5 га) и называлось Вествуд. Здесь было много деревьев, цветов и кустарника, рос сад, имелась конюшня и выгон для скота. Дом был выстроен в типичном викторианском аристократическом стиле. Сперджен тут же занял гостиную под свою библиотеку, а бильярдную с большим окном — под кабинет. Окружающий ландшафт был тихим и спокойным, с прекрасным видом на южные поля Торнтон Хит, так что уставший человек мог всегда найти здесь приятных отдых.

Правда, нашлись и те, кто поднимал шумиху вокруг покупки. Ходили преувеличенные слухи об этом доме и усадьбе, говорили, что Сперджен живет в поместье, которое годилось бы для принца. Так, например, о маленьком декоративном бассейне, находившемся в усадьбе, говорили как о целом озере, а некий американский проповедник, вернувшись домой из Лондона, сравнил имение Сперджена с Букингемским дворцом.

Но для Сперджена это имение было не только домом, но и местом напряженной работы. Каждое утро сюда приезжали два секретаря, и один из них, Дж. Киз, начинал распечатывать огромную кипу конвертов с письмами, приходившими на имя Сперджена каждый день. Другой секретарь, Дж. Харрард, помогал Сперджену в его издательской деятельности, организовывал график посещений и определял, кому из желающих встретиться со Спердженом стоило уделить время.

Здесь каждый понедельник подготавливалась к печати очередная проповедь, что требовало большого напряжения внимания. Здесь же ежемесячно редактировался журнал "Суорд энд трауэл", в связи с чем помощник редактора Холден Пайк проводил в Вествуде многие дни. Здесь же был и главный офис книжного фонда, где у миссис Сперджен была комната, заваленная книгами, здесь она отвечала на письма, а ее помощники упаковывали и рассылали книги для неимущих пасторов.

Кроме всего прочего, здесь Сперджен был занят своими многочисленными делами. Его библиотека насчитывала 12000 томов, и каждый месяц он просматривал десять или двенадцать из них для своих статей. Кроме многочисленных книг, которые он написал, ему приходилось писать еженедельно примерно 500 писем. Учитывая то, что

их надо было писать от руки пером и чернилами, можно хотя бы немного оценить затраченный на это труд. Мы не сомневаемся в том, что если бы в то время существовал телефон, то он использовался бы весьма интенсивно. Телефон избавил бы Сперджена от написания множества мелких записок по поводу посещения других церквей, работы церковных учреждений и публикации его изданий. Правда, телефон потребовал бы наличия круглосуточного оператора, который отвечал бы на бесчисленные звонки и решал, кого следовало соединять со Спердженем лично.

Вествуд, несомненно, был не только прекрасным местом, но также и весьма полезным. Здесь был дом Сперджена до конца его земного пути, где бремя его трудов несколько облегчалось, и это позволяло ему выполнять намного больше работы, чем если бы он жил в других условиях.

Четвертым особым событием в жизни Сперджена и его жены в эти годы было празднование их серебряной свадьбы. Эта дата выпадала на 8 января 1881 года. Сперджен не смог приехать в Табернакл по состоянию здоровья, хотя этого желали диаконы, и поэтому данное событие не отмечалось на специальном собрании в церкви. Зато диаконы и несколько близких друзей провели этот вечер со Спердженами в Вествуде, наслаждаясь радостным общением.

Еще одно событие, достойное упоминания, произошло спустя три года. Это был день пятидесятилетия Сперджена. Он выпал на 19 июня 1884 года, и друзья решили назвать этот день юбилеем.

В начале своего юбилейного года Сперджен находился в Ментоне. Он был слишком

слаб, чтобы вернуться в Англию в желаемый срок, и потому 10 января написал своей церкви следующее письмо:

Дорогие друзья,

Я связан по рукам и ногам, и не могу ни подняться с постели, ни найти в ней покой. Меня мучают ревматические боли и радикулит, простреливает спина, и все это я ощущаю крайне остро. Когда я пытаюсь чуть-чуть повернуться на правый или на левый бок, то тут же чувствую, что живу в теле, способном причинять мне самые жестокие страдания.

Через две недели он вернулся домой, участвовал в воскресном служении в Табернакл, а затем опять слег. На этот раз он писал: "Моя проблема заключается в том, чтобы подняться на ноги в буквальном смысле. По всему видно, что мое физическое состояние крайне слабо. Тем не менее, Господь силен проявить во мне Свою духовную силу, и я верю, что Он ее проявит. Ваша великая любовь ко мне поможет мне встать на ноги, и я смогу снова стоять за кафедрой и свидетельствовать о верности Господа".

Мало-помалу его здоровье восстановилось, и он смог вернуться к своему служению.

В июне он был готов принять участие в юбилейных торжествах. 19-го июня он, начиная с обеда, сидел в своем пасторском кабинете и приветствовал многочисленных посетителей. Вечером Табернакл была наполнена людьми, и диаконы от имени церкви возблагодарили Бога за Сперджена и за его служение. С краткими приветствиями выступили также и другие служители, в числе которых были отец

Сперджена, его брат Джеймс и сын Чарльз. Особой радостью для Сперджена и всех собравшихся было присутствие Сюзанны Сперджен, которая не могла приходить в церковь уже несколько лет, но теперь ее здоровье поправилось настолько, что она смогла посетить это историческое собрание.

Д.Л. Муди также выступал в этот вечер, и ниже мы приводим часть его речи:

Брат Сперджен сказал на этом вечере, что он не может сдержать слез. Я попытался удержать его слезы, но не слишком много в этом преуспел...

Двадцать пять лет назад, после обращения, я прочел о молодом человеке, проповедующем в Лондоне с большой силой. Тогда мной овладело желание услышать его, хотя я еще даже не подозревал, что когда-нибудь сам стану проповедником. Я стал перечитывать все его проповеди, которые выходили в печати...

В 1867 году я пересек океан, хотя мне пришлось все четырнадцать дней страдать морской болезнью. И первым местом, куда я пришел, был этот дом. Мне сказали, что сюда нельзя войти без билета, но я решил пройти во что бы то ни стало, и я сумел это сделать. Я хорошо помню то место, на котором я тогда сидел, и я желал бы взять его с собой домой, в Америку. Когда ваш дорогой пастор выходил на платформу, я буквально впивался в него глазами...

В тот год он как раз проповедовал в Сельскохозяйственном зале. Я тоже пошел в этот зал, чтобы послушать вашего пастора, и после этого вернулся в Америку лучшим человеком, чем был раньше... Находясь в Англии, я буквально следовал по

пятам за мистером Спердженем, и когда дома меня спрашивали, посещал ли я тот или другой кафедральный собор, я отвечал "Нет, я не имею о них никакого понятия", зато я мог рассказать о тех собраниях, на которых слушал проповеди Сперджена.

В 1872 году я решил, что должен приехать сюда опять, чтобы кое-чему поучиться. И я снова сидел в этом зале в числе слушающих. С тех пор я бывал здесь много раз, и никогда не выходил из этого дома, не получив благословений для моей души.

По-моему, тот человек, которого мы чтим сегодня, так же полон сил, как и всегда. Когда я смотрю на этих сирот из приюта, когда я думаю о шестистах служителях Божьих, вышедших из Колледжа, о 1500 или 2000 проповедей, произнесенных на этой кафедре и печатающихся вокруг земного шара, о множестве книг, вышедших из-под пера вашего пастора, то я от души желаю ему еще больших успехов в этих добрых делах.

Но позвольте мне сказать вам, что если Бог может употребить брата Сперджена, то почему Он не может употребить и нас всех и почему бы нам не пасть к ногам Господа и не сказать Ему: "Пошли меня! Употреби меня!"?

Брат Сперджен, да благословит тебя Господь! Я знаю, что ты любишь меня, но уверяю тебя, что я люблю тебя в тысячу раз сильнее, чем ты любишь меня, потому что ты был для меня таким великим благословением!.. Может быть, мы никогда больше не увидимся в теле, но, по милости Божьей, я встречу тебя в ином мире...

Все дела у Сперджена шли своим обычным чередом и везде был виден успех.

"Все вырастает и требует все большего и большего внимания", — так отозвался он о церкви Табернакл и обо всех видах ее служения. Один из биографов пишет:

"Духовная работа в церкви была как никогда успешной. За последний месяц 1880 года в члены церкви было принято больше 100 человек". Сперджен рассказывает, как однажды он находился в пасторском кабинете от двух до семи часов вечера и беседовал без передышки с желающими быть принятыми в церковь, которых было тридцать три человека. "Никогда, — говорил он, — у меня не было столь радостного времени!" По его предложению, 250 человек оставили Табернакл и основали новую церковь в Пекхеме. Были и другие подобные начинания. Пастор был всегда доволен, когда, по его словам, "такого рода батальон отделялся от главной армии, чтобы действовать самостоятельно в другом месте".

Несмотря на свой ревматизм, Сперджен много проповедовал за пределами Табернакл.

Однажды он проповедовал в Лидс, на севере Англии, и вот что писали об этом газеты. "Собралась такая толпа, что сотни людей не могли попасть в зал.

Популярность Сперджена была так велика, что объявление о его приезде заставило людей съехаться за многие мили, чтобы послушать его". А вот что писали газеты о собрании в Бристоле: "Вход в зал был, конечно же, по билетам, но толпа хлынула сквозь полицейский заслон и заняла места в зале. Желание во что бы то ни стало достать билеты вряд ли понятно для тех, кто не имеет понятия о необыкновенной популярности этого проповедника. Говорили, что за одно место предлагали даже 10 фунтов..."

Здесь мы привели лишь два из многих репортажей о разъездном служении Сперджена в

эти годы. С современной точки зрения, езда на поезде, лошади или в коляске была медленной и неудобной, и когда мы читаем отчеты секретаря о частых поездках Сперджена в другие города, то нельзя не удивляться тому, какой широкой была сфера служения этого больного ревматизмом человека. Даже во время своего летнего отпуска в Шотландии он не мог удержаться от проповеди, и говорил на склонах гор под открытым небом к собраниям в 10 000 и даже 15 000 человек.

Как мы уже говорили, Сперджен получил пять приглашений посетить Америку и одно — в Канаду. Получал он приглашение и из Австралии, но, как и в предыдущих случаях, ответил отказом. "Как я желал бы, чтобы можно было перелететь через океан и вернуться в течение месяца домой!.." — писал он, и его слова словно предвосхищают те возможности, которые дает современному человеку воздухоплавание.

К ноябрю каждого года Сперджен был настолько изнурен, что ему не оставалось ничего делать, как только уезжать в Ментон. Однажды перед отъездом он почувствовал во время вечерней проповеди такую слабость, что остановился и попросил спеть гимн, пока он придет в себя. Потом он продолжил проповедь, но с таким трудом, что на следующее утро по Лондону разошелся слух о том, что он умирает. Слух был ложным, но состояние его здоровья было ужасным, и на следующий день он отправился на юг.

Труд студентов Колледжа в эти годы был также отмечен необычайным успехом. Его ученики старались следовать методу Сперджена в том, чтобы, насколько это по-человечески возможно, крестить только тех, кто истинно рожден свыше. Тем не

менее, за двенадцать лет, предшествующих 1880 году, они крестили примерно 39 000 человек. По всей стране были основаны и умножались числом новые церкви. Два студента Колледжа, Кларк и Смит, были евангелистами и, по отчетам Сперджена, за один год провели 1 100 служений. Однажды во время шестинедельного пребывания Сперджена в Ментоне эти проповедники хорошо потрудились в церкви Табернакл, и когда Сперджен вернулся домой, то там было около 400 человек, обратившихся во время его отсутствия и ожидающих крещения.

Лорд Шафтсбери, председательствовавший на собрании в честь 50-летнего юбилея Сперджена, после прочтения списка 66-ти организаций, организованных Спердженем, сказал следующее:

Успех ни в коей мере не вскружил ему голову, но наоборот, придал больше скромности и воодушевил продолжать свои добрые дела на благо людям...

Я хочу вам сказать, что думаем о нем мы, люди со стороны. Только подумайте о том, какой невероятный список организаций мы сейчас выслушали! Этот список ясно показывает, каким великим административным талантом наделен наш друг. Всех этих организаций, которые возникли благодаря его гению и управляются под его попечением, было бы более чем достаточно, чтобы занять сердца и умы более чем пятидесяти обычных людей. Это похоже для меня на целый мир в миниатюре. Он опекает свой приют и различные другие учреждения, но я хочу обратить ваше внимание на то, что, по моему мнению, сияет ярче всего остального, — это основание и управление Пасторским колледжем. Мой уважаемый друг сумел дать миру великое множество мужей, приносящих пользу для своего поколения тем, что они

проповедуют Слово Божье во всей его силе и простоте... Ни один человек не смог создать такую славную когорту, способную и готовую совершать этот благородный труд, как это сделал наш друг, юбилей которого мы отмечаем сегодня.

В свою очередь, одна из Лондонских газет отметила растущую популярность деятельности Сперджена следующими словами:

У всех бывают превратности, перемены, поражения, несчастья. Но только у Сперджена все превратности случаются по причине неизменного роста его популярности. Нет сомнения, что и у него есть озабоченность, как и у других людей, но эта озабоченность имеет только одну причину: непрекращающийся рост.

Хотя все дела в церкви и церковных учреждениях Табернакл шли успешно, болезнь не давала Сперджену возможности бывать за кафедрой много воскресных дней в году. Он выражал по этому поводу сожаление своим диаконам и извинялся за долгое пребывание в Ментоне каждую зиму, но они выразили ему глубокую благодарность за то, что он мог быть в церкви хотя бы часть года. "Лучше ты будешь у нас шесть месяцев в году, чем кто-то другой все двенадцать!" В этих словах прекрасно выражены и его способности, и их высокая оценка, и процветание всего дела в церкви.

Личные качества

Чарльз Хаддон Сперджен был человеком весьма неординарным. Он был великим человеком, великим богословом, великим проповедником, великим в хождении перед Богом и великим во взаимоотношениях с людьми. Он был хорошо сведущ в тех трех вещах, которые, по словам Лютера, делают человека служителем, — это искушение, размышление и молитва. Кроме того, он также прошел школу глубоких страданий.

Джеймс Дуглас. "Король проповедников".

Такая яркая личность, как Сперджен, не могла не отличаться особенностями мыслей и действий, что выделяло его среди прочих людей. Нам следует обратить внимание на эти особенности, потому что таким образом мы получим лучшее понимание его великого характера.

Главной особенностью всей жизни Сперджена было его хождение перед Богом. Евангельские христиане помнят таких людей, как Дэвид Брейнерд, Генри Мартин, Джон Флетчер и Роберт Муррей Мак-Чейн за святость их жизни. Сперджен вполне заслуживает того, чтобы стоять в одном ряду с этими святыми людьми.

Можно вспомнить хотя бы его заявление о посвящении своей жизни Господу, которое он написал вскоре после своего обращения. В нем говорилось о полной отдаче Богу, и затем в дневнике он записывал, как это осуществлялось на практике. Читая эти записи, невозможно не увидеть прекрасную молодую жизнь в ее чистом и бескорыстном посвящении.

Мысль о посвящении была его главной движущей силой и по прибытии в Лондон. А потому, даже достигнув таких выдающихся успехов, какие приводили других к надмению, он оставался скромным и зачастую чувствовал себя совершенно сокрушенным перед Господом. Он учил своих прихожан молиться, достигая собственным примером намного лучших результатов, чем проповедью на тему о молитве. Люди слышали, как он молится с таким чувством реальной силы молитвы, что им становилось стыдно за то, что они сами всего лишь произносят слова молитвы, и затем, постепенно преодолев эту порочную привычку, они стали бороться в молитве, находясь в тесном общении с Богом так же, как это делал он.

Сперджен был человеком молитвы всю свою жизнь. Суть здесь не в том, что он проводил слишком долгое время в молитве, а в том, что он был весь пропитан духом общения с Богом. Один американский проповедник описывает пример такой молитвы.

Однажды летним днем мы вместе с ним ходили по пригородам Лондона, прогуливаясь под тенью деревьев. Так мы набрали на лежащее на земле бревно, и тут Сперджен обратился ко мне так естественно, как будто он был голоден и перед ним лежал хлеб: "Пойди сюда, давай помолимся вместе!" Он преклонил колени возле бревна и вознес душу к Богу в очень доверчивой, но в то же время благоговейной молитве.

Затем он поднялся с колен и продолжал путь, беседуя о разных вещах. Его молитва не выглядела как какая-то посторонняя вставка в разговор. Она была для его души чем-то столь же обычным, как дыхание для тела.

Другой американский проповедник, доктор Теодор Кайлер, тоже рассказывает о подобном случае. Однажды он прогуливался со Спердженем в лесу, разговаривая о "высоких материях", как вдруг Сперджен остановился и сказал: "Пойди сюда, Теодор, давай поблагодарим Бога за смех!" Таков был образ его жизни. "Расстояние от шутки до молитвы было у него не более толщины соломинки".

Вильям Вильямс, который после окончания Пасторского колледжа стал преуспевающим служителем, был частым компаньоном Сперджена. Он рассказывает:

Пожалуй, самым полезным временем, которое я провел в Вествуде, был час семейной молитвы. В шесть часов все обитатели дома собирались для молитвы в рабочий кабинет. Обычно Сперджен сам читал и объяснял Писание. И какими же удивительно полезными были эти простые и милые пояснения! Я особенно хорошо помню, как он читал из 24-й главы Евангелия от Луки: "И Сам Иисус, приблизившись, пошел с ними". Как славно он говорил о том, чтобы мы брали Иисуса с собой везде, куда бы мы ни ходили. Мы должны быть близки к Нему не только по особым случаям, но чтобы Он шел с нами всегда, какое бы дело мы ни предпринимали.

А затем следовала его молитва, полная нежных ходатайств, безмятежного доверия к Богу и всеобъемлющего сострадания. С каким трогательным доверием мог он беседовать со своим Божественным Учителем! Но, в то же время, каким благоговением были всегда наполнены его слова, обращенные к Господу. Его молитвы в церковном собрании были полны вдохновения и славословия, но молитвы в кругу семьи были для меня еще более удивительны. Они всегда поражали меня своей красотой. В ней были образы, символы, цитирование избранных мест Писания, — и

все это выражалось так непосредственно и естественно, что очаровывало разум и затрагивало сердце.

Преклоняясь со своей семьей на колени перед Богом, Сперджен выглядел еще величественнее, чем когда он стоял перед тысячами людей, очарованными его красноречием.

Эти слова заставляют нас задуматься над тем, какой величественной была молитва Сперджена в глазах тех, кому довелось ее слышать.

Этот человек, живший в постоянном общении с Богом, проявлял плоды Духа в своей повседневной жизни. Здесь всегда были и любовь, и радость, и мир, и долготерпение, и благость, и милосердие, и кротость, и воздержание, а заодно с ними — ненависть к их противоположностям — к любому проявлению греха.

Нарисованный нами образ Сперджена как святого человека абсолютно правдив. И то, что мы должны будем о нем сейчас сказать, многим покажется несовместимым со святостью. Но, тем не менее, это тоже правда, потому мы и должны о ней сказать. Мы имеем в виду то, что Сперджен курил и употреблял алкогольные напитки.

Неизвестно, когда он начал курить, но в те времена курение считалось полезным для здоровья. Так, например, Роберт Холл, известный проповедник баптистской церкви на улице Святого Андрея в Кембридже, начал курить по совету своего личного врача. А поскольку Сперджен жил в Кембридже и посещал его церковь, он, без всякого сомнения, был знаком с этим событием. Более того, многие служители

Англиканской и Шотландской церквей, а также во Франции и Голландии не только курили, но и не сомневались в том, что тут нет ничего плохого.

И, конечно же, Сперджен даже не думал скрывать то, что он курил. Один газетный репортер описывает, как он по дороге в Табернакл каждое утро "наслаждался своей утренней сигарой". Однажды утром, когда во время прогулки некоторые студенты закурили трубки и сигары, Сперджен сказал: "Как вам не стыдно курить в такую рань!" Те тут же прекратили курить, а он сам вытащил и закурил сигару, и все вместе от души посмеялись над этой маленькой шуткой. Этим он хотел показать, что курение его нисколько не смущает. Надо подчеркнуть, что он не видел в курении ничего плохого, а потому делал это открыто.

Но вдруг он получил неожиданный удар.

В 1874 году Джордж Пентекост, баптистский пастор из Америки, посетил Табернакл, и Сперджен пригласил его проповедовать на вечернем служении. Сначала Сперджен проповедовал "остро и ясно о необходимости оставить грех, чтобы преуспеть в молитве", причем он говорил о том, что у многих христиан проявляются кажущиеся пустяковыми маленькими привычки, которые мешают им пребывать в истинном общении с Богом.

Закончив проповедь, он предложил Пентекосту сказать слово, рассчитывая на то, что он предложит практическое применение той истины, которую только что излагал сам.

Вполне возможно, что доктор Пентекост не знал о том, что Сперджен курит. Но, как бы то ни было, он связал высказанную Спердженем истину с рассказом о том, как он бросил курить. Он говорил, что очень сильно любил курить наилучшие сигареты, какие только позволял его кошелек, однако потом понял, что эта привычка была вредной для христианина, и приложил усилия, чтобы ее бросить. Но привычка оказалась настолько сильной, что он стал ее рабом, и это продолжалось до тех пор, пока после долгой и мучительной борьбы он взял коробку с сигарами перед Господом, воззвал в отчаянии о помощи и одержал полную победу. В его словах звучала мысль, что курение не только порабощает, но что христианин должен рассматривать его как грех.

Наверное, еще никогда в жизни Сперджен не чувствовал себя так неловко, как в этот момент! Он поднялся и сказал:

Ну что же, дорогие друзья, — как вы знаете, некоторые люди делают во славу Божью то, что другие считают за грех. А потому, несмотря на то, что сказал брат Пентекост, я все равно намерен выкурить хорошую сигару во славу Божью сегодня перед отходом ко сну.

Если кто-нибудь покажет мне в Библии заповедь, гласящую "Не кури!", то я с удовольствием ее выполню, но пока что я не нашел такой заповеди. Я нашел там десять заповедей, и это как раз столько, сколько я могу выполнить, и я не желаю сделать из них одиннадцать или двенадцать заповедей. По сути дела, я говорил вам сегодня о подлинном грехе, а не об игре слов или о чем-то неопределенном... "Все, что не по вере, грех" — вот об этом, по сути дела, говорил и брат Пентекост. Да,

конечно, кто-то может счесть за грех и то, если у него сапоги начищены черным кремом. Тогда пусть он прекращает чистить их черным кремом и начинает белить известью. Я желаю сказать, что не считаю курение зазорным, и не думаю, что должен его стыдиться, а потому буду продолжать курить во славу Божию.

Выражение "сигара во славу Божию" распространилось по Англии молниеносно. Эти слова подхватила пресса, и в редакции газет стали приходить многие письма, некоторые с одобрением, но большинство с осуждением Сперджена за его курение. Ему не оставалось ничего делать, как попытаться оправдать себя, и в письме в газету "Дейли Телеграф" он написал:

Я курю вместе с тысячами моих друзей христиан, и вместе с ними подвергаюсь порицанию за то, что живу во грехе, если верить некоторым обвинителям. Но поскольку я не позволил бы себе сознательно допустить никакого нарушения закона Божьего, — а грех есть нарушение закона, — то я не считаю, что живу во грехе, когда у меня нет убеждения в том, что это грех... И если я чувствую облегчение сильной боли, если усталый мозг получает отдых, если у меня бывает спокойный освежающий сон благодаря выкуренной сигаре, — то я преисполнен благодарности Богу и благословляю Его имя. Именно это я и имел в виду в своих словах "сигара во славу Божию".

Среди разных дискуссионных материалов на эту тему особенно серьезным было одно открытое письмо, адресованное Сперджену и опубликованное в форме памфлета. Оно было написано в спокойном, но весьма убедительном тоне, и в нем говорилось, что Сперджен причиняет курением не пользу, а вред для своего здоровья. В письме

говорилось о том, какой дурной пример подает он для молодежи, и как трудно родителям уберечь своих детей от курения, когда они ссылаются на то, что и Сперджен курит!

Вильям Вильямс рассказывает, что в более поздние годы Сперджен отчасти воздерживался от курения, и иногда по несколько месяцев не брал в рот сигару. Может быть, это была с его стороны попытка доказать себе и людям, что он не является рабом привычки. Примерно за два года до смерти он, по-видимому, совсем бросил курить, возможно, после того, как понял, что курение не приносит для его здоровья той пользы, которую он ожидал. Но, как бы то ни было, многие из нас сегодня пожелали бы, чтобы он вообще не курил.

Довольно продолжительное время Сперджен также употреблял и алкогольные напитки.

В те времена трудно было достать хорошую питьевую воду, и, чтобы избежать заражения, большинство людей употребляли вместе с едой пиво. Этот обычай тянулся с незапамятных времен, и можно не сомневаться, что Сперджен приобщился к нему еще в детстве в доме у деда и у своих родителей, так что это было для него привычным делом. Известно, что по переселении в Лондон он употреблял такие напитки, как пиво, вино и бренди, правда, в очень умеренных дозах. Так же, как и курение, он и не думал скрывать то, что употребляет спиртное.

В 1863 году в Англию прибыл американский пропагандист трезвости Джон Гауф, который опубликовал резкую критику в адрес Сперджена по поводу употребления алкоголя. Очевидно, он несколько перестарался в своей критике, и Сперджен в

ответ написал статью в одном американском журнале. "Я всегда высоко ценил мистера Гауфа, как великого и хорошего человека... Я также считаю его джентльменом, и более того, — христианином, для которого вопросы религии намного важнее, чем вопросы трезвенности".

В 1871 году Гауф снова посетил Англию, и на этот раз более тщательно разузнал о Сперджене. Он узнал, что тот больше не употребляет алкоголь, и после посещения Сперджена на дому Гауф писал: "Я рад возможности сказать, что с некоторых пор, и в настоящее время, он вообще не употребляет спиртное, если же и принимает стимуляторы, то только по предписанию врача. В таких случаях он не скрывает, что проходит курс лечения, и говорит об этом открыто".

Может быть, Гауф несколько ошибался в точной дате изменения привычки Сперджена, но нам известно, что некоторые студенты колледжа были сильными противниками спиртного. Двое сыновей Сперджена тоже были трезвенниками, и, возможно, их отношение к спиртному повлияло на отца. Примерно в 1870-е годы Сперджен прекратил употреблять спиртное, а позже Гауф читал в Табернакл лекции против алкоголя и пропагандировал трезвенность.

В этих двух привычках мы видим человеческую сторону Сперджена, а именно то, что он был дитя своего времени. К тому же он был не одинок в этом отношении.

Например, Джон Весли воздерживался от чаепития, зато пил пиво. Приобщался к пиву и Чарльз Весли. Известен довольно нелепый случай, когда этот старый методистский воин в последние годы своей жизни перечислял издержки на напитки для гостей, посещавших музыкальные концерты его сыновей. То же самое допускал и Уитфилд. Мы

находим в его записях: "Передайте мою благодарность этому дружелюбному пивовару за бочонок рома, который он нам прислал".

Я рассказал вам об этих привычках Сперджена с большой неохотой. Они выглядят весьма прискорбно в жизни столь праведного человека, однако во имя христианской честности, а также ради исторической справедливости их невозможно опустить.

Но в жизни Сперджена было очень много того, что более достойно нашего упоминания, и об этом мы продолжим нашу речь.

Перейдем к описанию его внешности. Он совершенно не имел в себе величественной элегантности Эдварда Ирвинга, которого многие жители Лондона еще помнили в те времена, но был среднего роста и невзрачного телосложения. Ноги были несколько коротковаты, зато мощная грудная клетка отлично содействовала его ораторскому мастерству. Голова была большая, и о нем говорили, что он вовсе не похож на ангела. После тридцати лет он начал растить бороду, которая делала его внешний вид привлекательнее. Она также предохраняла его от сырости и холода, присущих английской зиме, и, кроме того, сэкономила время на бритье.

Его лицо было очень выразительным. Черты лица сами по себе казались несколько тяжеловатыми, но они озарялись его глазами, в уголках которых даже во время боли светилась неизменная улыбка. Один художник как-то взялся написать его портрет, но после четырех сеансов бросил затею и сказал: "Я не могу Вас нарисовать. Ваше лицо каждый день другое, Вы все время меняетесь".

Джеймс Дуглас, который хорошо знал Сперджена, дал ему такое описание:

Есть ли еще где-нибудь лицо, которое так полно могло бы выражать гениальность, дружелюбие и сердечное гостеприимство? Я не знаю другого человека, в котором все это сияло бы столь же ярко. Его приветствие было теплым, как лучи солнца... И какая бы ни была туча на душе или печаль на сердце, — все это улетучивалось от одного звука его приветствия. Его лицо излучало такой свет, от которого рассеивался всякий мрак. Я не знаю никакого другого человека, личность которого была бы столь же обаятельной и общение с которым превращалось бы в такое же обильное и разнообразное пиршество...

Он говорил с достоинством, и его голос обладал удивительным диапазоном и чистотой модуляции. Его речь была музыкой. Он был врожденным оратором, что было очевидно как по способу выражения мысли, так и по свободе речи. Ему не нужно было учиться ораторскому искусству, потому что он владел им от природы.

Его речь никогда не бывала набором слов или приятным звуком для ушей. Такой известный оратор, как Эдвард Ирвинг, часто погрешал в этом отношении. Сперджен никогда не говорил крикливым или напыщенным тоном. Раскрывая величие своей темы, он парил на высоте, не позволяя своим устами унижать священную истину. Если мысль была высокой, он выражал ее возвышенно, если она была простой, он придавал ей красоту.

Его широкий ум соответствовал широкому сердцу. Мозг этого поистине великого человека был всегда в полном порядке. Он легко и непринужденно выполнял такую

умственную работу, которую иные тщеславные люди с громкими именами ни за что не сделают, даже если напрягут все свои силы... Он мог на лету схватывать суть вещей, мог четко придерживаться темы и бросать в бой свои мысли, как хорошо обученные войска. Он никогда не "плавал". Все у него было организовано и упорядочено.

Сперджен любил животных. Первые годы по прибытии в Лондон он ездил на одноконной повозке, а после переселения в Вествуд, откуда было дальше добираться до Табернакл, завел двухконный экипаж. Лошади содержались в отличных условиях, и он в шутку говорил, что они находятся "под законом", потому что отдыхали каждую субботу. Самые строгие выражения, которые только можно найти в его трудах, были высказаны как раз в статье против жестокости по отношению к животным, где он с пламенным негодованием приводит примеры ужасного отношения к лошадям и собакам.

В Вествуде у него был улей с пчелами, и он с удовольствием ухаживал за ними, когда выдавалось время. Он восхищался организованностью пчелиной жизни в улье. Однажды на него набросилась целая стая пчел, но он успел убежать в дом и закрыться, не получив ни одного укуса.

После того, как в дом проник вор и украл трость с золотым набалдашником, подаренную Джоном Гауфом, Сперджен обзавелся собакой. Но это была не сторожевая собака, а просто маленькая собачонка из боксерской породы. В Вествудском пруду также водились золотые рыбки, которые подплывали к нему, когда он подходил к воде, чтобы поиграть с ними. К тому же, он приносил им их любимую еду, и это было для них особенно привлекательным занятием.

В течение приблизительно двадцати последних лет жизни Сперджен старался обеспечить для себя выходной день по средам. А временами у него были выходные и на половину недели. В такие дни он обычно брал с собой кого-нибудь из молодых пасторов, студентов колледжа или служителей — иногда кого-нибудь из американских пасторов, посещавших Лондон. Они одевались в простую одежду и выезжали на лошадях по тихим загородным дорогам к югу от Лондона, останавливаясь в какой-нибудь живописной гостинице на ланч или на ночлег. Иногда они оставляли лошадей в конюшне при гостинице и ходили пешком по лесу или находили укромное место, чтобы посидеть и полюбоваться делами рук Создателя в окружающей их природе.

Во время таких прогулок Сперджен старался не думать о бремени своей ответственности и становился душой компании, излучая веселье. Он рассказывал истории о деревнях и строениях в той местности, он знал названия деревьев и цветов, причем сразу на английском языке и на латыни, и мог говорить практически на любую тему подробно и воодушевленно. У архиепископа Кентерберийского в этих краях было большое поместье, и, с его разрешения, Сперджен пользовался им в любое время. После таких прогулок спутники Сперджена обычно говорили о них, как об одном из самых важных событий в своей жизни и рассказывали о Сперджене, как о самом обаятельном и радушном хозяине.

Мы не сможем до конца понять характер Сперджена, если не упомянем его необыкновенную участливость, которая делала его очень уязвимым.

Несмотря на шероховатость, присущую мужскому характеру, он был очень чутким

человеком и легко мог расплакаться. Он живо реагировал на всякие события в жизни и глубоко их чувствовал. Например, дважды случалось так, что он из-за своих переживаний молился всю ночь. Один из этих случаев носил глубоко личный характер, и о нем нет подробных воспоминаний, а другой случай произошел, когда его сын Том собрался уезжать в Австралию, в теплый климат, на новое место жительства. Сперджен надеялся, что в старости сыновья будут ему помогать, но теперь Том собрался уезжать в такую даль, и ему показалось, что он больше никогда его не увидит. В тот воскресный вечер он проповедовал на тему: "Анна, жена, скорбящая духом", а в последующие ночные часы усиленно молился, и только перед рассветом тихо смирился с отъездом сына.

Еще одна причина его уязвимости заключалась в том, что он боялся пересекать улицу во время бурного движения транспорта. В те дни улицы Лондона были заполнены лошадьми, повозками и каретами, и некоторые извозчики гнали лошадей во весь дух, не соблюдая никаких дорожных правил. Однажды Сперджен стоял среди этой давки и суматохи возле здания национального банка Англии и никак не мог осмелиться пересечь улицу. Вдруг к нему подошел слепой человек и попросил помочь перейти сквозь этот движущийся поток. Сперджен отозвался на просьбу слепого, и они вместе без вреда перешли улицу.

Сперджен не раз переживал тяжелую депрессию, которая отчасти была последствием подагры, но, конечно же, для этого были и другие причины.

К нему приходили разные люди, чтобы поделиться наболевшим и попросить совета. В их числе — сотни членов церкви Табернакл, и особенно студенты колледжа,

совершающие служение в разных местах. В обслуживаемых ими церквях возникали проблемы, которые надо было разрешать, принимая правильные решения. Они приходили к Сперджену, прежде всего чтобы выложить свою тяжесть, а также чтобы он помолился о них и помог мудрым советом. Один из лучших выпускников колледжа Джеймс Дуглас рассказывал, что когда он увидел, насколько Сперджен обременен этими нуждами, то дал зарок, что никогда не придет к нему со своими собственными. Однако ему все же пришлось прийти к нему за советом, и беседа принесла ему большое благословение и ободрение.

В то время как Сперджену приходилось выслушивать многочисленные жалобы от разных людей, у него самого не было такого человека, которому он мог бы высказать наболевшее. Поскольку Сюзанна часто болела, он, конечно же, не рассказывал ей обо всех своих трудностях. Созданный им огромный механизм — Табернакл и сопутствующие организации — надо было содержать в надлежащем порядке, а это доставалось слишком дорогой ценой. Правда, диаконы и пресвитеры по мере сил разделяли с ним ответственность, но очень многое зависело только от него, и очень часто ему приходилось нести этот груз в одиночку. Да, он полагался на Господа, но он также остро чувствовал на себе то бремя ответственности, которое не мог ни на кого переложить. Это порождало в нем тяжелые переживания, которые постепенно приводили к серьезной депрессии.

Вряд ли мы поймем те душевные страдания, которые он переживал в такие смутные времена. Боль души сопровождалась физическими мучениями от приступов подагры, и даже отчаянные молитвы к Богу не приносили ему облегчения. "В Замке отчаяния есть подземные казематы" — говорил он, и ему часто приходилось в них находиться.

Правда, эти тяжкие переживания имели благие последствия для его служения. Каждое воскресенье на собрание приходили сотни людей, которые в течение недели переживали многие трудности и теперь нуждались в добром слове и ободрении, и в церкви они находили человека, который мог им все это дать. Его голос часто дрожал из-за сочувствия к страждущим. Много раз во время проповеди он ощущал мучительную боль. Он знал, что такое страдание, поэтому его слова были полны сочувствия, которое окрыляло дух слушателей и наделяло их новыми силами, чтобы достойно встретить грядущие испытания.

Несмотря на периоды депрессии, Сперджен был очень жизнерадостным человеком. Вильям Вильямс, который часто общался с ним, пишет:

Юмор у Сперджена просто бьет ключом! Мне кажется, что в его компании я смеялся больше, чем во всех остальных случаях жизни. У него был поистине пленительный дар смеха, и притом он умел заставить смеяться всех, кто его слышал. Когда кто-то обвинял его в том, что он говорил смешное во время проповеди, он отвечал: "Этот человек не стал бы меня обвинять, если бы знал, сколько смешных историй я не рассказываю!"

Мы приводим ниже выдержку из его лекций, которая дает нам представление о его состоянии во время депрессии.

Братья, есть много мест в Писании, которые вы никогда не сможете понять, если их не истолкуют для вас те или другие испытания или переживание одиночества.

Однажды вечером я ехал домой после тяжелого рабочего дня. Я был изнурен и подавлен, но вдруг неожиданно мне на память пришел текст: "Довольно для тебя благодати Моей". Добравшись домой, я прочитал эти же слова в Библии, и тогда они зазвучали для меня следующим образом: "Моей благодати достаточно ДЛЯ ТЕБЯ!" Тогда я сказал: "Я согласен с этим, Господи!", — и разразился смехом. До этих пор мне был непонятен святой смех Авраама. А ведь на самом деле это был смех над неверием, как над чем-то абсурдным... О, братья, пусть у вас будет великая вера! Малая вера поднимает ваши души к небу, но великая вера спускает небо в ваши души.

Сперджен — литератор

Подумать только, какое множество душ может обратиться к Богу благодаря тому, что некоторым людям дано преимущество писать и печатать!

Возьмем, например, книгу д-ра Доддриджа "Пробуждение и рост веры в душе". Я бы желал, чтобы эту книгу прочитал каждый, ведь благодаря ей столь многие обратились к Богу. И, по-моему, "Псалмы и гимны", составленные Айзеком Уотсом, более достойны внимания, чем "Потерянный рай" Мильтона. А "Капли меда из скалы Христа" Томаса Уилкока или его брошюра "Друг грешников", столь благословенно употребленная Богом, — намного более славные произведения, чем все труды Гомера.

Я оцениваю книги по той пользе, которую они приносят. И хотя я высоко ценю таких гениев, как Поуп, Драйден и Бернс, все же простые строки стихов Каупера, через которые Бог привлекает души, я предпочитаю больше. И я прихожу в восторг от мысли, что и я могу писать и печатать книги, которые способны достичь сердец бедных грешников!

Сперджен, 1855.

Еще с детства Сперджен проявлял желание записывать свои мысли на бумаге и давал их читать другим. Когда ему было всего двенадцать лет, он стал выпускать нечто, что он сам назвал "Молодежный журнал" — это было всего лишь несколько рукописных листов, которые он давал читать своим сестрам и брату. Здесь содержались новости о еженедельном молитвенном собрании, которые он же и проводил, а также предлагалось место для рекламы, по цене в половину пенни за три строчки. Хотя это было всего лишь детское занятие, оно показывало его склонность к писательскому делу.

В пятнадцать лет он написал эссе на 295 страниц под заглавием "Разоблачение папства". Он послал его на конкурс, и хотя работа не завоевала приз, все же в знак признания ее высокого качества спонсоры дали ему в награду 1 фунт.

Когда в семнадцать лет он стал пастором, его труды впервые появились в печати. Он опубликовал несколько коротких статей, объясняющих путь спасения, под общим

заглавием "Уотербич трактаты". Несколько позже его короткие заметки были опубликованы в газете "Баптист Репортер". Однако эти ранние попытки были лишь предвестниками великой писательской работы, которая ждала его впереди.

Через шесть месяцев после переезда в Лондон одна из его проповедей была опубликована в издательстве "Пенни пулпит" (проповедь за пенни). Эта проповедь была так хорошо воспринята, что "Баптист мессенджер" также опубликовал одну из его проповедей, а "Пенни пулпит" — еще четыре. По отклику читателей можно было сделать вывод, что молодого начинающего проповедника ждет большая читательская аудитория.

Перспективой публикации его проповедей особенно заинтересовался один из диаконов церкви на Нью-Парк Стрит. Это был Джозеф Пассмор, который вместе со своим напарником Джеймсом Алабастером открыли печатное предпринимательство. Мистер Пассмор был ревностным христианином, а заодно и предприимчивым бизнесменом. Он попросил у Сперджена разрешение на публикацию еженедельно одной его проповеди. Сперджен в то время как раз был на гребне волны популярности, и мысль о еще большей славе его немало смущала. Тем не менее он осознал, что Бог может употребить напечатанные проповеди для спасения душ, и поэтому дал свое согласие.

Кроме еженедельных проповедей, каждый январь печатался сборник из 52-х проповедей за прошедший год, под заглавием "Проповеди на Нью-Парк Стрит".

Ко времени выхода в свет первого сборника проповедей (январь 1855 года) Сперджен уже опубликовал свои две первые книги "Святой и его Спаситель" и "Камешки из

старых ручьев". Он был полон желания продолжать свои еженедельные и ежегодные публикации проповедей, а также писать другие книги.

Но один из его лучших друзей, д-р Джон Кемпбелл, не советовал ему это делать.

Д-р Кемпбелл, ранее служивший пастором в Уитфилд Табернакл, ушел на пенсию и стал издателем христианской газеты "Бритиш Баннер". Он был горячим приверженцем евангельской веры и талантливым писателем. В своей газете он поддерживал Сперджена, становился на его защиту и защищал от нападок. Однако Кемпбелл был убежден, что никто не может с одинаковым успехом проповедовать и писать в одно и то же время, и потому Сперджену лучше было бы заняться одним и оставить второе.

"Мы считаем, что Сперджен поступил бы мудро, — писал он, — если бы умерил свои желания насчет публикации своих трудов в нашей стране. Количество тех, кто в прошлом или в настоящем достиг высоты во владении сразу и речью, и пером, совсем не велико. У греков не было ни одного, у римлян — только один, и вряд ли дела пойдут лучше в Великобритании".

Д-р Кемпбелл настойчиво убеждал Сперджена не заниматься литературным трудом, и, поскольку Сперджен его высоко ценил, он не мог не считаться с его мнением.

К тому же, письменный труд давался Сперджену не так легко, как проповедь.

Письменный труд для меня — каторжная работа. Как приятно облекать мысли в слова сразу же, как только они появляются в голове и высказывать их вслух, но как же тяжело сидеть и вздыхать, чтобы появились слова и мысли, в то время, как они не

появляются... Совершенно правильно книги писателя называют его "трудами", ведь если бы у всех голова была устроена так, как у меня, то даже маленький томик доставался бы тяжкими трудами.

И все же, несмотря на уговоры Кемпбелла и на "тяжкие труды", которыми ему давалось сочинительство, у Сперджена были веские причины продолжать печататься. Бог удивительным образом благословлял его устные проповеди, и точно так же эти проповеди были успешны в печатном виде. На еженедельный и ежегодный выпуск последовали тысячи откликов с многочисленными свидетельствами о покаянии грешников и утешении верующих, и поэтому, видя такие результаты, он не мог придумать ничего лучше, как продолжать публиковать свои проповеди.

Сперджен стал таким же талантливым писателем, как и проповедником.

В 1855 году он начал редактировать по понедельникам свои воскресные проповеди, которые издавались на следующий день, по вторникам. Эту работу он продолжал еженедельно без перерыва вплоть до своей смерти в 1892 году.

Этот факт сам по себе уже являлся большим достижением. Считается общепризнанным, что печатные проповеди читают лишь немногие. Многие великие мужи Божьи публиковали целые тома своих проповедей, но их прочитывают, обычно, не более одного раза, — да и то, в основном, проповедники, — и потом о них забывают. Но проповеди Сперджена читали не только многочисленные служители, но и бесчисленное множество людей самых разных сословий, и спрос на них продолжал расти на протяжении всей его жизни.

Тысячи людей в разных странах каждую неделю с нетерпением ожидали прибытия новой проповеди Сперджена. Его проповеди продавались на улицах Лондона и других городов Англии, рассылались по почте по всей стране и за рубежом, разносились книгоношами по городам и сельским домам. Спрос на проповеди был особенно велик в Шотландии, а в Америке, после того, как реакция на заявление Сперджена против рабства пошла на убыль, проповеди продавались еще в большем количестве, чем в Британии.

Стали появляться и переводы на другие языки. Первым был перевод на уэльсский, причем на этот язык ежемесячно переводилась новая проповедь. Сперджена любили и в Голландии, где его проповеди переводились регулярно; сама нидерландская королева была в числе читателей Сперджена, и когда он посещал ее страну, она пригласила его на аудиенцию.

В Германии произведения Сперджена публиковали более дюжины издателей. В Швеции его проповеди имели распространение большей частью среди высшего класса, причем переводчик рассказывал Сперджену о случаях обращения среди знати и даже в королевской семье.

Среди других языков, на которые были переведены проповеди Сперджена, можно назвать арабский, армянский, бенгальский, венгерский, итальянский, испанский, кастальский, кафрский, карельский, кельтский, китайский, конго, латышский, маори, норвежский, польский, русский, сербский, сирийский, тамильский, телугу, урду, французский, хинди, чешский, эстонский и японский. Некоторые проповеди

были также переведены для слепых, читающих по системе Муна и Брайля.

Несколько человек пожертвовали немалые средства на распространение проповедей Сперджена. Один человек разослал не менее четверти миллиона экземпляров, некоторые проповеди были объединены в книги, состоящие из 44-х проповедей, и в дорогом переплете разосланы всем коронованным лицам в Европе. Другой человек позаботился о том, чтобы несколько проповедей были переведены на русский язык и добился официального согласия православной церкви на их распространение, о чем свидетельствовал специальный штамп на обложках. С этим штампом в России был распространен миллион проповедей.

Во многих странах находились люди, живущие далеко от церквей, которые собирались по воскресеньям и читали проповеди Сперджена. Есть сведения об одной из таких групп, собиравшейся в отдаленных областях Англии. Здесь, в результате чтения, обратилось приблизительно две сотни человек, которые затем пригласили служителя, чтобы образовать новую церковь. В некоторых захолустных районах Шотландии находились люди, которые не имели никакого понятия о том, кто был премьер-министром Англии, зато они хорошо знали о Сперджене благодаря чтению его проповедей.

Один квакер поместил в нескольких газетах объявление о том, что проповеди Сперджена можно приобрести в его офисе. Он не только продал тысячи проповедей, но и привлек к ним общественное внимание в своей местности. Один человек в Австралии регулярно помещал проповеди в нескольких газетах в качестве объявлений, на что уходила такая уйма денег, что, по словам Сперджена, об этой

сумме лучше умолчать, иначе никто не поверит.

Невозможно указать общее число проповедей Сперджена, распространенных по всему миру. Однако один английский писатель в 1903 году заявил, что "общее количество проповедей Сперджена, изданных за половину столетия, должно оцениваться примерно в двести или триста миллионов экземпляров!"

С той поры они издавались в огромных количествах. Ежегодные тома проповедей, которые он подготовил для печати, но не успел опубликовать, были изданы после его смерти в 1892 году. Эта публикация продолжалась до 1917 года, и приостановилась не из-за недостатка проповедей, но из-за дефицита бумаги в военное время. Все эти тома составляют огромную богословскую и гомилетическую библиотеку.

Многие тома проповедей были с тех пор переизданы несколькими издательствами в Англии и Америке. Отдельные проповеди публиковались в многочисленных газетах и журналах, и их общее число вообще невозможно подсчитать.

За последние годы была проделана еще большая работа по переизданию трудов Сперджена. В начале 1970-х издательство The Banner of Truth (Знамя Истины) в Эдинбурге перепечатало несколько томов его ранних проповедей, которые были восприняты с большим энтузиазмом. В это же время издательство Пилигрим в Пасадене, штат Техас, переиздало фотокопии всех шестидесяти двух томов проповедей и полное собрание журнала Суорд энд трауэл. Это издательство напечатало также пять или шесть менее крупных книг о Сперджене и о церкви

Табернакл. Эти издания помогают христианам лучше понять и оценить Сперджена и его проповеди, а также узнать о его богословских убеждениях и деятельности вообще.

Все это вызывает законный вопрос о том, каковы были причины столь необычного интереса к его проповедям.

Прежде всего, нас поражает искренность в проповедях Сперджена. Большинство людей, слушавших его проповеди, были поражены той серьезностью и доверием, с которыми он относился к слову Божьему. Читая его проповеди, невольно приходишь к выводу, что те великие истины, о которых он говорил, были для него не просто теоретическими выкладками, как у многих проповедников, но доказанной истиной, которую он излагал так, словно был на это послан непосредственно Богом.

Привлекает также простота его проповедей. Сперджен говорил о самых великих и глубоких предметах, известных человеческому разуму — о Боге, человеке, грехе, искуплении, суде, вечности, — но в своих проповедях он излагал все эти великие истины с такой простотой, которая позволяла понимать их даже простолюдину. В этом отношении особенно выделяется период его служения в Сари Гарденс Мюзик Холле, потому что здесь собирались, по большей части, люди малограмотные. И хотя в проповедях были изложены все те же великие истины Библии, здесь он больше обычного старался говорить так, чтобы его речь была понятной даже для самого необразованного слушателя. Эта простота речи, отличавшая проповеди Сперджена, с одинаковой силой ощущалась и в их печатном варианте. Сперджен обладал редким сочетанием талантов, но способность быть понятным для простолюдина была одним из

редчайших и важнейших его дарований.

Тем не менее, проповеди Сперджена привлекают внимание также и людей образованных. Частыми гостями на его собраниях были члены парламента, судьи, профессора университетов, известные литераторы и промышленные магнаты. Люди из этих сословий получали большое удовольствие и пользу также и от чтения его проповедей. Так, сэр Вильям Робертсон Николь в 1903 году говорил следующее: "Сперджен был великим и образованным теологом, хорошо знающим каждую часть своей богословской системы". А Чарльз Рей утверждал: "Эти проповеди, произнесенные 50 лет назад, насущны и сегодня, и можно смело предположить, что они не станут устаревшими даже и в конце нашего двадцатого века".

Итак, кроме еженедельных проповедей и ежегодных сборников проповедей, Сперджен издавал также ежемесячный журнал *Суорд энд трауэл*. В нем содержались новости общего характера о религиозной жизни, а также его комментарии на события такого рода, но особенное внимание уделялось церкви Табернакл и связанным с ней организациям. Здесь были также комментарии на места Писания, духовно-назидательные статьи и призыв к христианскому труду. Одной из самых замечательных рубрик было книжное обозрение. Эту рубрику вел сам Сперджен, и она свидетельствовала о громадном количестве прочитываемого им материала и о его способности выражать оценку сути прочитанного в коротких словах.

Кроме проповедей и журнала, Сперджен издал множество других книг — всего более 140 различных наименований.

Лучшим из них был семитомник комментариев на Псалмы под заглавием "Сокровищница Давида". Он содержит в себе "авторское толкование на книгу Псалмов, выдержки из всей доступной литературы для иллюстраций, многочисленные подсказки для проповедников почти на каждый стих и список толкователей на каждый Псалом". Секретарь Сперджена Дж. Киз помогал в поисках материала для создания этих комментариев, но письменная работа была сделана самим Спердженом, на что потребовалось, в целом, более двадцати лет. При жизни Сперджена было продано приблизительно 148000 томов, и с тех пор данный труд был переиздан несколько раз. Этот труд считается одним из величайших толкований, когда-либо написанных на книгу Псалмов.

Еще один труд, заслуживающий особого упоминания, называется "Заметки и комментарии". Сперджен говорил, что во время его составления он "тяжко трудился и много читал, просматривая где-то три или четыре тысячи томов". Из этого множества книг он выбрал 1437 томов, на которые написал свое резюме. Анализ этих книг, сделанный Спердженом, раскрывает еще одну из его необычных способностей, поскольку он не просто давал оценку каждой книге, подчеркивая их сильные и слабые стороны, но делал это совершенно особенным образом. Анализ других авторов мог быть сухим и скучным, но у Сперджена он был живым и увлекательным, сдобренным хорошим чувством юмора.

Однако помимо этих трудов, раскрывающих громадную эрудицию, Сперджен мог писать труды и прямо противоположные, повествующие об элементарных будничных вещах. Его "Беседы Ивана-пахаря", а также "Притчи Ивана-пахаря", написанные самым простым и практичным языком, представляют собой цикл из коротких притчей и пословиц в

применении к повседневной жизни. На 1900 год было продано 410000 экземпляров "Бесед" и 150000 "Притчей", и с тех пор эти цифры намного увеличились.

Следует упомянуть также его "Каждое утро" и "Каждый вечер" — назидательное чтение в начале и конце дня. Эти небольшие книжечки несут отпечаток редкой способности Сперджена выражать глубокие истины простым языком, но в то же время в богатом и сердечном духовном тоне. Обе эти книги были переизданы несколько раз, и из того, что к моменту его смерти было продано около 230000 экземпляров, мы можем сделать вывод, что в данное время их имеется на руках как минимум полмиллиона.

Можно еще многое сказать и о других трудах, вышедших из-под пера Сперджена. В данной биографии перечислены лишь 21 из 140 наименований, которых достаточно, чтобы дать некоторое представление о широте и многосторонности его ума. Он выпускал так много книг, что у его издателей, Пассмора и Алабастера, никогда не было недостатка в работе, и чтобы с ней справиться, им пришлось перебираться в более просторное помещение. Однажды он в шутку сказал Пассмору: "Так кто же на кого работает, — вы на меня или я на вас?" Между ними всегда сохранялись теплые дружеские отношения. Издание книг Сперджена приносило пользу обоим. Оно повышало престиж издателей и заодно обеспечивало Сперджена хорошим доходом, позволявший ему жить без церковного жалованья и много жертвовать на организованные им проекты.

Сперджен не был лишен также и поэтического дарования. Мы уже познакомились с некоторыми его стихами, которые он написал для своей жены, и таких стихов было несколько. Он также включил собственное стихотворное переложение некоторых

Псалмов в составленный им сборник "Наш песенник". До сих пор широко известны и поются такие его гимны, как "Сладкозвучный гимн святой раздаётся поутру" и "Дух Святой присутствует там, где святые согласились молиться". Но наиболее широко известен его гимн для Вечери Господней (свободный перевод):

Наш Возлюбленный стоит посреди нас
И просит взглянуть на Его пронзенные руки,
Показывает на Свои израненные ноги и бок, —
Благословенные знаки распятия.
Какая богатая трапеза лежит перед нами,
Когда за Своим столом восседает Господь!
Какое сочное вино, какой душистый хлеб
Иисус предназначил для Своих гостей!
И если мы теперь своими нечистыми и мутными глазами
Видим лишь знаки, но не видим Его Самого,
То пусть Его любовь удалит эту чешую с наших глаз
И поможет нам видеть Его лицом к лицу.
Мы вспоминаем порывы святых чувств,
Которые были у нас в общении с Ним на святой горе,
И это заставляет наши души с новой силой жаждать
Увидеть Его измученное, но прекрасное лицо еще раз.
О, славный Жених наших сердец,
Твоя улыбка низводит к нам небо.

И если есть завеса — Ты удали ее,
Чтобы каждый святой мог видеть Твою славу.

Сперджен придавал Вечере Господней особое значение. Он превращал ее в подлинное воспоминание Христа, в особенности Христа в Его смерти. И когда он говорил о Его страданиях и старался глубже объяснить Его искупление, он бывал так растроган, что едва мог говорить. Его голос был насыщен чувствами и глаза наполнялись обильными слезами. Можно представить себе, с каким чувством большое собрание пело гимны "По слову Твоему, Господь" и другие, а также гимны, написанные им самим. Несомненно, многие присутствующие, так же, как и он сам, были переполнены любовью к Господу и желанием служить Ему с новыми силами.

Мы уже говорили, что Сперджену приходилось писать примерно пятьсот писем каждую неделю. Они были написаны не секретарем под его диктовку, но собственноручно, пером, которое надо было макать в чернила каждые несколько секунд. К тому же, не надо забывать, что его рука часто была опухшей из-за артрита, так что он с трудом мог держать перо, и тогда его обычно хороший почерк становился грубым и неразборчивым. Большая часть этих писем была написана либо для утешения верующим, либо для увещания неверующим, чтобы они приняли Христа, и болезнь руки не могла остановить его в столь важном и ответственном деле.

Сперджен был столь же успешным литератором, как и проповедником. Он постоянно получал письма со всех концов земли, в которых говорилось о благословениях, полученных через чтение его трудов. Через письма он узнавал о новых чудесах благодати, благодаря которой мужчины и женщины обращались от греховного рабства

к славной жизни во Христе. Например, один убийца, приговоренный к смертной казни, получил экземпляр проповеди Сперджена за несколько месяцев до казни, прочитал ее несколько раз, уверовал во Христа, и теперь с миром в душе ожидал приближающейся смерти. Сперджен упоминает об одной женщине в Англии, которая была прикована к постели. Она писала ему: "В течение девяти лет я находилась в духовной тьме, слепоте и отупении, пока мой муж не принес мне одну из Ваших проповедей. Я прочитала ее, и Бог благословил это чтение так, что мои глаза открылись. Он обратил мою душу через эту проповедь, и теперь я люблю Его имя, да будет Ему вся слава за это! Каждое воскресное утро я ожидаю Вашу новую проповедь. Я живу ею в течение всей недели, она является туком и елеем для моих костей".

В конце своей жизни Сперджен говорил: "В течение многих лет не бывало недели, а то и дня, чтобы ко мне не приходили письма из разных мест, в том числе даже из самых отдаленных концов земли, в которых рассказывалось о спасении душ посредством той или другой проповеди".

Профессор Джеймс Стокер говорил о способности Сперджена владеть пером следующее:

Мы знаем десятки служителей, которые могут писать для ученой публики, но редко появляется в печати книга, обращенная с искренним чувством к простому человеку и написанная доступным для него языком. Для написания такой книги требуются исключительные способности. Здесь нужен и здравый смысл, и остроумие, и чувство юмора, и знание народного языка.

Но, какими бы ни были эти требования, Сперджен отвечал всем им в наивысшей степени.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ (1887 – 1892)

Бескомпромиссная борьба за веру

Удивляюсь, что вы от призвавшего вас благодатью Христовою так скоро переходите к иному благовествованию,

Которое впрочем не иное, а только есть люди, смущающие вас и желающие превратить благовествование Христово.

Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема.

Как прежде мы сказали, так и теперь еще говорю: кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема.

Галатам 1:6-9

Церковь Метрополитен Табернакл входила в Союз баптистов Англии. По общепринятому у баптистов правилу, Союз не имел власти над поместными церквями, но служил лишь средством общения, информации и миссионерского сотрудничества. Но с другой стороны, — вопреки баптистскому обычаю, — он не имел никаких принципов вероисповедания, и единственным требованием было признавать крещение по вере через погружение за единственно истинное христианское крещение. При этом предполагалось, что все баптистские церкви были достаточно хорошо наставлены в евангельском вероучении, что и соответствовало действительности на протяжении долгого времени.

Сперджен оказывал Союзу большую поддержку. С тех пор, как Сперджен прибыл в Лондон, престиж Союза вырос как никогда ранее из-за того факта, что он был баптистом. Благодаря его влиянию, посещаемость ежегодных общесоюзных конференций выросла неимоверно, значительно укрепилось и финансовое положение Союза. Сперджен также основал Лондонскую баптистскую ассоциацию и много сделал для созидания новых баптистских церквей, особенно благодаря труду своих студентов.

В начале 1860-х годов Сперджен предвидел большие перспективы для баптистов в Англии. Он считал, что при том усердии и необыкновенных благословениях, которые они тогда переживали, их количество в течение десяти лет должно удвоиться. Он даже предполагал, что с течением времени баптисты станут самой крупной деноминацией в стране.

На тот период особенную ревность проявляли не только баптисты, но и многие другие христиане. Пробуждение, начавшееся в 1859 году, было ознаменовано усиленной евангелизационной деятельностью и в других течениях. Везде наблюдалось повышение активности христиан, и многие грешники обращались к Богу.

Перспективы были действительно светлыми, и дальнейший успех был бы гарантирован, если бы дела и дальше шли так же хорошо. Но в это же время вступили в действие силы, враждебные христианству. Эти силы нанесли значительный ущерб делу Евангелия.

Прежде всего, они исходили от опубликованной в 1859 году книги Дарвина "Происхождение видов". Эта книга учила, что жизнь произошла не через акт Божьего творения, но по воле слепого случая, посягая таким образом на самую идею существования Бога.

Кроме того, основы христианской веры подрывались новым учением, которое называлось "Высшая критика Библии". Оно представляло собой попытку пересмотреть происхождение книг Библии, в том числе их датировку и авторство. В свою очередь, это вело к отрицанию библейских чудес и низводило богодухновенную Книгу на уровень обычного человеческого произведения.

Эти новые взгляды на Библию стали преподавать во многих высших учебных заведениях. Более того, начиная с 1860-х годов, новое учение стало распространяться в некоторых богословских школах, и уже в 1870-х оно зазвучало на некоторых церковных кафедрах. Нашлись люди, которые сочли за геройство

отвержение веры своих отцов и тех взглядов, которые они теперь считали не более, чем древними мифами. Они назвали свое учение "Новым богословием" или "Новым мышлением" и заявили, что их задача — освободить людей от рабства и вывести на свободу.

В 1880-е годы немалая часть Англии была взбурена этими переменами в христианских понятиях. Новые идеи распространялись в светской и религиозной прессе, появилось также несколько книг в их защиту. Теорию эволюции подхватили многие весьма влиятельные люди, в том числе и некоторые служители церкви, которые заодно восприняли и идеи "Высшей критики Библии". Это отступление от основ христианской веры наблюдалось во всех деноминациях, и до некоторой степени им были увлечены также члены Союза баптистов.

Сперджен по этому вопросу сразу же занял непримиримую позицию. С самого начала своего служения ему не раз приходилось встречаться с отдельными случаями проявления неверия, и он поднимал против него свой голос. Но на этот раз дело обстояло намного хуже, поэтому, несмотря на частые недомогания, он решил занять твердую позицию в защиту Писаний и всеми силами бороться с распространением "нового богословия".

Несколько человек из разных концов Англии написали Сперджену письма, рассказывающие о случаях отступления от веры среди баптистских служителей в их местности. А секретарь Союза баптистов д-р Бут в личном разговоре и письменно назвал имена и высказывания некоторых баптистских служителей, которые перестали придерживаться основ веры. Бут советовался со Спердженом насчет того, как лучше

справиться с данной ситуацией.

Отвечая на вопрос Бута, а также общаясь с другими официальными лицами Союза, Сперджен заявил, что Союз должен предельно ясно изложить свою позицию по данному вопросу. Он убеждал, что необходимо принять вероучение, — то есть ясно сформулированные евангельские принципы, — и их принятие должно стать основанием для продолжения пребывания в Союзе церкви или отдельной личности.

Сперджен предпринимал весьма энергичные усилия, чтобы призвать Союз к решительным действиям, как видно из многих его высказываний. Например, он говорил о своих "личных убедительных разговорах с официальными лицами, а также воззваниях к Союзу в целом". "Я не раз говорил по этому поводу с секретарем, — писал Сперджен, — и он в любое время может подтвердить это". По его словам, он также обсуждал эту проблему с помощником Бута, Бейнсом, говоря, что: "Всякий раз они выслушивали мои жалобы, пока, как мне кажется, им это не надоело. Кроме того, я вел интенсивную переписку с Вильямсом и д-ром Александром Маклареном".

Однако предложение Сперджена о том, чтобы Союз принял вероисповедные принципы, было отвергнуто. На общесоюзной конференции большинство делегатов проголосовали против принятия вероучения на том основании, что баптисты всегда верили в свободу для каждого человека выражать свои убеждения по-своему, и если кто придерживается учения о крещении через погружение, то этого вполне достаточно, чтобы быть баптистом.

Остро осознавая опасность быстрого распространения неверия и понимая, что от

Союза баптистов ожидать нечего, Сперджен решил действовать самостоятельно. Он опубликовал в своем журнале статью под заглавием "Упадок", которая начиналась так:

Ни один человек, любящий Евангелие, не может скрыть от себя тот факт, что мы живем в злые дни, и, по нашему твердому убеждению, во многих церквях дела идут не просто намного хуже, чем может показаться с первого взгляда, но стремительно идут к упадку. Вы только прочитайте газеты, публикующие взгляды "школы свободомыслия", и спросите сами себя, куда еще дальше могут они идти? От какого библейского учения они еще не успели отказаться? К какой евангельской истине не высказали свое презрение? Появилась новая религия, которая похожа на христианство не более, чем мел похож на сыр, и эта новая религия, неспособная заявить о себе честно, подсовывает себя под видом старой, но только слегка улучшенной веры, и под этой маской вторгается на кафедры, которые были изначально предназначены для проповеди Евангелия. Искушение пренебрегается, богодухновенность Писания высмеивается, Святой Дух низведен до уровня простого влияния, возмездие за грех принимается за сказку, а воскресение из мертвых — за миф, — и однако же, эти враги нашей веры хотят, чтобы мы называли их братьями и оставались с ними в одном Союзе!

Вслед за уклонением от вероучения, естественным образом наступает и упадок духовной жизни, что видно по внедрению сомнительных развлечений и по скуке на молитвенных собраниях... Разве можно назвать хорошим состояние тех церквей, которые проводят только одно молитвенное собрание в неделю, да и то похоже на скелет? Факт заключается в том, что многие не прочь бы объединить церковь с

подмостками, картежную игру — с молитвой, танцы — со священнодействием... Когда уходит со сцены прежняя вера и идет на убыль ревность по делу Евангелия, тогда неудивительно, что люди ищут чего-то другого в мире удовольствий.

Далее Сперджен продолжал описывать в своей статье сущность этого отступления и духовное омертвление, поразившее многие церкви. Он выражал глубокую печаль по поводу такого состояния и затем затронул вопрос о том, должны ли христиане оставаться в общении с теми, кто отвергает слово Божье. То, что он тогда говорил, не менее важно и для нас в наши дни.

А теперь возникает серьезный вопрос о том, до какой степени возможно братание тех, кто пребывает в вере, однажды преданной святым, с теми, кто обратился к иному евангелию. Да, мы должны учитывать требования христианской любви и остерегаться разделения как великого зла, — но насколько оправдано наше пребывание в союзе с теми, кто отступает от истины? Ответить на этот вопрос так же трудно, как трудно сохранить баланс между нашими обязанностями. На данный момент долг верующих быть осторожными, чтобы не оказать поддержку и одобрение предателям Господа.

Одно дело — перешагнуть всякие границы деноминационных рамок истины ради, — и мы считаем, что все боящиеся Бога должны в этом более и более преуспевать. Но совершенно другое дело — взять курс на то, чтобы в ущерб истине поддерживать деноминационное благополучие и единство. Многие недалёковидные люди проявляют благосклонность к заблуждению, если оно исходит от умного человека или брата с хорошими чертами характера.

Пусть каждый верующий отвечает за себя, но мы со своей стороны повесили на наши двери несколько новых замков и дали приказ надеть предохранительную цепочку, потому что под видом услужливых благожелателей, ищущих братского общения, могут прокрасться те, которые поставили целью ограбить нашего Господа.

Эта статья вызвала бурю споров среди баптистов Англии. Очень многие полностью соглашались со Спердженем и выражали ему свою искреннюю поддержку. Но многие выразили свое бурное несогласие, и таким образом, в каждой семье и церкви прокатилась волна горячих споров и обсуждений по поводу его высказываний. Вместе с тем и пресса — светская и религиозная — подхватила обсуждение этого вопроса, причем одни высказывались в поддержку позиции Сперджена, а другие резко его осуждали.

Эта статья Сперджена была напечатана в журнале *Суорд энд трауэл* в августе 1887 году, и в трех последующих номерах журнала он продолжил публикацию статей на эту тему. Сначала появилась статья "Ответ на всевозможную критику", затем — "Доводы в пользу нашего дела" и, наконец, "Несколько слов по спорному вопросу об упадке". В этих статьях он более полно изложил свою позицию, защищая себя от несправедливых обвинений противников, распространяющих о нем необоснованные слухи. При этом он не проявил ни малейшего злорадства в отношении разоблачаемых обвинителей, но выражал глубокое сожаление о том, что в стране распространяется столь опасное отступление.

Кроме того, за период времени, когда появились на свет данные статьи, Сперджен

четко определил свою собственную позицию насчет того, должен ли он оказывать содействие тем, кто отвергает Господа, оставаясь с ними в союзе. Взвесив все до конца, он написал в заключительной части своей третьей статьи следующее:

Одно ясно для нас: мы не можем входить ни в какой союз, который включает в себя тех, кто придерживается учения, прямо противоположного по своей сути тому, что для нас столь дорого... С глубоким сожалением мы воздерживаемся от общения с теми, кого сердечно любим и уважаем, поскольку такое общение вовлекает нас в союз с людьми, не имеющими с нами единства в Господе.

В это же время он написал д-ру Буту следующее:

Дорогой друг, я извещаю тебя как секретаря Союза баптистов, что я вынужден выйти из Союза. Я делаю это с крайним сожалением, но у меня нет выбора. Причины изложены в ноябрьском номере "Суорд энд трауэл", и я прошу прощения за то, что повторяюсь в данном письме. Прошу тебя не присылать ко мне никого с предложением пересмотра моего решения. Я боюсь, что уже и так слишком долго думал, и с каждым часом во мне нарастает убеждение, что мое решение не является слишком поспешным.

Хочу только добавить, что меньше всего меня можно заподозрить в личной обиде или недоброжелательности. Я предпринял этот шаг только из самых серьезных идейных соображений, и ты знаешь, что я долго откладывал его, надеясь на перемены к лучшему.

Всем сердцем твой,

Ч.Г. Сперджен.

Так Сперджен предпринял этот исторический шаг. Он сделал это в октябре 1887 года, в возрасте пятидесяти трех лет.

Он не пытался вывести за собой из Союза других и не стал создавать новый Союз баптистов, на что многие надеялись. Он лишь желал, чтобы верующие сами пришли к определенному и сознательному решению, для чего, как он считал, в его статьях было дано достаточно информации, чтобы они могли знать, какое направление для себя избрать.

Церковь Табернакл немедленно выразила решительную поддержку действиям своего пастора и, в свою очередь, также вышла из состава Союза. Вслед за этим стали приходить многочисленные письма, в которых выражалась такая же решительная позиция и всецелое одобрение действий Сперджена.

Но было высказано и множество противоположных взглядов. Один человек, который был, возможно, самым щедрым жертвователем на сиротский Приют, Дом милосердия и Колледж, выразил в письме свое решительное несогласие со Спердженом и заявил о прекращении пожертвований. То же самое заявили и более мелкие жертвователи. Издатель журнала The Christian World (Христианский мир) выразил свою радость по поводу того, что оставил прежние убеждения. "Современное мышление, — писал он, — по словам Сперджена является "смертоносной коброй", а по-нашему, это высшее достижение нашего столетия. Оно отбрасывает в сторону многие доктрины, милые

сердцу Сперджена, не только как ложные, но и как в высшей степени безнравственные. В "новом мышлении" не больше глупости, чем в вере в буквальное боговдохновение, и не больше идолопоклонничества, чем в замаскированном политеизме, каким на самом деле является вера в Троицу".

Критика в адрес Сперджена исходила также и от одного из главных баптистских деятелей Англии — д-ра Джона Клиффорда, президента Союза. Д-р Клиффорд был человеком очень эрудированным и весьма строгих правил, но он перестал верить в непогрешимость Писания и воспринял многие взгляды "высшей критики". Он был очень порядочным человеком, но поддался самообману, так как поверил в то, что "новое богословие" — это на самом деле старое евангельское учение, только в новой оболочке.

С этой точки зрения он не видел никаких оснований для предпринятого Спердженем шага. Он написал статью в популярной газете, где заявил, что Сперджену следует еще доказать, что не все баптистские пасторы остаются верными своим принципам, и выразил пожелание, чтобы Сперджен лучше тратил бы время и таланты на то, чтобы ободрять людей, а не на разделения и огорчения.

Разве поздно предложить мистеру Сперджену остановиться и подумать о том, что баптисты Великобритании и Ирландии могли бы заняться гораздо более достойным делом? Разве мало мы уже пожинаем роковой посев губительных подозрений, нарушенных обещаний, угроз для церквей и раненых, но верных работников, которые мы видим на каждом шагу?

О, я не могу без невыразимой боли смотреть на то, как этот знаменитый "ловец душ" вовлекает силы тысяч христиан в личные споры и раздоры вместо того, чтобы вдохновлять их, если бы он захотел, к тому, чтобы продолжать героические усилия по распространению Благой вести среди наших соотечественников!

Несмотря на попытку Клиффорда возложить ответственность за раздоры среди баптистов на Сперджена, руководство Союза понимало, что на очередном съезде надо будет так или иначе рассматривать и вопрос об отступлении от веры. И они предприняли соответственные шаги. Они решили, что когда этот вопрос встанет на повестку дня, их ответом будет то, что, поскольку Сперджен не назвал имена тех, кто, по его мнению, отпал от веры, его обвинения слишком шатки, чтобы их рассматривать на заседании съезда. Они решили, что до тех пор, пока Сперджен не предоставит свои доказательства, они не будут решать данный вопрос.

Но на самом деле Сперджен получил от секретаря Союза д-ра Бута несколько писем, в которых тот приводил имена и высказывания служителей, состоящих в Союзе, которые проповедовали "новое богословие". Серьезно затронутый этим обвинением в легкомысленных и беспочвенных высказываниях, Сперджен написал Буту следующее: "Я могу дать информацию, которую ты мне дал". Но Бут, оказавшийся человеком малодушным и непринципальным, ответил: "Мои письма к тебе были не официальными, а личными. Чести ради, ты не имеешь права их использовать".

Итак, Сперджен умолчал о том, что написал ему Бут. Но когда об их переписке было упомянуто на съезде, Бут начал уклоняться от прямых ответов и дал понять, что никогда не говорил со Спердженом ни о "новом богословии", ни о его сторонниках,

и что Сперджен никогда не жаловался ему на распространение неверия.

В ответ на увертки Бута, Сперджен сказал: "Я удивлен тем, что слышу от д-ра Бута, будто я никогда ему не жаловался. Но Бог знает все об этом деле, и Он меня оправдает". Некоторые сторонники "нового богословия" были очень рассержены на Сперджена и на то Евангелие, которое он проповедовал. Они предъявили ему обвинение в том, что он беспочвенно подозревает служителей в неверности Богу и кладет пятно позора на всех участников Союза баптистов. Это обвинение было подхвачено многими, и один из биографов Сперджена в 1933 году писал:

Сперджен так и не был оправдан. У многих осталось впечатление, что он выдвинул обвинения, которых не смог доказать, и когда у него потребовали отчета, он оставил Союз и сбежал. На самом же деле нет ничего более далекого от истины, ведь Сперджен мог показать письма д-ра Бута, и я убежден, что он должен был это сделать".

В апреле 1888 года был созван съезд. Для того, чтобы вместить все множество участников, съезд решили провести в большом помещении Конгрегациональной церкви д-ра Джозефа Паркера. На нем была предпринята попытка примирения, для чего предлагалось принятие резолюции, удовлетворяющей обе стороны. Эта резолюция, с одной стороны, выглядела, как ортодоксально-евангельская по своей сути, и в то же время не была враждебной "новому богословию". Проект резолюции был предложен Чарльзом Вильямом, который в защиту своей позиции выступал с сильными нападками на ортодоксальное евангельское учение. Его поддержал и Джеймс Сперджен, который считал, что резолюция послужит ко благу общему делу евангельских христиан.

Результатом этих усилий было то, что разногласие между двумя партиями в значительной степени затухало. Благодаря немалым стараниям д-ра Клиффорда, резолюция убедила многих поверить в то, что "новое богословие" есть не что иное, как старая евангельская истина, и что по поводу его "новой обертки" не стоит беспокоиться.

В результате при голосовании две тысячи делегатов проголосовали "за", и только каких-то семь человек — "против". При этом значительное число из этих двух тысяч голосовало за ортодоксальное евангельское учение и защищало позицию Сперджена. Однако результаты голосования были истолкованы как осуждение Сперджена и доказательство того, что подавляющее большинство баптистов Англии его отвергло.

В последующие месяцы "спор об упадке" все еще продолжался, хотя сам Сперджен занял определенную позицию и вышел из Союза. Некоторые выразили неприятие "нового богословия", другие же ожесточились против Сперджена и публиковали высказывания о его действиях в извращенном свете.

Д-р Бут написал ему в Ментон о своем желании посетить его вместе с докторами Маклареном, Карроссом и Клиффордом в надежде повлиять на него, чтобы он пересмотрел свой выход из Союза. Но Сперджен в ответе написал, что от их встречи не будет никакой пользы, поскольку в Союзе имеется проявление неверия, и они не делают ничего, чтобы от него избавиться. Но, как было добавлено в конце письма, он не против встретиться с ними по приезду в Англию.

В разгар "спора об упадке" Сперджен писал:

Господь знает, почему я предпринял такой шаг, и я оставляю это дело на Его божественный суд. Я высказал свое несогласие и в результате моего выхода потерял друзей и репутацию, а также потерпел серьезные материальные убытки и злобные обвинения. Больше я не в силах что-либо сделать. Наши дороги с этих пор разошлись слишком далеко.

Но никто не знает, каких страданий стоил мне этот шаг. Я не могу уступить истину Божью. Здесь дело не в личностях, а в принципах. И если люди придерживаются диаметрально противоположных мнений по жизненно важным вопросам, то никакими словами их уже не сольешь воедино.

Многие американцы, узнав об этом конфликте в Англии, тоже разделились в своих мнениях. Некоторые считали, что выход Сперджена из Союза был совершенно бесоснователен, но многие признавали, что он поступил правильно. В ответе на письмо из Америки от 18 июня 1888 года, в котором был денежный чек на поддержку его работы, Сперджен писал:

Я был бы рад забыть обо всем этом и не писать в моем письме... Шлю сердечную благодарность за присланные деньги. Я получил ободрение как раз в тот момент, когда нуждался в ободрении. Обратите внимание на те бури, в которых я нахожусь в данный момент:

1. Конфликт с Союзом баптистов.

2. Моя жена очень сильно болела в течение семи недель, и все еще продолжает болеть.

3. Умерла моя дорогая мама.

4. Как раз в день ее похорон меня вконец замучил мой старый враг — подагра — и я прошел через крещение болью. Я еще не могу ходить и едва стою на ногах. Но все же я радуюсь в Господе. У нас в гостях побывало много американцев — очень хороших друзей. С сердечной любовью, Сперджен.

Распространение "нового богословия" заставило всех истинных христиан глубже изучить эту проблему и объединить усилия в борьбе с ней. В ходе такой борьбы Евангельский Альянс организовал большой слет, который состоялся вскоре после выхода Сперджена из Союза баптистов. В этот Альянс входили люди из разных деноминаций и по тому, с каким жаром они приветствовали появление Сперджена, можно судить об уважительном к нему отношении множества людей. Один из его наиболее верных друзей, Роберт Шиндлер, писал:

Мы никогда не забудем этот первый слет, созванный Альянсом в поддержку фундаментальных истин Евангелия, который состоялся в Экзетер Холле. Прием, оказанный Сперджену, выступившему с речью, был потрясающим по силе эмоций. Мы сидели на платформе в непосредственной близости от него и видели силу чувств, преодолевающих его, и слезы, катящиеся по его щекам, когда он слушал речи выступающих. И хотя из его братьев-баптистов присутствовало лишь несколько

человек, — не было недостатка в проявлении по отношению к нему симпатии, которая радовала и ободряла его сердце.

Конфликт имел очень тяжелые последствия для здоровья Сперджена. Он заболел еще до его начала, и в ходе конфликта с ним несколько раз случались приступы подагры. Кроме того, в эту пору у него началось заболевание почек, из-за которого он временами очень сильно страдал. И, ко всему прочему, как мы уже видели из его собственных слов, Сюзанна тоже была очень больна.

Эти обстоятельства были для него тем более трудными, что сам он не хотел вступать в конфликт. Он был бескомпромиссно тверд в отстаивании того, что считал Божьей истиной, но он также горячо любил своих братьев по вере, и расставание со многими хорошими друзьями из Союза баптистов было для него очень прискорбным. Он вел борьбу смело и решительно, но в то же время старался избежать всего того, что могло бы причинить ненужные раздоры. "Я прилагаю все усилия, — писал он, — чтобы мои слова не произвели даже малейшего несогласия, которое могло бы оскорбить наших друзей и породить раздор. Некоторые недобросовестные люди были бы рады такому раздору, но я думаю иначе, и потому стараюсь его избегать".

Разногласие возникло и среди студентов Пасторского колледжа. Около сотни служителей, учившихся в колледже, подписали "мягкий протест" против решения Сперджена допускать к обучению в колледже только тех, кто возьмет на себя определенные обязательства перед Ассамблеей Колледжа. Этот протест затем был вручен Сперджену, и в ответ он написал следующее: "Я не могу позволить, чтобы наша Ассамблея превратилась в сплошное дискуссионное заседание. Такой

бессмысленный конфликт стоил бы мне не просто денег, но и жизни. Мое сердце и так уже разбито от этой борьбы, и пережитого горя с меня вполне достаточно".

Пользуясь властью президента Колледжа, он распустил существующую Ассамблею, и сформировал новую, действовавшую на основе ясно выраженных евангельских доктрин, записанных в форме вероучения. Четыреста тридцать два человека проголосовали за расформирование Ассамблеи, предложенное Спердженом, и шестьдесят четыре — против. Некоторые из проголосовавших против впоследствии ожесточились против Сперджена и прекратили с ним общение, назвав его "новым папой". Этим они еще больше усугубили его горе.

Бедственное положение, в котором оказался Союз баптистов, происходило отчасти из-за того, что, хотя почти все служители признавали присутствие в своих рядах людей неверующих, многие из них внушали себе, что от этого не будет слишком много вреда. Именно с этой позицией решительно не соглашался Сперджен, предвидя в будущем появление из-за этого мертвых и бесплодных церквей. В начале 1888 года он предоставил сравнительный отчет работы студентов своего Колледжа и служителей Союза баптистов. В течение прошедшего года 370 студентов колледжа крестили 4770 человек и приняли в члены церкви 3856. В это же время весь Союз баптистов, где было 1860 пасторов и 2764 церкви, приняли в члены только 1770 человек за год. В успехе своих студентов Сперджен видел доказательство благословения, сопровождавшего проповедь Евангелия, тогда как неверие лишило церкви силы и привело к тому упадку, о котором говорил Сперджен.

Многие считали, что данная Спердженом оценка пагубного влияния "нового

богословия" была абсолютно неверной, но в последующие годы его правота была вполне доказана. Как он и предсказывал, отвергнувшие Писания церкви начали терять своих прихожан, люди перестали посещать молитвенные собрания, пока они совсем не отменились, все меньше и меньше было свидетельств о чудотворной, преображающей жизнь силе благодати Божьей, а иногда таких свидетельств не было вообще. По всей Англии можно было наблюдать, как помещения бывших церквей стали использоваться под магазины и гаражи, а некоторые молитвенные дома были вообще превращены в развалины.

Несмотря на разные объяснения такого печального упадка, их первопричиной оказался дефицит Евангелия на церковных кафедрах. И никакие его заменители не смогли привлечь людей в церковь. Там, где единственным основанием веры перестает быть Библия, — там нет истинного христианства, бессильна проповедь и там приходится наблюдать тот упадок, который Сперджен предсказывал еще сто лет назад.

Несостоятельность "нового богословия" — другими словами, модернизма — очень убедительно доказал Е. Дж. Пул-Коннор в своей книге Евангельское движение в Англии. Он передает разговор, происшедший между издателем агностического журнала и модернистским проповедником. Издатель говорит проповеднику, что, несмотря на разницу между ними, у них есть много общего. "Я не верю в Библию, — говорит агностик, — но и ты в нее не веришь. Я не верю в рассказ о сотворении, — и ты в него не веришь. Я не верю в божественность Христа, а также в Его воскресение и вознесение, — и ты во все это не веришь. Стало быть, я такой же христианин, как и ты, а ты такой же неверующий, как и я!"

Столь печальное явление, когда неверующие стали служителями церкви, явилось прямым результатом внедрения "нового богословия", и этим была ясно доказана правота Сперджена в том, что он прекратил всякое общение с его сторонниками.

Последние труды

В 1880 году группа американских проповедников посетила Англию с желанием послушать знаменитых проповедников этой страны.

В одно воскресное утро они посетили церковь Сити Темпл, где пастором был д-р Джозеф Паркер. На собрании присутствовало примерно две тысячи человек, и главное место во всем служении занимала видная фигура Паркера. У него был звучный голос, красноречивый язык и живые манеры. Он говорил библейски обоснованную проповедь, и люди ловили каждое его слово. Американцы вышли из собрания со словами: "Какой же прекрасный проповедник Джозеф Паркер!"

В тот же вечер они пошли послушать Сперджена в Метрополитен Табернакл. Это здание было намного крупнее, чем Сити Темпл, и вмещало народа больше чем в два раза. Голос Сперджена был намного более выразительным и волнующим, а его красноречие — заметно превосходнее. Однако вскоре они перестали замечать и

великолепное здание, и огромное собрание, и замечательный голос. Они даже забыли о своем намерении сравнить обоих проповедников, и когда служение подошло к концу, они невольно стали говорить друг другу: "Какой же прекрасный наш Спаситель Иисус Христос!"

Действия Сперджена, предпринятые им во время "спора об упадке", стоили ему многих страданий.

После выхода из Союза баптистов и роспуска прежней Ассамблеи в Колледже, он чувствовал себя совершенно разбитым. В письме к своему брату, датированному 31 марта 1888 года, он писал:

Мой дорогой брат, я очень сильно заболел, попытавшись проповедовать в четверг. Из-за ужасной депрессии и удушья проповедь превратилась для меня в пытку. Я дважды принимал лекарства, но чувствовал себя наполовину мертвым.

Не сможешь ли ты приготовить проповедь на воскресный вечер, потому что я, наверное, не смогу проповедовать? Из-за зубной боли я стал раздражительным, из-за больной печени у меня головокружение, мое сердце находится в прискорбном состоянии. Надеюсь, что смогу выдержать предстоящую конференцию, хотя еще вчера я не смел на это надеяться. Мое самочувствие просто ужасно.

Мне еще надо успеть подготовить отчет для колледжа, а времени остается совсем в обрез...

С сердечной любовью,

твой благодарный брат

Чарльз.

Сперджена критиковали также и некоторые христианские издания. Мы приведем в качестве примера два американских журнала, которые были евангельскими, но придерживались мнения, что у Сперджена не было причины выходить из Союза. В одном из журналов говорилось:

Что касается тех обвинений, которые он выдвинул не против Союза, а против неких безымянных его членов, то все, что можно о них сказать, это "доказательства отсутствуют". Обвинять Союз за то, что среди сотен его участников какие-то полдюжины человек не вполне согласны с тем, что Сперджен (и мы вместе с ним) называет Евангелием нашего Господа, — все равно, что сжечь дом из-за того, что в его подвале завелась дюжина крыс.

Как мы знаем, Сперджен очень деликатно высказывался в адрес Александра Макларена и других евангельских проповедников, входящих в Союз, однако очень резко выступал против неверия как такового. Тем не менее одна из Нью-Йоркских газет явно смешала то и другое. В ней говорилось:

Его выражения в адрес правления Союза пропитаны крайним чувством горечи.

Проявление доброты и братолюбия с их стороны он называет "пушистыми подушечками,

за которыми скрываются когти". Вряд ли прилично подобным языком говорить о таких людях, как Макларен и Агнус, а также Андерхилл и Ленделс, которые являются лидерами церкви Божьей.

Другие же, наоборот, высказывали прямо противоположные мнения. Они обвиняли Сперджена в том, что он был слишком мягок в данном споре и что надо было действовать более решительно. Они считали, что он должен был опубликовать имена людей, отступивших от веры, а также обличить тех, кто не решился противостоять отступлению.

Он объяснил свое поведение в ответе на одно из писем, в котором одобрялся его выход из Союза.

Дорогие братья во Христе, я сердечно благодарю вас за слова ободрения, которые вы мне прислали. Такая решительная поддержка от таких братьев и в такое время весьма радует меня.

Я благодарен вам за то, что вы не составили неправильное суждение по поводу моих действий в отношении Союза баптистов Англии, из которого я вышел по моему твердому убеждению. Причиной моего поступка был не внезапный порыв чувств и не какое бы то ни было личное огорчение. Долгое время я выражал свой протест молча, но, в конце концов, был вынужден сделать публичное заявление. Я видел, как свидетельство о Христе в церквях переносится на задний план, я наблюдал, как в некоторых случаях проповедники далеко уходят от Слова Божьего, и скорбел, предвидя неизбежные последствия такого отступления от Евангелия. Я надеялся, что

многие верные братья поймут всю опасность ситуации и предпримут все усилия, чтобы очистить Союз от наиболее откровенных отступников. Но вместо этого многие стали считать меня "возмущающим Израиля", другие же решили, что, несмотря на всю важность отстаивания истины, в первую очередь надо заботиться о сохранении единства Союза...

Я никому бы не пожелал испытать всю ту боль, через которую мне довелось пройти в этом конфликте, но я бы с радостью согласился претерпеть в десять тысяч раз больше, если бы знал, что "вера, однажды преданная святым", снова займет свое достойное место среди баптистских церквей Великобритании.

С самого начала спора я решил не касаться личностей, и хотя у меня было сильное искушение опубликовать все, что я знал, я предпочел молчание, и этим ослабил свою позицию в конфликте. Однако я готов лучше пострадать, чем допустить, чтобы борьба за веру низвелась до уровня выяснения личных отношений. Я не враг людей — я враг всякого учения, противоречащего Слову Божьему, и я никогда не буду разделять подобные взгляды.

Я не могу передать в письме всех своих чувств, а потому обращаюсь к Богу и умоляю Его благословить вас во Христе несравненно больше того, о чем мы просим или помышляем. С великой благодарностью и любовью, — Ч.Х. Сперджен.

P.S. Хотя я чувствую себя усталым, измученным и больным, мой девиз — "Утомлен, преследуя врагов"... В данный момент подвергается атаке богодухновенность Писания, — а ведь именно на этом вопросе зиждется или рушится всякая истинная вера. Да

сохранит вас Господь от волн этого ужасного прилива, который захлестывает теперь нашу страну.

Это письмо ценно тем, что помогает не только лучше понять позицию Сперджена в споре, но также в некоторой мере раскрывает его физическое и духовное состояние. Он очень мало говорит об этом в своей "Автобиографии", и редко упоминает в проповедях, зато в данном письме мы встречаем такие выражения, как "чувствую себя усталым, измученным и больным", а также "боль, через которую мне довелось пройти в этом конфликте". Подобные высказывания встречаются и в других его письмах. Ему причиняли боль нападки некоторых сторонников "нового богословия", но еще худшую боль он чувствовал из-за того, что их взгляды находят все большее распространение.

Облегчение от горечи конфликта он находил в загруженности работой. Люди стали еще чаще приглашать его для служения в церквях Лондона и других мест, и он старался отвечать на их приглашения по максимуму. Хотя "спор об упадке" ни разу не был темой его проповедей, все же он часто предупреждал о вторжении неверия и убеждал твердо стоять за веру евангельскую.

Кроме того, он, как и обычно, был занят еженедельной подготовкой проповеди к печати, ежемесячной подготовкой журнала и другими писательскими трудами. В это время вышла его 2000-я проповедь, и церковь Табернакл устроила по этому поводу особое торжество, с большой радостью отмечая данную веху в его труде. А в приюте провели многолюдную встречу бывших и нынешних воспитанников, и дети заодно со взрослыми оказывали ему знаки своей любви. Вместо прежних жертвователей

появились новые, и, несмотря на некоторые опасения со стороны Сперджена, каждую неделю прибывало 300 фунтов, необходимых для поддержания работы его учреждений. Вся эта деятельность и труды служили для Сперджена укрепляющим средством.

И все же тяжесть бремени оказалась для него слишком непосильной. В июле 1888 года он заболел и слег, и был так слаб, что не мог даже держать перо в своей руке. Через две недели он немного поправился и с новыми силами взялся за работу, но в ноябре слег опять. Для лечения своей болезни он хотел было немедленно отправиться в Ментон, но оказался слишком слабым для такого путешествия. Он писал в тот момент: "Я не могу поправиться, пока не попаду в другой климат, но я не могу попасть в другой климат, пока не поправлюсь". В декабре он почувствовал себя достаточно крепким для дороги и отправился лечиться на южном солнце.

Но на этот раз его пребывание в Ментоне было омрачено сильным падением с каменной лестницы. В эту пору своей жизни он был довольно грузным человеком. Его руки и ноги почти все время были опухшими, и он обычно пользовался тростью для ходьбы. В последнее воскресенье 1888 года он вместе с тремя друзьями решил спокойно прогуляться в близлежащей деревне. Спускаясь по лестнице, он оперся тростью на скользкую мраморную ступеньку, при этом трость соскользнула, и он упал на камень вниз головой. Его секретарь, Джозеф Харралд, рассказывает:

Поначалу ни он сам, ни его друзья не осознали, как сильно он расшибся. При падении он перекувыркнулся, при этом несколько монет выпали из кармана и попали в башмак, и выбил себе два зуба (от которых, по его словам, и сам был рад избавиться). Поднявшись на ноги, он, улыбаясь, сказал своим перепуганным

друзьям, что это было "плановое зубное лечение с платой денег через башмак".

Но, несмотря на эту шутку, ему помогли вернуться в гостиницу и лечь в постель с сильной болью, и только тут он понял, что несчастный случай был действительно очень серьезным. В письме к церкви Табернакл он писал:

Я расшибся значительно хуже, чем предполагал. И должно пройти время, пока моя нога, рот, голова и нервы опять придут в порядок. Какая милость Божья, что я еще совсем не разбился... Если бы мне тогда подвернулся еще один камень, то мне пришел бы конец... Дай мне Бог ходить до самого конца на своих собственных ногах! А сторонники "нового богословия" пусть знают, как это ужасно — упасть вниз с высоты Господней истины ...

Искренне ваш,

Ч.Г. Сперджен.

Выздоровление после ушиба шло медленно. Пролежав в постели около четырех недель, он сказал диаконам: "Как только я смогу стоять на ногах во время проповеди и передвигаться без боли, я сочту это за сигнал к возвращению домой. Этот радостный сигнал может быть дан уже очень скоро, потому что мне очень хочется быть с вами после этих месяцев болезни, смешанной с острой болью".

Вернувшись в Табернакл в феврале 1889 года после двухмесячного отсутствия, он был встречен огромной толпой народа. Во время его отсутствия проповедником был

молодой шотландский служитель, пресвитерианин Джон Макнейл. Он был настолько красноречив, что о нем часто говорили, как о "втором Сперджене". Все дела в церкви шли хорошо, и все же люди были рады снова видеть своего пастора дома. В то же время диаконы убедительно настаивали, чтобы Сперджен не выезжал на все приглашения в другие церкви и приберег свои силы для выполнения множества обязанностей при церкви Табернакл.

Вскоре Сперджен погрузился в свой обычный деловой ритм. В мае месяце он выступил с речью перед Ассамблеей Колледжа на тему: "В чем наша сила и как ее получить". В результате сбор средств на нужды колледжа возрос до 2800 фунтов.

Однажды он получил приглашение проповедовать в послеобеденное время в своей прежней церкви в Уотербич. Однако он не остался в Уотербич на вечернее собрание, объясняя это следующим образом: "В настоящее время я перегружен работой, и если останусь на вечер в Уотербич, то потеряю весь следующий день. Если я ночую дома, то хорошо высыпаюсь, а для человека со слабым здоровьем это значит очень много, так как я получаю заряд бодрости на целый день. Простите меня за это, ведь я хотел бы увидеть еще многих из моих старых друзей..."

В июне он говорил проповедь на собрании моряков, которое проходило в Табернакл, и в этом же месяце выступал перед большим собранием любителей старинной музыки. В июле он нанес памятный визит на остров Гернси, где провел ряд собраний в поддержку служения бывшего студента Колледжа Ф.Т.Снелла.

В октябре в Табернакл состоялась миссионерская конференция, на которой выступили

с речью д-р Макларен и д-р Макнейл. Это событие было приурочено, в частности, к проходам нескольких человек, большей частью выпускников Колледжа, отправлявшихся на миссионерский труд за рубежом. Сперджен долгое время был в дружеских отношениях с Хадсоном Тейлором, основателем Китайской миссии, и церковь Табернакл вносила пожертвования на его беспримерный труд. На данной конференции присутствующие с особым вдохновением наблюдали, как Сперджен спустился с платформы и пожал руки молодым юношам и девушкам, которые отправлялись на труд в Китай.

В этом же месяце он был приглашен на чай к примасу Англиканской церкви. Вот что он написал в ответ на приглашение участвовать в банкете, устроенном для высокопоставленных особ:

Я так занят своими делами, что должен буду остаться дома. И вообще, я не привык к пиршествам, даже если бы и смог прийти. Наш уважаемый мэр приглашал меня на банкет, чтобы я там встретился с Архиепископом и другими епископами. Я не имею ничего против епископов. На прошлой неделе мы пили чай с Архиепископом и обедали с епископом Рочестерским, но данный банкет не вписывается в мои планы. Лучше всего мне заниматься своей собственной работой. Впрочем, да благословит Вас Господь, а также устроителя банкета и всех добрых людей, которые там будут присутствовать!

В середине ноября 1889 года его силы снова истощились. Во время проповеди он поворачивал руку с такой жгучей болью, словно ее резали, и у него не было иного выбора, как только уехать из Англии на зимний период в Ментон. Во время его

отсутствия в Табернакл проповедовал американский проповедник д-р А. Пирсон, а также должна была состояться евангелизационная кампания. Сперджен убеждал членов своей церкви "воспользоваться особыми возможностями этой кампании, чтобы приумножить славу Богу".

Еще во время предыдущих посещений Ментона он решил, когда позволяло здоровье, браться за перо и заниматься писательским трудом. На этот раз (декабрь 1889 — январь 1890) он посвятил себя работе над комментариями на Евангелие от Матфея под названием Евангелие Царствия. Время, проведенное в теплом климате, пошло на пользу, и он смог вернуться домой через два месяца с обновленными духовными и физическими силами.

И снова он с головой погрузился в работу. Но уже в первый же месяц он не смог поехать по приглашению в Уотербич, объясняя это так: "Я бы хотел все время ездить на посещения, но сил у меня не становится больше, а работы с каждым годом прибавляется... Три дня мне пришлось пролежать в болезни с опухшей левой рукой... Тем не менее, я стараюсь при малейшей возможности быть на людях".

Несмотря на то, что он не мог посетить Уотербич и многие другие места, куда был приглашен, он трудился в Лондоне и его пригородах, вдобавок к своей постоянной занятости работой в Табернакл.

Вскоре ему пришлось выдержать еще одну атаку по поводу все того же спора об упадке. На этот раз его критиком был не кто иной, как д-р Джозеф Паркер, который опубликовал открытое письмо, резко осуждавшее Сперджена за его жалобы об

отступлении от веры. Особенно он критиковал выход Сперджена из Союза баптистов. Паркер был очень хорошим проповедником уже много лет, но, в отличие от Сперджена, он никогда не проповедовал об основах христианской веры, так что теперь с легким сердцем позволял себе соглашаться с теми, кто отвергал Писания. Сперджен не дал ответа на это открытое письмо, однако он остро чувствовал его влияние, и не только из-за критики в свой адрес, но и потому, что Паркер оказывал благорасположение сторонникам "нового богословия" и не желал стать в один ряд с евангелистами. Действия Паркера показывают, как легко хорошие люди подвергались влиянию модернистского учения, мало-помалу внедрявшегося в Англии.

Несмотря на все ухудшающееся состояние здоровья, ревность Сперджена о спасении душ оставалась по-прежнему горячей. Это видно из письма, которое он написал одному подростку.

Вествуд,

Норвуд, 1 июня 1990.

О Господь, благослови это письмо!

Дорогой мой Артур Лейзел,

Некоторое время назад состоялось молитвенное собрание, на котором присутствовало много проповедников. Тема молитвы была "Наши дети". Мои глаза наполнились слезами, когда я услышал, как эти добрые отцы молили Бога о своих сыновьях и

дочерях. Когда они просили Господа о спасении своих семей, мое сердце переполнилось сильным желанием, чтобы все их молитвы сбылись. И мне пришла в голову мысль написать этим сыновьям и дочерям и напомнить им о молитвах родителей.

Дорогой Артур, у тебя есть большое преимущество в том, что твои родители молятся о тебе. Твоя судьба была положена перед престолом Божьим.

Но молишься ли ты сам за себя? И если нет, то почему? Если другие люди ценят твою душу, то разве можешь пренебрегать ею ты сам? Видишь ли, все молитвы и прошения твоего отца не спасут тебя, если ты сам не будешь искать Господа. И ты это прекрасно знаешь.

Может быть, ты не желал бы причинять горе своим дорогим матери и отцу, но ты его причиняешь. Они не могут быть спокойны за тебя, пока ты не спасен. Каким бы ты ни был послушным, милым и добрым ребенком, они не успокоятся до тех пор, пока ты не поверишь в Господа Иисуса Христа и не обретешь вечное спасение.

Подумай об этом. Вспомни, как много ты уже успел согрешить, и никто, кроме Иисуса, не может тебя омыть. Когда ты вырастешь, ты можешь стать очень грешным человеком, и никто не может изменить твою природу и сделать тебя святым человеком, кроме Господа Иисуса и Его Духа.

Ты нуждаешься в том, чего просят для тебя отец и мать, и ты нуждаешься в этом ТЕПЕРЬ. Почему бы тебе не начать искать спасение незамедлительно? Я слышал, как

один отец молился: "Господи, спаси моих детей, и спаси их, пока они еще маленькие". Быть спасенным никогда не слишком рано, так же, как и быть счастливым и святым. Господь Иисус любит принимать души в раннем возрасте.

Ты не можешь спасти себя сам, но великий Господь Иисус может спасти тебя.

Попроси Его об этом. "Просящий получает". Доверь Иисусу дело твоего спасения. Он может это сделать, потому что Он умер и воскрес для того, чтобы всякий, кто верует, не погиб, но имел жизнь вечную.

Приди и скажи Иисусу, что ты согрешил, проси о прощении, поверь в то, что Он прощает и будь уверен, что ты спасен.

А затем старайся подражать Господу. Веди себя дома так, как вел Себя Иисус в Назарете. Тогда твой дом будет счастливым, а твои дорогие отец и мать узнают, что они получили то, чего желали больше всего на свете.

Я прошу тебя подумать о небе и аде, потому что в одном из этих мест ты будешь жить вечно. Встреть меня на небе. Встреть меня у престола милосердия. Беги в свою комнату и молись Великому Отцу Небесному через Иисуса Христа.

Любящий тебя,

Ч.Г. Сперджен.

Будучи больным, усталым и очень загруженным человеком, Сперджен все же нашел

время, чтобы написать мальчику письмо, хотя никогда с ним не встречался и узнал о нем только через молитву отца.

Обычно письма Сперджена были написаны прекрасным почерком, но в этом письме его почерк был неровным и некрасивым. Очевидно, он писал опухшей рукой, преодолевая боль, притом, можно предположить, он написал каждому из детей, о которых молились родители на том собрании. Зато и результаты были благословенными, — в частности, данное письмо Господь употребил, чтобы привести к Себе юного Артура Лейзела. Весьма вероятно, что и прочие письма были столь же благотворными для остальных юных душ.

Спустя еще три месяца, проведенных в борьбе с болезнью, Сперджен снова поехал в Ментон в октябре 1890 года. Хотя во время отдыха он часто испытывал боль и слабость, все же он вернулся в Англию в феврале 1891 года в довольно хорошем состоянии.

Казалось, что его здоровье улучшилось настолько, что он сможет перевернуть еще одну страницу в своей жизни.

Но этого не случилось.

Вскоре по его возвращении состоялось годовое членское собрание, на котором он в последний раз участвовал в решении деловых вопросов церкви. Этот отчет давал хороший повод для благодарности Богу: число членов церкви составляло 5328 человек, в церкви имелось 127 нерукоположенных служителей, которые трудились в

Лондоне и за его пределами, церковь поддерживала работу 23-х миссионерских точек, где было, в общей сложности, 4000 сидячих мест, действовало 27 воскресных школ с 600 учителей и 8000 учеников. За два года до этого Сперджен построил на свои средства прекрасную новую церковь в Торнтон Хит (недалеко от своего дома), а вскоре должен был открыться новый молитвенный дом на 1000 сидячих мест неподалеку от Сари Гарденс, в память о годах, когда он проповедовал здесь в большом Мьюзик Холле.

В свою очередь, Суорд энд трауэл сообщал: "Март месяц был памятным месяцем. Пастор Ч.Х.С. продолжал беседовать с лицами, пожелавшими присоединиться к церкви, из которых 84 человека представлены на крещение и членство. Сколько на это понадобилось вдохновенного труда — лучше известно пастору и тем усердным жнецам, которые помогали ему в этом славном деле".

Вскоре состоялось собрание Ассамблеи Колледжа. Сперджен был глубоко огорчен тем фактом, что несколько человек отступили от веры и ушли во время "спора об упадке". Однако подавляющее большинство осталось на своих местах, и он в своей пламенной речи убеждал их продолжать ревностно трудиться и защищать веру. Однако это выступление оказалось для него чрезмерной нагрузкой. В следующий воскресный вечер, при выходе на кафедру, он был настолько слаб и истощен, что не смог проповедовать. Впервые за сорок лет служения он был вынужден покинуть кафедру из-за "нервного истощения", как он сам определил свое состояние. Но, тем не менее, он еще продолжал довольно энергично трудиться в течение месяца, посетил несколько церквей и выполнял свои обязанности в Табернакл.

В июне 1891 года Сперджен стоял перед своим собранием в последний раз. Эта платформа была его "престолом, где он проповедовал Евангелие, как минимум, двадцати миллионам слушателей", но теперь огромное собрание слушало его голос в последний раз.

Несомненно, он понимал, что близится конец его трудов, и потому на следующее утро решил съездить в Стамборн, хотя ему категорически не советовали это делать. Ему хотелось еще раз повидать картины своего детства, но он оказался слишком слаб для такого путешествия, и через четыре дня вернулся назад в крайне истощенном и болезненном состоянии.

В течение последующих трех месяцев он был окончательно выведен из строя.

Несмотря на лучший медицинский уход и лечение, он был серьезно болен. О нем молились верующие во всем мире и в самой церкви Табернакл. Сначала провели целый день молитвы, а затем молились по утрам, в обед и вечером, чтобы просить Бога о его выздоровлении. О нем молились главный иудейский раввин, священники Вестминстерского аббатства и Собора Св. Павла, а также служители церквей всех деноминаций. Сводки о состоянии его здоровья регулярно публиковались в светской и религиозной прессе, и письма с выражением сочувствия прислали Принц Уэльский, бывший Премьер-министр Глэдстон, некоторые члены высшего общества и Парламента, а также многие другие люди из различных сословий.

Проходили неделя за неделей, и у него наблюдались временами обнадеживающие улучшения, чередующиеся с ухудшениями, но в целом его состояние не улучшалось.

Ввиду приближающейся зимы было очевидно, что ему надо отправляться в Ментон, если он сможет собраться с силами. Итак, 26 октября 1891 года он отправился в тысячемильное путешествие, сопровождаемый своим братом, секретарем и женой. На этот раз Сюзанна впервые смогла поехать с ним в Ментон, и они оба радовались тому, что здоровье позволило ей быть рядом с ним в этом путешествии.

По прибытии в теплый климат, он стал чувствовать себя немного лучше. Он смог завершить свое толкование на Евангелие от Матфея, а также много времени проводил на воздухе, сидя на скамейке или в инвалидном кресле.

В канун Нового года он выступил с короткой речью перед группой друзей, собравшихся в его гостиничном номере, а также выступил перед ними в Новогоднее утро. Он хотел было проповедовать и в последующие два воскресенья, но его разубедили. А 17-го января он предложил спеть гимн в заключение небольшого богослужения, и этим гимном было завершено его публичное служение для Господа. Слова гимна звучали как никогда уместно:

Время течет, как песок,
И уже светает небесная заря,
Наступает долгожданное утро
Прекрасного летнего дня.
Полночный час так темен,
Но скоро будет день

В стране Эммануила,
Где обитает слава.
О Христос! Ты — источник любви,
Ты — глубокий колодец живой воды;
На земле я попробовал лишь ручейки из этого потока,
Но глубже буду пить из него там, на небе.
Там простирается безграничный океан
Его милости,
В стране Эммануила,
Где обитает слава.

В последующие дни он находился большей частью в полузабытьи. Для Сюзанны и для лечащего врача было очевидно, что жизнь его тает на глазах. 28-го января он впал в полное забытьё, и, несмотря на все усилия, оставался в таком состоянии вплоть до 31-го января 1892 года, когда его земной путь пришел к концу, и он ушел, чтобы быть со Христом, что, как свидетельствует Писание, "несравненно лучше".

Быть со Христом несравненно лучше

Заканчивая проповедь воскресным вечером 27-о декабря 1874 года, Сперджен сказал:

"Через короткое время на улицах будет большое стечение народа. Я представляю себе, как собравшиеся спрашивают друг друга: "Зачем собрались здесь эти люди? — А ты разве не знаешь? Сегодня его хоронят. — Кого хоронят? — Сперджена! — Кого?"

Это тот человек, который проповедовал в Табернакл? — Да, это он. Сегодня его хоронят".

Это произойдет очень скоро, и когда вы увидите, как мой гроб несут в немую могилу, я желал бы, чтобы каждый из вас, — будь то обращенный или необращенный, — мог сказать: "Он настойчиво предупреждал нас простыми и ясными словами, чтобы мы не обходили вопросы вечности. Он убеждал нас прийти ко Христу. Теперь он ушел, и если мы погибнем, то наша кровь не будет лежать на его совести".

The Full Harvest, Iain Murray

Секретарь Сперджена Харралд сразу же послал телеграмму в Лондон для церкви Табернакл. В ней сообщалось:

"Наш возлюбленный пастор ушел на небо в 11.05 в воскресенье вечером". Хотя в предыдущей телеграмме сообщалось об ухудшении состояния Сперджена, данная телеграмма была неожиданным и тяжелым ударом для церкви Табернакл.

Эта новость стала главной в лондонских газетах, вышедших в понедельник, и они раскупались так быстро, что вскоре невозможно было найти в продаже ни одного номера. Это же сообщение публиковали и газеты в других частях света, и к Сюзанне в Ментон стало приходиться так много телеграмм с соболезнованиями, что местный телеграф мог принять лишь небольшую их часть.

Тело Сперджена положили в гроб из оливкового дерева и перенесли в пресвитерианскую церковь в Ментоне. За год до этого Сперджен проповедовал здесь по случаю открытия нового церковного здания, будучи в давних приятельских отношениях со служителем этой церкви, который придерживался евангельских взглядов. Многие посетители из южных областей Франции собрались здесь 4-го февраля на утреннее служение, и затем гроб перенесли в поезд, который через четыре дня должен был прибыть в Лондон.

А в Табернакл, между тем, начались дни слезных молитв и светлых воспоминаний. На понедельник была запланирована молитва в связи с эпидемией гриппа, свирепствовавшей в городе, но к данной нужде была добавлена молитва о Сюзанне Сперджен, а также о церкви, понесшей столь тяжелую утрату. С одобрения церкви, диаконы предложили Джеймсу Сперджену продолжать служение ответственного пастора, а д-ру Пирсону — взять на себя должность его заместителя, и на следующее воскресенье они вдвоем совершали служение в переполненной церкви, включая множество скорбящих, заполнивших огромное пространство на улице.

Утром 8-го февраля гроб с телом покойного прибыл в Лондон. Сначала его поместили в приемной Пасторского колледжа, и в течение дня мимо него проходил непрерывный поток людей, которых было, по некоторым оценкам, не менее 50000 человек. Во вторник гроб перенесли в Табернакл, где убрали несколько рядов сидений, чтобы обеспечить достаточно места. Гроб был обрамлен цветами, а над ними возвышалось несколько пальмовых веток, которые Сюзанна Сперджен сорвала в Ментоне, в знак упоминания о пальмовых ветвях, о которых сказано в книге Откровения. На перилах верхней платформы был прикреплен плакат со словами: "Помните, что я, еще

находясь у вас, говорил вам", а на перилах нижней — "Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил".

По понятным причинам, несмотря на большие размеры, Табернакл не могла вместить всех желающих присутствовать на погребальном богослужении. Ввиду этого было решено провести пять таких богослужений. Первое состоялось в среду утром, и было предназначено для членов церкви. Второе, в этот же день в 3 часа дня, — для служителей и студентов. Третье, — в 7 вечера, — для христианских работников и четвертое, — поздно вечером в 10.00, — для всех желающих.

На этих богослужениях выступили с речью несколько человек. Все они говорили о посвященной Богу жизни Сперджена и о его необыкновенных талантах, и все выражали глубокую скорбь о его уходе. Все эти высказывания достойны того, чтобы их повторить еще раз, но мы ограничимся лишь некоторыми.

Дж. Харралд рассказывал многие подробности из последних месяцев жизни Сперджена, и особо подчеркнул христианскую силу духа, проявленную Сюзанной Сперджен. Он рассказал, как пять человек, присутствовавших при его кончине, видя приближение смерти, преклонили колени у его ложа. Сюзанна стала молиться вслух, и Харралд свидетельствует: "Мы до глубины души были тронуты, слыша молитву любящей души, понесшей столь тяжкую утрату, в которой выражалась благодарность Богу за многие годы совместной жизни и то невыразимое счастье, которое ей доставил ее дорогой супруг. За семь месяцев до этого она уже вручила своего мужа в руки Господа (когда он был в крайне тяжелом состоянии в Лондоне), но Господь позволил ему остаться с ней еще на короткое время".

Диакон Т.Г. Олни также выступил с речью и, упомянув о многочисленных дарованиях Сперджена, рассказал о его организаторских способностях, прежде всего, среди диаконов и пресвитеров, а также и в церкви в целом.

Я должен также засвидетельствовать о том, что он внушал к себе огромное доверие с нашей стороны. Что бы он ни посоветовал, мы принимали сразу же. Я могу припомнить и строительство этого великого здания Табернакл, и открытие Приюта в Стокуэлле, и многое другое, о чем у нас теперь нет времени говорить. Многие из этих великих начинаний поначалу казались неразумными, но его планы всегда были хорошо взвешенными. Он сначала все хорошо обдумывал и обо всем молился, а затем уже передавал нам. И нам, диаконам, не оставалось ничего делать, как только поддерживать его инициативы.

Пресвитер Дж. Данн, бывший главным помощником Сперджена с самого его прибытия в Лондон, подчеркивал его способность приводить души ко Христу и радость в этом труде.

Как зажигались его глаза, когда кто-либо приходил к нему с вопросами о спасении или со свидетельством об уверовании в Господа Иисуса Христа, и как сердечно он был им рад! Для него не имел значения внешний вид или возраст ищущего. Он всегда вникал в нужды посетителей и искренне им сочувствовал. Я видел многих, которые входили в его кабинет с заплаканными глазами, и выходили оттуда с радостным лицом. Господь снял цепи со многих душ, поработанных грехом, когда он преклонял колени в этой заветной комнате.

Еще один член семейства Олни, диакон Вильям Олни, свидетельствовал:

Мне приходилось говорить о многих миссионерских работниках. Наш дорогой пастор, которого Господь взял к Себе, умел замечательным образом вдохновлять сердца других своей любовью к душам. В ответ на его "Трубный зов, призывающий христиан к действию", сотни человек пошли с этой платформы в трущобы Лондона и привели в церковь людей, живших в самых обездоленных окрестностях. В результате мы имеем на сегодня двадцать три миссионерские станции и двадцать шесть филиалов школы, и во всех этих местах каждый воскресный вечер около тысячи членов нашей церкви трудятся для Господа Иисуса Христа среди беднейших слоев населения.

Несколько ведущих деятелей Союза баптистов, несмотря на неодобрение выхода Сперджена из Союза, также выразили свою любовь и почтение к нему. Главной фигурой среди них был д-р Александр Макларен, который во время похорон сказал следующее:

Размышляя о жизни Ч.Г. Сперджена, я узнал, что является главным условием успешного служения. Я вполне допускаю различия в личном складе характера и в характере наших слушателей. Но при этом допущении, а также учитывая, что один человек не может сделать все, я все же указываю на этот гроб и заявляю, что для меня лично он говорит о том, что если человек желает приобрести, а затем вести многих других людей и затем послужить для них благословением, — он должен твердо держаться великих истин христианской веры, провозглашающих спасение во Христе Иисусе, воплощенном Агнце Божьем, а также жизнь в Духе Божьем и веру во Христа

как взаимосвязь всего.

На погребальных богослужениях присутствовали представители всех протестантских деноминаций, — модератор Пресвитерианского синода, президент Конгрегационального союза, некоторые англиканские священники. Мы приведем здесь особенно проникновенные слова д-ра Стивенсона, президента Веслианской конференции.

Я осмелюсь высказать о нашем дорогом ушедшем друге следующую мысль. Он сослужил великую службу не только для нынешнего, но и для грядущего столетия, тем, что в течение столь длительного времени держал на должной высоте великое служение проповеди. Некоторые говорят, что проповедь скоро изживет себя и что кафедры станут ненужными. В будущем, говорят они, главным Божьим служителем будет книгоиздатель, и люди смогут читать евангельскую проповедь в газетах... Но когда мы посмотрим на гроб, лежащий перед нами, то ни у кого из нас не останется сомнения в том, что кафедра продолжает оставаться в этом мире действенной силой и что Богу благоугодно спасать людей "юродством проповеди".

Я вполне уверен, что, благодаря пронесшемуся от этого места по земле голосу, который люди слушали и к которому прислушивались, несмотря на шум и борьбу политических, коммерческих и увеселительных интересов, — утверждается на земле свидетельство о силе простой проповеди Евангелия, важность которого мы не можем в данное время оценить по достоинству.

Во время последней болезни Сперджена Муди и Сэнки проводили евангелизацию в Шотландии. Узнав о смерти Сперджена, Муди пожелал тут же отправиться в Лондон,

чтобы постоять, как он говорил: "возле гроба человека, сделавшего для меня так много". Но он не смог оставить проводимые собрания, и потому попросил Сэнки поехать и представить их обоим. Сэнки выступил с речью на богослужении для христианских работников, говоря:

Я считаю для себя большой честью видеть здесь тысячи собравшихся вокруг этого гроба, чтобы оказать дань почтения человеку, сделавшему для меня так много. Его голос умолк навсегда на этой земле, но все мы помним его чистый звук, ради которого мы приходили в этот величественный храм. Для меня стало обычаем по приезду в Англию из моей страны посещать Табернакл, чтобы мой светильник зажегся с новой силой...

Когда нам казалось, что над христианским миром нависла густая тьма, мы часто с надеждой обращали взоры на Лондон, чтобы понаблюдать, что говорил и делал этот великий полководец. Мы всегда получали вдохновение, исходившее от этой кафедры, и всегда видели в нем своего друга, который стоял против всех врагов, друга, за которым мы могли смело следовать. Много молитв было вознесено о нем по ту сторону океана из уст тех, кто не имел счастья слышать его величественный голос. Наша страна любит Чарльза Гаддона Сперджена.

Я научился у пастора этой церкви, как употреблять свой голос, данный мне Богом, для того, чтобы проповедовать тысячам посетителей на наших больших собраниях... Я бы даже сказал, что он научил меня петь хвалу Богу. Для меня он был примером человека, который мог вдохновлять своих людей на поклонение Богу в гимнах хвалы, сначала прочитывая слова гимна, а потом, вставши, воспевая вместе с народом...

Хвала Богу есть часть богослужения, которую мы не должны принижать...

Я желаю спеть небольшой гимн, который будет уместен для сегодняшнего события.

И Сэнки с большим чувством спел гимн, начинавшийся словами:

Усни, о брат возлюбленный, усни,
На грудь Иисуса голову склони,
И мирно спи, Спасителем объят,
Спокойной ночи, брат!

Последнее траурное служение и похороны состоялись на следующий день, 11-го февраля. Два выпускника Пасторского колледжа, служение которых с особенной теплотой одобрял Сперджен — Вильям Вильямс и Арчибальд Браун — участвовали в служении первыми. Один из них совершил молитву, а другой читал Писание.

Проповедовал д-р Пирсон, который называл Сперджена "гением в интеллектуальной сфере, гением в моральной сфере и гением в духовной сфере". Он закончил свою проповедь словами:

Смерть закрыла эти глаза, которые сияли, как две звезды на темном небосклоне, и разливали свет и радость для многих обездоленных и скорбящих сердец, но теперь угасли навсегда. Этот голос, который мог выражать обличение и убеждение, умолк навеки. Эта рука, которая поднимала многих упавших, которая укрепляла и ободряла

многих израненных, никогда больше не протянется к нам для святого объятия. Мы благословляем за тебя Бога, наш брат. Мы рады, что небо стало богаче, хотя мы и обеднели; и у твоего гроба мы торжественно обещаем, с Божьей помощью, следовать по твоим благословенным стопам так же, как ты следовал за твоим благословенным Господом!

Служение было завершено пением гимна, который любил Сперджен:

Да, с Господом всегда!

С Ним вечно будем мы

Вдали от бремени труда,

Вдали от смертной тьмы.

Здесь в холоде, жаре

Днем шествую я с Ним;

Я отдыхаю ночь в шатре

Душой, согретой Им.

Да, с Господом всегда!

Как сладко быть с Христом!

Как близко, близко иногда

Мне виден вечный дом!

И духом я лечу

В Иерусалим родной;

Но я сильнее всего хочу,

Чтоб был Господь со мной.
И днем, и в тьме ночей
Я слышу песнь святых
Звучит сквозь шум сует земных
Все громче и ясней.
И воскресенья клич
Поется, чтоб достичь
Тебя, друг: "С Господом всегда,
Для вечного плода!"

После заключительной молитвы тысячи платочков вытирали глаза, последний раз с любовью глядевшие в гроб, где лежал тленный прах того, кому они были столь многим обязаны.

Катафалк с гробом в сопровождении нескольких похоронных экипажей двинулся в пятимильный путь к Норвудскому кладбищу. На протяжении всего пути огромное множество людей вытянулось в непрерывную цепь, звонили колокола церковей, мимо которых проходила процессия, и даже находившиеся здесь трактиры были в это время закрыты. Возле сиротского приюта была сооружена крытая платформа, на которой сидели скорбящие дети. Они должны были петь, но большинство из них плакало, ведь Сперджен так сердечно их всех любил...

На кладбище возле гроба в первых рядах собрались близкие родственники почившего пастора, а за ними — больше тысячи скорбящих на территории, и многие тысячи — за территорией кладбища.

Служение на кладбище проводил, в основном, Арчибальд Браун. Глядя на гроб и размышляя вслух о лежавшем в нем дорогом человеке, он сказал:

Возлюбленный наш президент, верный пастор, король проповедников, любезный брат, дорогой Сперджен, — мы не говорим тебе "прощай", мы только говорим ненадолго "спокойной ночи". Ты скоро воскреснешь на заре Первого воскресения для святых. И не мы должны бы говорить тебе "спокойной ночи", а ты нам, — ведь это мы томимся в темноте, а ты находишься во святом Божьем свете. Но эта наша ночь тоже скоро пройдет, а вместе с ней пройдет и весь наш плач. И тогда наша песнь вместе с твоей будет приветствовать утро того дня, где не будет ни туч, ни конца, ибо там не будет больше ночи.

Усердный работник на ниве! Твой труд завершен. Твои борозды были прямыми. Оглядывание назад не искривляло твой путь. За твоим терпеливым сеянием следовал обильный урожай, и небо уже обогатилось снопами, которые ты собрал, и еще больше обогатится за годы, лежащие впереди.

Борец Божий! Твоя битва, столь трудная и благородная, теперь завершена. Твой меч, прилипший к руке, наконец опущен, — вместо него ты держишь сейчас пальмовую ветвь. Шлем уже не теснит твое чело, так часто утомлявшееся от мыслей о нелегкой борьбе, — венец победителя, полученный из рук Великого Полководца, дан теперь тебе в полную награду.

Еще на короткое время останется на земле твой дорогой для нас прах. А затем

придет твой Возлюбленный, и при звуке Его голоса ты вырвешься из своего земного ложа, и уподобившись Его телу, вознесешься в славу. И тогда твои дух, душа и тело вместе возвеличат Господне искупление. А пока — спи, наш возлюбленный брат. Мы благодарим за тебя Бога, и в крови завета вечного имеем надежду, что будем славить Бога вместе с тобой. Аминь.

Итак, душа Чарльза Сперджена находилась уже в присутствии Господа, а его тело положили в могилу, где оно будет ожидать, как прекрасно сказал Арчибальд Браун, рассвета воскресения.

А люди вернулись в Лондон, чтобы заниматься своими обязанностями в Табернакл, в Колледже, в Доме милосердия, в Приюте, в многочисленных миссиях и школах, чтобы усердно и терпеливо трудиться, как и в прежние годы, но только с той печальной разницей, что с ними больше не было их лидера и любимого пастора.

Его жизнь была поистине богатой. Он ходил с Богом и проводил жизнь в молитве. Его единственной целью было "проповедовать Иисуса Христа Распятого", и этой цели он посвятил все свои таланты, — необыкновенную память, великую силу речи, — и он находил радость в том, что приносил славу Спасителю и приводил души к познанию Его. Еще в начале своей жизни он решил не считаться со своими собственными интересами, и молитва о том, чтобы его не было видно за крестом, но был виден один только Иисус, выражала главное желание его сердца.

Сперджен любил заявлять, что когда он попадет на небо, то "станет на углу одной из улиц и расскажет ангелам эту старую, старую историю об Иисусе и о Его любви".

(Так Сперджен понимал Еф.3:10). Мы не знаем, будет ли святым дано такое преимущество, зато мы можем быть уверены, что когда множество искупленных перед престолом поет "Достоин Агнец закланный", — тогда среди них с бесконечным восторгом звучит и голос, любивший хвалить Агнца Божьего здесь, на земле, — голос Чарльза Хаддона Сперджена.

Приложение

Дальнейшая история Метрополитен Табернакл

В то время, когда умер Сперджен, церковь Табернакл и все сопутствующие организации работали в полную силу. Посещаемость церкви была такой же высокой, как и обычно, финансовая поддержка приходила вовремя, все дела шли хорошо, и, казалось, все должно было продолжаться в таком же духе еще много лет.

Но церкви нужен был пастор, который мог бы вести дело в духе Сперджена. За несколько лет до этого д-р Пирсон описал служение в Табернакл следующим образом: "Здесь нет ничего, что могло бы отвратить сердца людей от простоты в служении и в проповеди Евангелия. Регент управляет общим пением, не употребляя даже корнет. Молитва и славословие, чтение Слова Божьего и ясное изложение Евангелия — такими были "средства передачи благодати", которыми Сперджен пользовался всю свою жизнь".

Некоторое время д-р Пирсон оставался заместителем пастора, а Джеймс Сперджен — ответственным пастором. Но так не могло долго продолжаться, поскольку д-р Пирсон

был пресвитерианин и не признавал учение о крещении по вере. К тому же он был диспенсационалистом, с чем Сперджен был категорически не согласен. Через четыре месяца д-р Пирсон должен был поехать в Америку на запланированное мероприятие, и церковь попросила быть проповедником Томаса Сперджена, который как раз приехал из Новой Зеландии. Д-р Пирсон вернулся через четыре месяца, но в церкви разделились мнения насчет того, чтобы он продолжал нести служение помощника пастора. Тем временем Томас Сперджен снова уехал в Новую Зеландию, и более 2000 членов церкви проголосовало за то, чтобы он вернулся в Англию и стал пастором в Табернакл.

Томас принял это предложение. Он унаследовал некоторые голосовые данные и манеры проповеди от своего отца. В продолжение 1890-х годов число членов церкви продолжало исчисляться тысячами, и вся основная работа поддерживалась, хотя некоторые прежние служители и старые члены церкви ушли в вечность. Тем не менее, был замечен недостаток того рвения, которое было характерно для церкви в прежние годы.

В 1898-м году здание Табернакл сгорело при пожаре. Собрания стали проводить в разных временных помещениях, и многие стали посещать другие церкви. Через три года помещение восстановили, но уже с меньшим количеством сидячих мест. В это время бесценная библиотека Сперджена, состоящая из 12000 томов, многие из которых представляли собой редкие экземпляры пуританских времен, — была выставлены на продажу, и куплена колледжем Вильям Джуэл в Либерти, штат Миссури.

В 1907-м году Томас Сперджен был вынужден оставить пасторское служение по

состоянию здоровья. После него пастором был Арчибальд Браун, способный проповедник, во многом походивший на Сперджена в богословских понятиях и методах работы. Однако Браун тоже не отличался хорошим здоровьем, и оставался пастором только три года.

По предложению д-ра Пирсона, церковь Табернакл попросила стать их пастором американского проповедника д-ра А.С. Диксона. Методы работы Диксона были прямо противоположны стилю Сперджена. Он поставил в церкви пианино и учредил хор, и при его довольно эмоциональном стиле служения было много свидетельств об обращении, однако в церкви стал заметен упадок в посещаемости и в усердии. К тому же, во время его служения началась Первая Мировая война, многие братья были взяты на военную службу и дела в церкви пошли еще больше на убыль. Когда в 1919 году д-р Диксон покинул Табернакл, это была уже совсем не та церковь, которая была при Сперджене.

После Диксона пастором был Х. Тайдемэн Чилверс. Чилверс был больше похож на Сперджена, и хотя во время его служения в церкви был установлен орган, все же, благодаря его трудам, церковь вернулась к прежней простоте и к кальвинистскому учению. Он также занял твердую позицию против либерализма и обмирщвления, и при его служении, продолжавшемся до 1935 года, посещаемость церкви возросла, и церковь в целом значительно укрепилась.

Пробыв затем без пастора два года, церковь пригласила д-ра Греема Скрогги. Д-р Скрогги был шотландцем, известным как хороший проповедник и автор книг. Однако его служение было нарушено началом Второй Мировой войны. В это время община

рассеялась, поскольку многие выехали из Лондона, а здание Табернакл было снова разрушено в 1941-м году прямым попаданием бомбы. Собрания стали проводить в цоколе, под обломками сводов здания, а д-р Скрогги, несмотря на верность в служении, в 1943 году вынужден был уйти в отставку из-за возраста и плохого здоровья.

К этому времени произошли изменения и в организованных Спердженом учреждениях. В 1923 году Пасторский колледж, который уже не был связан с Табернакл, переместился в прекрасное поместье на окраине Лондона. В последующие годы к его первоначальной каменной постройке была добавлена большая библиотека и другие строения. Во время Второй Мировой войны дети из приюта в целях безопасности были вывезены в небольшой городок к югу от Лондона, а в конце войны попечители приюта, которые в то время не были членами церкви Табернакл, организовали постройку нового здания в городе Бирчингтон, в графстве Кент.

После ухода д-ра Скрогги еще два служителя продолжали служение в трудных обстоятельствах, при малом количестве членов и разрушенном бомбой здании. Затем некоторое время церковь оставалась без пастора и присоединилась к Союзу баптистов.

В 1954 году Эрик Хейден принял служение пастора и организовал восстановление здания. Государство выделило на это значительную сумму денег (224 500 фунтов), и здание Табернакл было построено заново. От старого здания в нем остался только фронтон с парадным входом. Новое здание было рассчитано на 1800 сидячих мест, однако к этому времени окрестности Табернакл совершенно изменились, времена

Сперджена были уже давно забыты, так что вполне хватило бы и зала на 300 – 400 человек, включая классы для воскресной школы.

Пастор Хейден оставался на своем посту пять лет, после чего для церкви снова начались трудные времена. Сюда было очень далеко добираться, Суорд энд Трауэл перестал выходить из печати, и община стала такой маленькой, что в 1965 году новый пастор Денис Паскоу говорил: "Все наши члены церкви могут сегодня поместиться на нескольких скамейках".

После этого в 1970 году пастором церкви стал д-р Питер Мастерс. Д-р Мастерс старается подражать Сперджену в богословских вопросах и в методах работы, и под его руководством, несмотря на трудности, дела в церкви пошли на улучшение. Он вывел церковь из Союза баптистов, возобновил публикацию Суорд энд трауэл, стал использовать автобусы для доставки детей в воскресную школу. Он также учредил Школу богословия, в которой проводятся занятия для духовных работников в течение года, а также недельный цикл лекций в летнее время, которые посещает приблизительно 350 человек. В недавние годы зал уменьшили на одну треть, что удобнее для нынешней общины, которую посещает примерно 300 человек.

Таким образом, в Табернакл и сегодня проповедуется то богословие, которого придерживался Сперджен, и хотя остальных его учреждений в церкви теперь не существует, все же в Англии, где процветает агностицизм, начатая Спердженом работа продолжается по тому образцу, который он когда-то установил.